

Игорь
Яснов

МАЗГОР

ВОЗВРАТА БЫТЬ НЕ МОЖЕТ

2

 SREDA
PRODUCTION
COMPANY

У Игоря Соколовского в жизни одна цель – найти убийцу своих родителей и отомстить. Но ни гибель отца, ни узанный в лицо враг не приблизили его к разгадке тайны смерти его матери. Первая попытка не удалась, и кажется, жизнь окончена. Соколовский пошел ва-банк, рискнул всем ради главного и... проиграл. Холодные стены тюремной камеры и долгие годы заключения – вот что ждет его.

Новый поворот в судьбе дает Игорю шанс. Но кто стоит за загадочными событиями, которые разворачиваются вокруг него? Таинственный покровитель или смертельный враг? И снова Игорь Соколовский идет по следу, и снова дыхание смерти опаляет близких ему людей. Мертвые покидают могилы, близкие гибнут. Разгадка уже в руках Игоря, но она снова ускользает. Кто ты, убийца?

- [Игорь Яснов](#)

- - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
-

Игорь Яснов

Мажор-2. Возврата быть не может

© Яснов И., 2017

© Оформление ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Аркадий Викторович Игнатьев поднял руку с пистолетом и, стиснув зубы, нажал на спуск. Выстрелы глухо ударили один за другим, со звоном полетели на пол стреляные гильзы. Рука дрожала. Опустив пистолет и с ненавистью глядя в темноту, Игнатьев поднял вторую руку с зажатой в ней бутылкой. Вкуса виски он не чувствовал, он просто глотал и глотал жидкость, пытаясь найти в опьянении какое-то равновесие внутри себя.

– Не налегай, – раздался за спиной знакомый голос, от которого хотелось избавиться, но он все равно звучал.

– Праздную, – ответил Игнатьев, и вдруг в его голосе появились злые нотки: – Имею право! Соколовский не решил проблему со своей женой, зато я решил проблему с Соколовским.

– А кто решит проблему с тобой, Аркаша?

Алкогольный туман в голове не помешал ему уловить скрытый смысл вопроса. Игнатьев обернулся и увидел, как из темноты под светом фонаря появилась рука с пистолетом и хорошо знакомой буквой «F» на запонке. Пистолет выплюнул с огнем и грохотом пулю, казалось, прямо ему в лицо. Игнатьев сглотнул тягучую слюну с горечью во рту и повернулся к мишени. Пуля пробила отверстие точно в «голове».

– Ты ведь помнишь про наш уговор?

– Уговор я нарушать не собираюсь, – угрюмо ответил Игнатьев.

– Надеюсь, мстить Соколовскому-младшему ты тоже не станешь.

– А зачем? – спросил Игнатьев и стиснул рукоятку пистолета. Волна злости накрыла его, но она принесла с собой твердость и упрямую сосредоточенность. Он поднял руку. Пистолет больше не прыгал в ней, мушка совместилась с целью. Выстрел, еще один! Обе пули попали точно «между глаз» мишени на стене. – На зоне такие, как он, долго не живут.

День или ночь. Игорю Соколовскому было все равно. В маленькое окно камеры СИЗО попадало так мало света с улицы, а свет лампочки под потолком так слепил глаза, что он давно уже перестал думать о таких пустяках, как время суток. Комната для допросов от камеры ничем не отличалась. Те же стены, та же краска, те же потолок и окно. Только не было здесь железной кровати, а был стол и привинченный к полу стул.

Коробочку с кольцом Соколовский поспешно сунул в карман, как только снаружи лязгнула на двери засов. И Вика была все та же. Тот же строгий костюм, знакомая блузка и большие глаза, которыми она умела так смотреть. Вика вошла, обернулась на дежурного, дождалась, когда он выйдет, и села напротив. И опять она смотрела молча и говорила своими большими глазами. Игорь отвел взгляд, нащупав в кармане коробочку, и стал смотреть на сетку с мандаринами, которую принесла Вика, и книгу. С усмешкой он прочитал название на обложке: «Волженкин Б. В. «Экономические преступления».

Протянув руку, Игорь взял книгу и стал переворачивать страницу за страницей, потом поднял наивные и непонимающие глаза на свою бывшую начальницу:

– Где?

– Что – где? – не поняла Вика, недоуменно следя за руками Соколовского.

– Напильник, – тоном заговорщика громко прошептал Игорь и покосился на дверь. – Без напильника ничего не выйдет.

– Прекрати, это не смешно! – вспылила Вика, и ее большие глаза готовы были вот-вот наполниться слезами. – У тебя завтра вечером суд.

– Хорошо, что напомнила, – пытаясь скрыть горечь в голосе, ответил Игорь. – Я как раз

собирался тебя пригласить! Есть два билета в первый ряд. Хочешь, Даню возьми.

– Игорь... – Вика смотрела на Соколовского, в его запавшие глаза, на многодневную щетину, больше напоминавшую короткую бороду. – Даня сделал мне предложение.

Подумав, Игорь снова вытащил из кармана руку, так и не достав заветную коробочку с кольцом.

– Надо брать, – уверенно кивнул он. – Такой парень!

– Игорь, я долго думала...

– Я серьезно, – вздохнул Соколовский. – Обвинение просит одиннадцать лет, и я, скорее всего, приму их предложение. А ты прими его предложение. Даня хороший человек и любит тебя. А у меня только одна просьба. – Соколовский снова посмотрел Вике в глаза наивно и открыто: – Не называйте первенца Игорем.

– Хотя бы раз ты можешь не валять дурака? – Вика вскочила на ноги, ее губы прыгали от обиды и негодования.

Круто повернувшись на каблуках, она выскочила из комнаты. Игорь вздохнул и с грустной улыбкой стал смотреть в стену напротив. «Ну вот. Все встает на свои места», – подумал он.

Снова холодная камера, снова одиночество и дикая тоска. «Гнать ее, гнать от себя как можно дальше», – мысленно упрямо повторял Игорь, но перед глазами снова появлялись большущие глаза Вики. «Нет, не ее гнать», – стал уточнять он, проваливаясь в зыбкий, как холодная дрожь, сон.

А дальше сон становился странным. В этом сне Игорь проснулся в восемь утра и его подняли с постели. Начальник СИЗО с контролером все время торопили, заставили быстро собрать свои вещи. Почему-то было очень холодно. «Как на расстрел», – подумалось с привычным сарказмом. Игорь пытался шутить, но его грубо обрывали, и никто не хотел смотреть в глаза. Это напрягало. Снова те же коридоры, лестница, по которым его водили на допросы к следователю. Но теперь еще ниже, на первый этаж. А потом сон стал совсем странным, когда его завели в комнату дежурного и стали возвращать, сверяясь с актом, вещи, изъятые при задержании. В том числе и бумажник с телефоном. Бумажник был пустой. Сон приобретал признаки действительности.

Соколовский вышел на улицу и поежился. В спортивном костюме под неласковым зимним небом ему было, мягко говоря, не очень уютно. Небо было серое, слишком землистое для зимы. И дорога напротив ворот СИЗО была серая и грязная. «В таких случаях, кажется, рекомендуется проснуться, – подумал Игорь и засунул замерзшие руки в рукава. – Я на свободе? Постановление о моем освобождении лежит в сумке с моими вещами, но только ощущение сна почему-то не проходит. Наверное, я слишком свыкся с мыслью, что мне конец».

Он не успел пройти и нескольких шагов по улице, как его обогнала машина и остановилась. Соколовский даже не удивился, увидев, как из машины вышел его адвокат с пальто в руках. «Кажется, можно надеяться, что все сейчас станет ясно», – подумал он.

– Рад вас видеть, Федор Сергеевич. Не понимаю... Как вам это удалось? – спросил Игорь, с наслаждением натягивая пальто и забираясь в машину на заднее сиденье.

– Я тут ни при чем.

Игорь с большим изумлением уставился на него. Сон, что ли, продолжается? Машина тронулась, когда адвокат уселся рядом с Соколовским.

– Тогда кто же отозвал иск?

– По идее, сам Игнатьев, – пожал плечами Федор Сергеевич.

– По идее? Вы не знаете точно?

– Видите ли, Игорь Владимирович, – в своей обычной терпеливой манере стал объяснять адвокат, – я пытался получить комментарии от потерпевшей стороны, но встретил отказ в грубой

форме.

– Ладно, разберемся, – проворчал Соколовский и стал смотреть в окно на мелькающие мимо витрины магазинов. Ощущение сна как-то не проходило.

– Игорь Владимирович, после смерти вашего отца прошло полгода. С сегодняшнего дня вы вступили в права наследования, и теперь контрольный пакет акций компании принадлежит вам. Поскольку средства компании на время следствия были заморожены, а за вашим отцом числился долг по одной из сделок, то нам пришлось реализовать все свободное имущество, в том числе и вашу квартиру.

– И где я буду жить? – хмыкнул Соколовский, не поворачивая головы.

– Игорь Владимирович, не уверен, что вы меня поняли. Теперь вы владеете всеми активами компании и, думаю, сможете позволить себе жить где угодно. – Адвокат протянул Игорю папку с документами. – Здесь кое-какие документы и фотографии отца. Я подумал, они должны быть у вас.

Ощущение сна наконец рассеялось, когда Игорь увидел вывеску «ЦВЕТЫ». Только сейчас он по-настоящему осознал, что вокруг больше нет однотонных серых стен камеры и угрюмых охранников. Он ощутил наконец себя в мире, где жили люди, где была Вика. А еще в этом мире была вся его прошлая жизнь.

– Остановите машину, – потребовал он, но, выйдя из машины, опомнился и снова наклонился к двери: – Федор Сергеевич! Совсем забыл, что в мире есть такая условность, как деньги.

– Простите. Мне надо было с этого начать. – Адвокат вытащил из внутреннего кармана приличной толщины пачку денег и пластиковую банковскую карту. – Возьмите. Игорь Владимирович, не задерживайтесь, нас ждут в совете директоров.

– Подождут, – отрезал Игорь. – Сначала на кладбище.

«Ну, вот они и вместе», – подумал Игорь, кладя цветы к надгробью под фотографию матери. Сколько всего произошло, но он ведь так и не приблизился к разгадке этой тайны. Кладбищенская тишина обволакивала и как-то успокаивала. Игорь налил водку в пластиковый стаканчик, поставил его под фотографией отца, а потом приложил горлышко к губам и сделал несколько больших глотков. Водка обожгла горло, перехватило дыхание на морозе. Игорь прижал руку к губам и стал смотреть в лица родителей.

– Простите меня, – прошептал он. – Я все сделаю, как надо.

На кладбище было слишком пусто, чтобы не заметить одинокую фигуру человека, торчавшую поодаль среди могил. Когда Соколовский посмотрел на незнакомца, тот поднял приветственно руку, накинул на голову капюшон и быстро пошел к выходу. Что-то в этой фигуре было странное и зловещее. Сразу вспомнились и другие люди, которые поджидали его вот так же, когда он приходил навестить маму. И всегда эти люди были связаны с его прошлым.

Соколовский поставил бутылку на снег и пошел следом за незнакомцем. Тот оглянулся и ускорил шаг. Соколовский тоже заторопился. Незнакомец снова обернулся и уже возле самой калитки кладбищенской ограды замешкался, то ли что-то прикладывая к решетке, то ли снимая. Соколовский побежал, но человек уже исчез за оградой. Едва выскочив за ворота, Игорь увидел, что мужчина в капюшоне прыгнул в черную иномарку, которая тут же сорвалась с места и понеслась по улице.

– Игорь, что случилось? – через опущенное стекло двери спросил Федор Сергеевич.

– Заводи! – опомнился Соколовский и бросился к машине адвоката.

Взрывом ему опалило дыхание, вспышка ударила по глазам, а сам Игорь потерял ощущение реальности и опоры под ногами. Его отбросило назад. Почти потеряв сознание, он успел

подумать о том, что машина взорвалась вместе с Федором Сергеевичем, с его водителем. И сам Соколовский, еще немного, тоже сгорел бы в этом адском огне. Осознание нелепости и ужаса произошедшего пришло к нему потом, когда он, откашливаясь и тряся головой, попытался сесть на снег, прикрывая глаза от яркого, горячего пламени, бившего из развороченных останков машины.

Жар был нестерпимый, и Игорь, кое-как поднявшись на ноги, отошел к самой ограде. И только теперь он вспомнил, что незнакомец что-то делал здесь, с чем-то замешкался, выбегая из ворот. Это была открытка с видом на море и горы. И через всю открытку черным маркером было размашисто написано: «С возвращением».

Секретарь за стойкой ресепшен, увидев Соколовского, тут же подскочила на своем кресле. Она просто не могла узнать Игоря Владимировича в этом человеке с грязными коленями спортивных брюк, с копотью на лице и комьями грязи на пальто и ботинках.

– Вы куда, молодой человек? Вам туда нельзя!

Соколовский, глядя только себе под ноги, толкнул стеклянную дверь комнаты для совещаний и вошел. Все члены совета директоров дружно повернули головы. Васильев, управляющий компанией, махнул рукой секретарше, чтобы она вышла. Удивленно рассматривая Соколовского, он все же собрался и вежливо произнес:

– Мы все рады вас видеть.

– Прошу всех вон, – хрипло, все еще чувствуя во рту остатки гари, произнес Соколовский, глядя прямо перед собой.

Все присутствующие переглянулись, потом выжидающе посмотрели на Васильева. Тот неопределенно пожал плечами.

– У нас был к вам важный разговор! – начал было управляющий, но Соколовский резко бросил:

– Это не шутка, я жду.

Задвигались с шумом кресла, и все присутствующие в молчании стали подниматься из-за длинного стола, собирая в папки свои бумаги. Васильев стиснул тонкие губы, аккуратно положил маркер на край доски, возле которой он делал доклад, и тоже двинулся к выходу.

– Илья Сергеевич, останьтесь, – потребовал Соколовский.

Управляющий остановился, закрыл плотно дверь, а потом резко повернулся.

– Игорь, что ты творишь? – недовольно заговорил он. – Что с тобой случилось? Где Федор Сергеевич?

– Федор Сергеевич только что погиб, – медленно выговаривая каждое слово, ответил Соколовский. – А меня отпустили на свободу не просто так. Еще не знаю зачем. Но узнаю.

– И... что вы будете делать? – наконец, поборов чувство растерянности, спросил Васильев.

– Развивать отцовский бизнес. – Игорь повернулся к Васильеву и посмотрел ему в глаза: – Что вы так смотрите на меня? Вы можете мне помочь. Или выйти за дверь следом за остальными. Выбирайте.

– Какой план? – после короткой паузы решительно спросил Васильев, не двинувшись с места.

– Мне нужен юрист, разбирающийся в вопросах поглощений. Сильный корпоративный юрист.

– Хорошо, – кивнул Васильев, – мне нужно будет позвонить.

– Звоните. – Соколовский поднялся, поморщившись от боли в колене, и двинулся к выходу.

– Вы куда?

– Мне пора на работу. Я же мент.

«А вот это даже и лучше», – подумал Соколовский, когда дежурный сказал ему, что весь отдел Родионовой находится на совещании у начальника отделения полиции. Толкнув дверь, Игорь вошел и молча уселся на свободный стул возле приставного стола. Конечно же, Вика сразу стала смотреть на него своими большими глазами. Жека удивленно вытаращился и толкнул Даню локтем. Королев взглянул без особых эмоций. «Недоволен», – мысленно оценил его реакцию Соколовский. Пряников уставился на него угрюмо, и понять по его лицу что-то еще было сложно. И тогда Игорь решил разрядить обстановку.

– Я на совещание и пришел, – не поднимаясь со стула, заявил он. – Разрешите? Вижу, как все мне здесь рады. Только не лезьте обниматься все сразу.

– Соколовский! Сходи для начала умойся, – проворчал в своей обычной манере Пряников. – Остальным читать статистику, делать выводы. Все свободны.

На душе почему-то стало спокойнее. Игорь набирал воду в ладони и плескал себе на лицо над раковиной. «Сроднился я с ними, что ли, – думал он. – Даня опять ревнует, Вика не знает, как к моему возвращению отнестись. Даже Пряников не знает, как к этому отнестись, поэтому и взял тайм-аут и отправил умыться». Вода остужала разгоряченное лицо и сознание. Теперь мысль, что покушение было не только на адвоката его отца Федора Сергеевича, но и на него самого, стала восприниматься иначе – как призыв к схватке. Ладно, разберемся. И за Федора Сергеевича с вами тоже придется поквитаться. Ваш счет растет, господа.

Пряников вошел в туалет и встал за спиной Соколовского.

– Мне звонили из управления, – раздался глухой голос подполковника. – Сказали, дела о покушении больше нет.

– Круто, – согласился Игорь, стряхивая воду с рук.

– Мне приказали тебя восстановить, – как-то нехотя сказал Пряников и тут же добавил, как будто спохватился: – Нет, я рад, конечно, но... ясно же, что дело нечисто. Ты уверен, что хочешь дальше служить? Оно тебе надо? А мне? Одни хлопоты с тобой.

– Обещаю, Андрей Васильевич, больше не стрелять в бизнесменов, – пряча улыбку, сделал честные глаза Соколовский.

Подполковник достал из кармана удостоверение и протянул:

– Держи, лейтенант Соколовский!

Первым в коридоре Соколовского сгреб в охапку Жека. Но, увидев взгляд Дани, Аверьянов смутился и отпустил Игоря. Вика была с ним холодна, Даня не видел в упор. «Что же, я снова им чужой? – подумал Игорь, провожая глазами коллег. – Вот я и на работе».

– Какой, к черту, палец, ты че, кино пересмотрел? – Соколовский повернул голову на голос и увидел, как помощник дежурного выставляет за дверь пацаненка лет десяти. – Иди отсюда. Говорю же, от детей заявления мы не принимаем.

– Но это правда! – попытлся докричаться мальчишка в дверную щель.

– Тогда пусть отец придет и сам напишет, – отрезал помощник и захлопнул дверь, проворчав: – Юморист!

Соколовский посмотрел на помощника дежурного и решительно двинулся к выходу. Мальчишку он догнал уже метрах в двадцати от отдела.

– Эй! – Игорь взял пацана за плечо и развернул лицом к себе. – Парень, что случилось?

У мальчика было очень солидное серьезное лицо, и он усердно размазывал по щекам слезы.

– Ничего. А вам какое дело?

– Читать уже умеешь? – Игорь достал новенькое удостоверение и раскрыл его.

– Умею. Лейтенант Игорь Соколовский, – прочитал мальчик и шмыгнул носом. – Только толку? Отец все равно не придет, а меня ваши слушать не хотят.

– Я слушаю. – Игорь подвел мальчишку к лавке и усадил на нее. – Тебя как зовут?

– Ярослав, – ответил тот и добавил с отчаянием в голосе: – Мою маму похитили. Не верите? Ее похитили! И могут убить! Они отрезали маме палец и прислали в коробке. А потом позвонили и сказали, что, если отец не соберет денег, они...

– Слушай, если ты это придумал... – покачал Игорь головой, не зная верить или нет.

– Вот у вас есть мама? – всхлипнул мальчик. – Конечно, есть. Мама у всех есть. А у меня скоро не будет! Потому что мне никто не верит!

– Я тебе верю, – уверенно ответил Соколовский и протянул, как взрослому, руку: – Игорь.

– Ярослав Терехов, – солидно ответил мальчик, пожимая руку.

– Терехов? – Игорь задумался. – Что-то знакомое. Твой отец... Это не его сеть туристических агентств «Полинезия»? Ярослав, почему в полицию пришел ты, а не он?

– Потому что он трус, – насупился мальчик.

– Ладно, где ты живешь? – Соколовский поднялся с лавки.

Самым удивительным было, что отец Ярослава не особенно удивился тому, что сын привел полицейского. Соколовский подумал, что действительно много на свете таких людей, которые радуются, если решения принимают за них. Удобная позиция. А может, тут причина в другом? Может, не стоит сразу делать такие выводы?

Игорь сидел на большой опрятной кухне и, покручивая на пальце брелок с ключами, ждал, когда Терехов-старший начнет отвечать.

– Говорю вам, сын ошибся, – уже во второй раз ответил мужчина, стоя спиной к полицейскому и старательно, слишком старательно намывая посуду в раковине. Соколовский хорошо видел, что у правой ноги за дверкой мебельного кухонного гарнитура находилась посудомоечная машина.

– И где тогда ваша жена? – спросил он Терехова.

– Она... отдыхает. И почему вы меня допрашиваете?!

– Потому, – веско сказал Соколовский, – что вы всю жизнь будете мучить себя одним-единственным вопросом: почему я никому ничего не сказал?!

– Папа, скажи ему! – не выдержал мальчик и тихо заплакал.

Отец выключил воду и, вытирая полотенцем руки, посмотрел на сына. Что-то в лице мужчины изменилось, он опустил глаза и сел напротив Соколовского за кухонный стол.

– Да поймите... Они запретили звонить в полицию! Сказали, у них там свой человек.

После паузы он добавил уже более решительно:

– Я уже собрал деньги.

– Много они запросили?

– Миллион. Миллион фунтов, но у меня его нет. Кризис. Отдыхать перестали. Я им сказал, что смогу найти максимум двести тысяч, они согласились.

– Да? – удивился Соколовский. – Вот так сразу, с миллиона на двести тысяч? Интересно. А что еще сказали? Себя называли как-то?

– Да... Сейчас... – Терехов задумался. – Что-то вроде Мега... Мегатрон.

– Мегатрон, лидер десептиконов, – принялся старательно объяснять Ярослав, – хочет установить господство на Кибертроне.

– Я в курсе, – перебил мальчика Игорь и встал. – Так, мы поступим с вами следующим образом. Вы действуете так, как будто меня здесь не было.

– А вы что будете делать?

– Возглавлю автоботов, – подмигнул Ярославу Соколовский и потрепал его по макушке.

Выйдя во двор, Соколовский достал телефон и на ходу набрал номер.

– Алло. Филин, здорово. Да, на свободе. Слушай, нужна твоя помощь. Хорошо, вечером в

семь буду.

Когда Соколовский вошел в здание отдела, то нос к носу столкнулся с Королевым. Даня не дал себя обойти, загораживая дорогу, потом он взял Игоря за пуговицу и оттеснил в сторону от двери.

– Слушай, мажор, зачем тебе это? Поиграл в полицейского, обжегся и хватит. Иди папины деньги тратить! Живи на полную, но подальше отсюда, оставь ты нас в покое! – Королев недобро прищурился: – Или ты за Викой вернулся?

– Может, и за Викой, – ответил Игорь, глядя на Родионову, вышедшую из дежурной части и наблюдавшую за своими оперативниками.

Он освободил пуговицу своего пиджака, обошел Королева и отправился к кабинету Пряникова. Королев стиснул зубы и со злостью ударил кулаком в стену. Игорь прошел мимо Вики, не глядя ей в глаза.

Пряников был на месте. Выслушав Соколовского, подполковник начал ходить по кабинету, засунув руки в карманы. Его недовольство чувствовалось на расстоянии, хотя по лицу Игорь не мог понять, как начальник отделения отнесся к его предложению.

– Игорь, заявления нет! – хмуро глядя себе под ноги, изрек наконец Пряников. – Нет заявления – нет дела, нет дела – нет группы захвата.

– Ладно. Я сам. – Соколовский пожал плечами и пошел к двери.

– Куда ты пошел? Я тебя не отпускал, Соколовский! И что значит «сам»?!

– Спокойно, Андрей Васильевич. – Игорь махнул рукой: – Похитители ведь дилетанты.

– С чего ты так решил?

– Во-первых, сумму резко снизили. С миллиона до двухсот тысяч. Во-вторых, фунты стерлингов. Валюта красивая, но не ходовая. Нормальный похититель взял бы доллары, евро. Ну, и представился Мегатроном.

– Кем? – Пряников наконец остановился и уставился на Соколовского.

– Лидером десептиконов, который хочет установить господство на Кибертроне. Это из мультфильмов про трансформеров. Не суть. Разрешите хотя бы старшего лейтенанта Аверьянова в помощь взять.

– Пусть старший лейтенант Аверьянов сам решает, участвовать в твоей аванюре или нет, – проворчал подполковник. – И поосторожнее там.

– Осторожность – мое второе имя, Андрей Васильевич, – торжественно заявил Соколовский.

Ночное световое шоу было в разгаре. Стена жилого дома стала огромным экраном удивительного представления. Организаторы задействовали дополнительно еще и дым машины, ультрафиолет и стробоскопы. В мерцающих лучах перед глазами тысяч зрителей оживали фантастические картины. Вместо кисти художника – блики и сияние разноцветных лучей. А когда на стене появились еще и увеличенные изображения артистов, которые дополняли танец красок удивительными хореографическими и акробатическими композициями, зрители замерли в немом восторге. Будто стерлись сами границы пространства и времени, настолько нереальным казалось все происходящее.

Соколовский попросил Жеку подождать, а сам подошел к машине с аппаратурой. Запрыгнув в фургон, он пожал руку какому-то парню и что-то стал ему говорить на ухо, пытаясь перекрыть грохот музыки. Парень покивал, ткнул авторучкой в календарь, висевший над экраном его монитора, и покрутил в воздухе пальцами, что-то изображая. Соколовский с довольным видом хлопнул парня по плечу и вышел из машины.

– Все в порядке! – громко сказал он на ухо Аверьянову. – Шоу состоится.

Алексей Николаевич Терехов стоял посреди старого цеха заброшенного завода. Он вздрогнул от крика птицы, которая шумно взлетела откуда-то из-за спины. Кейс с деньгами казался невыносимо тяжелым, и ручка все время выскальзывала из вспотевшей ладони. Терехов прижал кейс к груди и стал озираясь. Хрустнул кусок старой шпукатурки под чьей-то ногой, упала и с металлическим лязгом покатилась наполовину сгнившая железная бочка. За дальней колонной появилась человеческая фигура, одетая в черное. Терехов судорожно сглотнул и стал ждать. Подошедший человек скрывал лицо под хоккейной вратарской маской. Его хриплый глухой голос зазвучал под сводами пустого заброшенного цеха:

– Привез?

– Вот, все тут, как вы просили. – Терехов с готовностью протянул кейс. – С Дашей все в порядке?

– Ментам не настучал? Открой.

Нервно, Терехов непослушными пальцами стал открывать замки кейса и, наконец, откинул крышку.

– Тут точно двести штук?

– Зачем мне вас обманывать?

– Смотри, если что, мы вернемся! – забирая сумку и делая кому-то знак рукой, пообещал человек. – У тебя же еще и сын есть.

Из длинного темного коридора второй человек в маске вывел жену Терехова со связанными впереди руками и заклеенным скотчем ртом. Женщина моргала заплаканными глазами и мычала, пытаясь что-то сказать мужу.

– Даша! Дашенька... – бросился к ней Алексей Николаевич.

Задыхаясь от волнения, шепча несвязанные слова нежности, он содрал с лица скотч и принялся развязывать женщине руки. И когда он посмотрел на руки жены, то замер, увидев, что все пальцы на ее руках целы.

– Дашенька, твои пальцы!

Соколовский в дальнем конце цеха с биноклем, придерживая одной рукой наушник возле головы, удовлетворенно улыбнулся, когда оба злоумышленника в масках стали уходить с деньгами. Он тихо сказал в микрофон:

– Жека, Филин, начинаем!

Яркий свет сразу же вспыхнул в проеме, куда спешили оба похитителя. Жека встал в полный рост в луче света и теперь отбрасывал страшную, почти мистическую тень чуть ли не на половину цеха. Тут же завывала сирена, за черными пустыми глазницами окон замигали белосиние огни, очень похожие на отблески милицейских «мигалок». Терехов, помня наставления оперативников, схватил жену и побежал в другую сторону.

– Вы окружены, всем оставаться на своих местах! – Усиленный громкоговорителем голос Соколовского перекрыл вой сирены.

Испуганные грабители бросились в противоположную сторону, но из проема, в котором только что скрылись Терехов с женой, ударил яркий сноп света, сопровождаемый воем пикирующего бомбардировщика.

– На пол!

Грабитель с кейсом в руках совсем потерял ориентацию. Он беспомощно закрутился на месте, бросил деньги и, опустившись на колени, поднял руки. Его напарник ринулся к окну, преодолев проем в один прыжок, как хороший спортсмен. Соколовский со своего наблюдательного пункта на козырьке первого этажа не раздумывая бросился на него сверху. При такой хорошо задуманной и красиво исполненной операции упустить одного из грабителей? Нет

уж!

Он покатился по земле вместе с преступником. Соколовский пытался удержать его за одежду, но у грабителя что-то треснуло, и в руках Игоря остался оторванный карман. Помянув недобрым словом дешевые тряпки, Соколовский попытался вскочить на ноги, но не успел. Грабитель обрушил на его голову какую-то подвернувшуюся под руку доску. Та разлетелась щепками, но ориентацию Соколовский все же на миг потерял.

– Филин, вертолет! – крикнул он в микрофон, укрепленный возле рта.

В небе над территорией заброшенного завода вспыхнул прожектор, по барабанным перепонкам ударил рев вертолетного двигателя, как будто машина шла низко над старыми корпусами. Грабитель заметался, пытаясь вырваться из луча света, но яркий столб держал его цепко, как приклеенный. Соколовский, отплевываясь от древесной трухи, бросился догонять преступника, который показал на удивление хорошую прыть.

– Филин! Взрыв! – заорал Игорь, чувствуя, что отстает.

Единственная уцелевшая стена старого здания, и так державшаяся просто чудом, полыхнула огнем. Оглушенный грабитель упал, потом, поднявшись на четвереньки, долго тряс головой, отплевываясь от набившейся в рот пыли.

– Лечь на землю! – загремел над цехами властный голос. – Соппротивление бесполезно. Вы окружены!

– Все. Сдаюсь, сдаюсь! – истошно закричал человек в маске, услышав звук сирены полицейского автомобиля.

Жека в цехе с пистолетом в руке подошел к первому грабителю, отодвинул от него ногой кейс с деньгами и сдернул с лица маску. На сыщика смотрели испуганные умоляющие глаза молодого паренька.

– Убью, гадина, – прошипел Аверьянов разочарованно и замахнулся.

– Дядь, не стреляй, не надо! – почти завизжал парень, закрывая голову руками.

– Дебил малолетний. А палец кто отрезал?

– Мы ничего не отрезали. Это Серый придумал про палец. Мы его в анатомичке сперли. И отправили, чтобы напугать!

Мигая проблесковыми маячками, на пустырь между цехами въезжали полицейские машины. Соколовский не смотрел, как обоих парней сковывают наручниками, обыскивают. Он глядел, как Терехов, обнимая жену и поглаживая ее по волосам, идет к нему.

– Спасибо вам... – торопливо заговорил Алексей Николаевич.

– Они меня связали, заперли в подвале... – перебила его жена. – Господи, так было страшно. И унижительно. Спасибо!

– Сыну спасибо скажите, – ответил Соколовский, кивнув на Ярика, который бежал к ним со стороны одной из полицейских машин.

– Мама! – Мальчишка обхватил женщину и прижался к ней лицом.

Отец обнял обоих, и они стояли при свете ярких огней, пока Ярик не освободился из объятий родителей и не подошел к Игорю. Он как-то очень по-взрослому протянул ему свою испачканную в земле и копоты руку.

– Дядя Игорь, передавайте своей маме от меня огромный привет! Вы настоящий полицейский.

– Обязательно передам, – с грустной улыбкой пообещал Соколовский.

Вика увидела его возле входа в отделение полиции и остановилась. Она не смотрела по сторонам, не смотрела на Игоря и только крутила в руках тонкую пластиковую папку. Это как-то сразу поубавило энтузиазма, но Соколовский не сбавил шага. Может, теплое приветствие что-то

изменит. Все-таки лейтенант Соколовский явился после удачно проведенной операции и все такое.

– Мне сообщили о проведенном задержании, поздравляю, – глядя мимо Игоря, сказала Родионова.

– Ты меня подождала, чтобы похвалить?

– Нет. Хотела передать тебе вот это. – Она протянула ему папку и наконец посмотрела в глаза. – Материалы по взрыву возле кладбища, мне переслали копии. Подумала, тебе интересно будет взглянуть. И еще: там в конверте лежит обгоревшая фотография. Ее тоже нашли на месте взрыва.

Игорь раскрыл конверт внутри папки и вытянул на треть обгоревшее фото, с которого на него смотрели двое улыбающихся мужчин. Его отец и Игнатьев.

– Береги себя, Соколовский, – тихо сказала Вика и пошла ко входу в здание, но Игорь нагнал ее и взял за локоть.

– Поехали отсюда прямо сейчас, вместе! – заговорил он негромко, но очень твердо.

– Все-таки Даня прав? Ты поэтому пришел обратно в отдел? – посмотрела ему в глаза Вика.

– Нет! – начал Игорь, но Вика не дослушала и ушла, хлопнув дверью.

Догнать, что-то снова начать говорить, убеждать? Но его остановил телефон, коротко просигнализовав, что получено сообщение. Вздохнув, Игорь достал из кармана трубку:

«Юрист будет Вас ждать в Vad-баре через два часа».

Королев, сидя в машине и стискивая руль так, что побелели пальцы, смотрел, как Соколовский садится в машину и уезжает, так и не догнав Вику. «Что-то там ему на телефон пришло, что он даже за Викой не пошел», – подумал Даня и завел мотор.

В это время суток возле бара было шумно. От дорогих иномарок у входа не пройти, постоянно туда-сюда сновали подвыпившие девицы и парни. Одежда из дорогих бутиков, внимательная и вежливая охрана быстро отсеивала случайных людей. Соколовский коротко кивнул, и перед ним с готовностью открыли дверь. Бар оглушил сразу и мигающим светом, и громкой музыкой, и запахом дорогого алкоголя и парфюма.

Поигрывая брелоком с ключами, Соколовский прошел к стойке и осмотрелся.

– Игорь Владимирович? – раздалось почти над самым ухом.

Соколовский повернулся и окинул взглядом мужчину лет пятидесяти с небольшим. Хороший костюм, прическа из салона, взгляд внимательный, цепкий.

– Он самый.

– Меня зовут Константин, – протянул руку мужчина. – Идемте.

– Странное вы место выбрали для юридической консультации, – еще раз оглянувшись по сторонам Игорь.

– Тут нас не будет слышно. А ваше дело, я полагаю, не терпит чужих ушей.

Они прошли в дальнюю часть зала за свободный столик. Подбежавший официант принял заказ на две чашки кофе и воду. Константин подождал, пока все принесут и официант уйдет. Потом, повертев на столе в ладонях чашку, он заговорил:

– Лучше всего будет, если вы сразу обозначите мне свою цель.

– Я хочу отомстить за смерть своих родителей, – резко ответил Игорь, играя желваками. – Бескомпромиссно и беспощадно.

– Логично, – ответил Константин, удивив Соколовского тем, что отнесся к его словам так спокойно.

– У меня есть план. Но необходимо юридическое сопровождение. И мудрый совет, когда я буду в нем нуждаться.

– Тогда у меня вопрос, – внимательно посмотрев в глаза собеседнику, ответил Константин. – Или мудрый совет – воспринимайте, как хотите. Может быть, вам проще отказаться от мести?

– Проще. Но не лучше.

– Тогда продолжаем, – улыбнулся одними уголками губ Константин.

Игорь, разговаривая, смотрел мимо юриста на девушку, сидевшую у стойки бара, положив ногу на ногу. Ноги у нее были очень красивые, и вообще она держала себя с какой-то восхитительной элегантностью. Девушка что-то читала с экрана своего телефона и прикладывалась к высокому стакану с коктейлем. «А вот это уже не совсем обычно для таких заведений, хотя и здесь такое случается», – подумал Игорь. Он увидел, как возле девушки на стойке буквально распластался посетитель в состоянии «сильно навеселе». Значит, это не ее знакомый. У такой девицы таких приятелей быть не может в принципе.

– Рассказывайте свой план, – кивнул Константин и приготовился внимательно слушать.

– В двух словах – он гениален...

Игорь стал рассказывать, поглядывая на девушку у стойки бара. Ситуация там начала складываться не очень красивая. Парень явно хамоватый. Да еще и друга, кажется, зовет. «Ухажер» поднял руку и, перекрикивая музыку, зычно позвал на весь бар:

– Эй, Леха!..

– Главной задачей будет найти повод для объявления эвент оф дефолт, – говорил Константин. – А в целом у вас рабочая история. Очень неплохо для новичка.

Соколовский снова отвлекся, видя, как девушка пытается пересечь от своего настырного ухажера, но тот уже откровенно схватил ее за локти, не отпуская от себя.

– Леха, давай быстрее, я тебя с кем познакомлю!

– Гонорар вас устраивает? – торопливо спросил Соколовский, привставая со своего кресла.

– Вполне.

– Значит, по рукам. – Игорь протянул Константину ладонь. – А теперь прошу меня извинить.

– Ваш план перестанет быть гениальным, если вас увезут на «Скорой». Так что мой первый по-настоящему мудрый совет: поосторожней, – улыбнулся на прощание Константин, тоже поднимаясь из-за стола.

Девушка вырвала руки из цепких пальцев парня и встала, отсчитывая купюры и бросая их на стойку бара.

– Ну, подруги я, очевидно, не дождусь, так что наш с вами праздник отменяется!

Но парень был настроен весьма решительно. Он тоже встал, пытаясь снова схватить девушку. Его пальцы скользнули по ремешку сумочки, и она упала на пол. Девушка растерялась, а этот нахал нагнулся и сгреб сумку. Но Игорь уже был рядом. Не останавливаясь, Соколовский взял со стойки полупустую бутылку и с размаху разбил ее о голову незадачливого ухажера. Парень со стоном растянулся на полу в луже разлитых остатков коньяка.

Второй (видимо, тот самый Леха) мгновенно оказался рядом, но не успел ничего предпринять. Соколовский ударом ноги послал ему навстречу высокий барный стул. Леха был тоже прилично пьян, поэтому стула оказалось достаточно, чтобы и он с грохотом оказался на полу. Подбежавшие охранники узнали Соколовского и занялись дебоширами, а Игорь повернулся к девушке.

– Я вас об этом не просила, – чуть прищурившись и оценивающе разглядывая Соколовского, сказала она.

– А я это сделал не для вас, а для себя. Я мент.

– Ага, – рассмеялась девушка. – А я буфетчица.

– Ну да. – Соколовский изобразил ироничное выражение лица. – По одежде видно и по коктейлю.

– Все? – осведомилась девушка, глянув, как охрана выволакивает пьяных парней.

– Нет, не все. Мне ночевать негде.

– Банальный прием, – снова рассмеялась девушка, но по ее смеху было件нятно, что новый знакомый ей интересен.

– Да вы не сдерживайте себя, – убедительно заговорил Игорь. – Я же вижу, вас ко мне влечет, хотите к себе пригласить. Но я сразу скажу: я не такой. Так что гоните от себя эти мысли.

– Вы о чем вообще? – вскинула красивые брови девушка, с веселым недоумением разглядывая Соколовского.

– Секса со мной на первом свидании не будет, – с еще большей убежденностью заявил Игорь.

Аня приехала неожиданно. И когда все женские «охи» и «ахи» закончились и плохо скрывающий свое неудовольствие Даня наконец уехал, сестры уселись на кухне. Точнее, уселась Аня, забравшись с ногами на диванчик, а Вика принялась готовить ужин. А потом на столе рядом с Аней появился стакан воды и упаковка таблеток. И разговор снова вернулся к болезни.

– Это называется амилоидоз. После операции сначала мне стало лучше, ты знаешь. А потом... потом меня вызвал врач и... – Аня опустила голову и замаялась. – И... В общем, анализы плохие. Какие-то белки откладываются в разных органах.

– Неужели это не лечится? – вздохнула Вика, продолжая резать на дощечке овощи.

– Нет, – поспешно ответила Аня.

– Но если постоянно принимать лекарства, – Вика отложила нож и повернулась к сестре, – белок будет на уровне, это как с диабетом – живут же люди... Что ж ты меня так пугаешь?

– Прости! Лекарства очень дорогие. Я вообще не знаю, к кому еще пойти.

– Ты сейчас живешь одна? – спросила Вика. – Извини, мы давно не виделись, я просто не знаю – у тебя есть кто-то?

– Да. Вадим. Мы вместе больше полугода.

– А Вадим знает, что тебе нужны деньги? – Вика снова повернулась к сестре и внимательно посмотрела на нее.

– Вик, я не понимаю! – вспыхнула Аня. – Это что, допрос?

– Извини, профессиональное, – буркнула Вика. – И все-таки. Ты говоришь, не знала, к кому пойти. Но если у тебя есть мужчина...

– Понимаешь... – наконец сдалась Аня. – Я не хочу ему говорить. Боюсь.

– Ты боишься, он тебя из-за этого бросит?

– Нет. Что ты! – Аня улыбнулась. – Он вкалывает на трех работах. Если я скажу, что больна, схватится и за четвертую. Он такой! Но я же вижу, он рано или поздно сорвется. Вадим очень хороший. В общем, решила попросить тебя. Но если ты не можешь...

– Я что-нибудь придумаю, – пообещала Вика. – Ты ведь можешь у меня остаться?

– Да, я сказала Вадиму, что поехала к сестре. Не сказала, правда, на сколько. – Аня встала и прошла по квартире, рассматривая обстановку. – Уютно ты здесь все устроила... Правда, в старой квартире места было больше. А почему ты переехала?

– К работе ближе, – пожала плечами Вика.

Аня подошла к ней сзади и неожиданно спросила:

– Вик, а деньги мне на операцию ты откуда взяла?

Вика повернулась к сестре с негодующим взглядом. Этот вопрос Аня уже задавала, и каждый раз Вика просила ее не спрашивать.

– Я – дура... Прости... – виновато заулыбалась Аня. – Ладно. Давай сменим тему. Что у тебя с личной жизнью? Ты опять с Даней, да?

Вика сполоснула под краном руки, сняла фартук и поставила на стол сковородку.

– Давай ужинать.

То, что ее звали Катя, Игорю понравилось. Было что-то в повадках его новой знакомой кошачье, хищное. И когда в лифте он прижал ее к себе, обхватив жадными пальцами и приподняв ее бедро, она сразу впилась в его шею горячими губами. Потом была дверь, и Игорь никак не мог попасть ключом в замок, одновременно расстегивая на девушке платье. Они ввалились в квартиру, и, не включая свет, он потянул ее прямо на кухонный стол. Катя успела пнуть ногой входную дверь и захлопнуть ее.

А потом было сплошное безумие. Они захлебывались в страсти, Катя царапала его спину ноготочками и стонала, выгибаясь. Она то обхватывала его своими восхитительными ножками, то расслаблялась и подставляла свое тело под его страсть, под его жадные руки, губы. И это продолжалось снова и снова. И каждый чувствовал себя голодным и безумным.

А упавший на пол телефон Игоря коротко известил о том, что принял одно новое сообщение. Экран высветил одну короткую строку: «Я отменила свадьбу», – подождал немного и снова погас.

Данила Королев сидел один в пустом кафе. Когда к нему подошел администратор и попытался объяснить, что кафе закрывается и посетителям пора покинуть помещение, Даня так на него зыркнул, «нечаянно» продемонстрировав край кобуры под курткой, что администратор мгновенно ретировался. Телефон на столе завибрировал. Даня взял его, прочитал смс-сообщение и с помрачневшим лицом положил на стол. Вылив остатки водки в стакан, он опрокинул его в рот и прижал руку к губам, как будто водка обожгла его. Глаза сыщика зло сузились.

Снег падал медленно маленькими крупинками, таял на лбу, и капельки холодили кожу, сбегая вниз по щеке. Игорю было жарко и отчего-то трудно дышать. Он догнал Вику возле отделения полиции и взял за руку:

– Вик, стой.

Родионова повернулась к нему лицом, и он снова увидел ее большие глаза, в которых сегодня почему-то не было ничего, кроме затаенной боли. И ему захотелось подойти к ней близко-близко, чтобы ощутить тепло ее дыхания, как тогда, в прошлой и такой далекой жизни, когда он чувствовал вкус ее губ.

– Слушай, я еще тогда хотел... – Игорь замялся в нерешительности, потом достал из кармана коробочку с кольцом и протянул женщине: – Ну... В общем, вот.

Он увидел ее улыбку, но дальше все произошло совсем не так, как ему хотелось, не так, как бывает в реальной жизни. И тут Игорь как-то отчетливо осознал, что это сон. И сразу все пошло не так, и сразу видения стали наслаиваться одно на другое. И улыбка с лица Вики пропала, а она сама повернулась и молча пошла к входу в здание отделения. Это было даже не отчаяние, а паника и злость.

– Что я сделал не так?! – выпалил Соколовский.

Вика обернулась и сразу оказалась прямо перед ним. Она смотрела своими большими глазами, в которых теперь был укор и снова боль.

– Все, – ответила Вика. – Ты все всегда делаешь не так! Ты купил это кольцо, когда еще сидел в СИЗО.

И Игорь сразу понял, что сидит в своей камере на шконке и смотрит снизу вверх на стоявшую перед ним Вику.

– Собирался сделать мне предложение, а потом сидеть одиннадцать лет, писать мне грустные письма и раз в месяц встречаться в комнате для свиданий колонии строгого режима?! Такой жизни ты мне хотел? – Вика сделала паузу и добавила холодно: – Я соврала про Даню. Никакой свадьбы не будет.

Игорю стало не просто страшно, он почувствовал, что все, это конец. Никакого возврата не будет. Вообще все кончилось. И когда он так подумал, то сразу понял, что они с Викторией стоят на кладбище возле могилы его родителей. Тишина, и среди тишины только он и глаза Вики.

– И не смей больше отравлять мою жизнь, – неожиданно заявила она и приставила ко лбу Игоря пистолет.

«Вот и все», – подумал Соколовский, и тут же закаркали вороны на кладбищенской ограде. Он сейчас видел и ограду, и ворон, и могилу родителей, и себя, стоящего перед Викторией. Он все видел со стороны, как будто уже был вне своего тела. И Вика выстрелила. Игорь видел, как его тело дернулось от выстрела, как оно упало на снег, а Вика просто повернулась и ушла. Он лежал с открытыми глазами, а из дырочки на лбу сочилась кровь, впитываясь в белый снег...

Простыня была белой, как снег, а странный звук из его сна оказался всего лишь шумом работающей кофе-машины. Станный сон исчезал, таял, как утренний туман над рекой, как кусок сахара в чашке кофе. И сознание заполняло освободившееся место видом Кати в рубашке Соколовского с чашкой кофе в руке. Игорь приподнял голову над подушкой, потом сел, разглядывая то, что виднелось под его расстегнутой рубашкой. Все те же стройные ножки, плоский животик и небольшая грудь с маленькими розовыми сосками. Вид наполовину обнаженного тела девушки побудил Игоря сделать предложение:

– Мне тоже налей.

– Встань и налей, – окатила его Катя восхитительной белозубой улыбкой.

Такая улыбка не могла не побудить к действию, и Игорь поднялся с кровати, отбросив одеяло. В одних плавках он прошлепал босыми ногами по полу, подошел к девушке и обнял ее сзади, прижавшись губами к ее шее, потом к ушку, щеке. Катя мягко, как кошка, извернулась и поймала губы Игоря. Она подставила свои плечи под его руки, и он тут же спустил с ее плеч рубашку, оставив девушку в одних трусиках, а потом... К ее великому изумлению, Соколовский отошел, надевая снятую с Кати рубашку на себя.

– Какую кнопку нажимать? – деловито спросил он, подходя к кофе-машине.

Квартира ему нравилась. Точнее, нравился идеальный порядок, который царил здесь, несмотря на то что вчера у них все началось весьма бурно, и утром времени на уборку у девушки, по идее, могло и не хватить.

– Мне нравится у тебя. Так и быть, поживу немного, – пообещал он, беря чашку с кофе и поднося к губам.

– Знаешь, в детстве я вечно таскала домой бездомных котят и щенят, а отец меня ругал...

– Отец? Какой отец?! – перебил Катю Игорь, сделав вид, что испугался.

– Не волнуйся, отца здесь нет, – засмеялась девушка. – Я выросла. Желание таскать бездомных котят и щенят отпало.

– Зря. Я гораздо лучше щенка.

Соколовский не успел договорить шутливую фразу о бездомных щенках и добрых девушках. Ему на глаза попался его телефон. Он машинально открыл последние сообщения и увидел смс от Вики: «Я отменила свадьбу».

– Черт... – нахмурился он и посмотрел на Катю: – На работу пора.

– А где ты работаешь?

– Я же говорил. В полиции, – ответил Игорь, торопливо натягивая брюки и наблюдая за реакцией девушки.

– Да, да, очень смешно!

– Вызови мне, пожалуйста, такси, – попросил Соколовский, собирая со стола телефон, часы, бумажник.

Катя некоторое время смотрела, как Игорь собирается. Потом она взяла с полки ключи от машины с брелком-зверушкой.

– Вечером вернешь.

Помедлив, Соколовский все же решил ключи взять. В конце концов, ему нужно на чем-то перемещаться по городу. Он торопливо спустился в подземную парковку и, подойдя к Катиной машине, на которой она вчера его сюда привезла, нажал кнопку на брелоке. К его удивлению, сигнал сработал на другой машине за спиной. Повернувшись, Игорь увидел черный «Гелендваген». Ну, это другое дело.

Теперь все его мысли были уже там, на работе. Немного подумав, он снова достал телефон, перечитал последнее сообщение от Вики про отмененную свадьбу. А потом написал ей одно слово: «Зря».

Естественно, что за тем, как Соколовский на новой машине парковался возле отделения полиции, наблюдали несколько человек. Смотрели кто с завистью, кто с уважением, кто с иронией. Но стоило ему выйти, как сильная рука Королева схватила Соколовского за плечо и рывком прижала спиной к машине.

– Что это такое, а?! – со злостью спросил Даня, тыча в нос Соколовскому свой телефон. – Что это?!

Соколовский прочитал на экране текст: «Я отменила свадьбу». Что ж, на всех не угодишь. Рука Королева так стиснула ворот его пальто, что дышать было уже почти нечем.

– Это? – переспросил Соколовский, сделав вид, что не понимает. – Это смартфон. Старая модель, каменный век. Приличные люди пользуются вот такими.

Вырываясь от Королева, Игорь сумел сунуть руку в свой карман и вытащить телефон. Он успел открыть сообщения и теперь держал перед лицом Дани свою последнюю переписку с Викой: «Я отменила свадьбу». – «Зря».

Рука Королева сразу ослабла. Он вообще как-то весь обмяк, и злость на его лице сменилась застарелым унынием.

– Не понял... почему зря?! – буркнул Даня, отпуская наконец Игоря.

– Потому что я ей только добра желаю, – веско ответил Игорь и с силой оттолкнул от себя жениха-неудачника. Тот ошарашенно посмотрел на Соколовского, потом на его новую машину.

– Быстро ты...

– Моей девушки. Еще вопросы? – Убедившись, что вопросов пока не будет, Соколовский усмехнулся! – Ты действовал в состоянии аффекта, потому прощаю.

– В жопу свое прощение засунь! – привычно огрызнулся Королев и взялся за ручку двери машины Соколовского: – Поехали. Женщина из окна выпала. Несчастный случай. Нужно освидетельствовать.

«Временное перемирие установлено, – подумал Игорь. – Надолго ли? Обе противоборствующие стороны отступили в беспорядке. Нет, это Королев отступил, а я просто сбежал». Больше на эту тему он ничего не успел подумать, потому что Даня указал, в какой двор нужно въезжать. И сразу же Соколовский увидел людей, полицейский «уазик», машину «Скорой помощи» и тело, накрытое белой простыней, на которой проступали пятна крови. Сомнений, что это труп, не оставалось.

Картина была уже хорошо знакомой Соколовскому. Медик что-то писал в бланке, стоя над телом, участковый осаживал людей, чтобы не подходили близко к месту происшествия. И лица людей были привычные. Кто-то из женщин прикрывал рот рукой и соболезнующе качал головой, кто-то уже шептался и энергично обсуждал происшествие. Наверное, у них версий было побольше, чем у полиции. А кто-то стоял и смотрел равнодушно. Вот этого Соколовский понять не мог. Нет эмоций, не интересно тебе, так что ты стоишь? Это не твоя знакомая, не родственница, так какого черта ты тут торчишь! Невольно вспоминалась теория об энергетических вампирах, которые питаются эмоциональным полем людей, подсаживаются на это, как на наркотик.

Медик, перехватив вопросительный взгляд Королева, отрицательно качнул головой. Поздоровавшись с участковым за руку, Даня присел возле тела и приподнял простыню. Судя по его лицу, зрелище было не из приятных. Даня посмотрел на Соколовского:

– Хочешь взглянуть?

– Это лишнее, – поморщился Игорь и повернулся на голос.

– Здравствуйте... А что тут... стряслось? – Мужчина в костюме заглядывал из-за спин зевак. Потом он увидел руку женщины, торчавшую из-под простыни, и колечко на пальце. – Это что? Настя?

Голос у мужчины сразу стал напряженным, а движения суевливыми. Он принялся всех расталкивать, чтобы пробраться к телу, распростертому на снегу. Участковый попытался остановить мужчину, но Даня велел пропустить. Мужчина опустился на колени перед мертвой женщиной и прошептал:

– Это... моя жена! Настенька...

Соколовский подошел к мужчине и положил ему руку на плечо, когда тот попытался обнять

тело. Интуитивно он понял, что нельзя давать мужу погибшей женщины утонуть в эмоциях, нужно его вернуть к реальности, многое с ним еще придется обсудить. А если мужчина даст волю нервам, то будет вести себя неадекватно и допрос придется отложить.

– Не нужно этого делать. Давайте поднимемся в квартиру, – предложил Игорь. – Помогите нам разобраться, что здесь произошло.

– В квартиру? – Глаза мужчины сделались жалкими и беспомощными. – А Настя... останется здесь?

Королев подошел с другой стороны и помог Соколовскому поднять мужчину на ноги и освободить место санитарам с носилками. Мужчина хотел было остаться, но сыщики не дали ему возможности наблюдать, как будут перекладывать тело его жены со снега на носилки.

– Вам сообщат, куда можно будет подъехать, – сказал Королев и повел мужчину к подъезду. – Пойдемте.

– Да, да, конечно, – соглашался мужчина, пытаясь обернуться и посмотреть на погибшую. В квартире было холодно из-за открытого настежь окна в комнате. Мужчина, представившийся Ушаковым, попытался закрыть окно, но Соколовский взял его за руку и усадил на диван.

– Простите, пусть пока так побудет.

– Но зима же, холодно.

– Кстати, о зиме. Вадим Петрович, а почему окно открыто?

Ушаков развел руками, не находя слов или сил, чтобы отвечать связно. Королев внимательно посмотрел на него. Потом выглянул из окна вниз.

– Да, высоко, – констатировал он, поежился от холода и вернулся к Ушакову. – Ваша жена страдала психическими расстройствами?

– Нет, – отрицательно покачал головой Ушаков.

– У нее были депрессии? Нервные срывы?

Ушаков неопределенно пожал плечами и опустил голову. Вел он себя нервно, все время странно вздрагивал.

– Не припомню. Мне казалось, она вполне счастлива, – немного невпопад ответил он.

Соколовский слушал, как Даня допрашивал хозяина квартиры, а сам стал обходить комнату. Большой аквариум неподалеку от окна. На дне красивый игрушечный замок среди водорослей. Мимо зубчатых стен и башенок проплывали рыбки. В стекле отражался экран ноутбука, и Соколовский подошел к столу, уселся в кресло и стал двигать мышку. Экран включился. Оказывается, была открыта страница Анастасии Ушаковой в Инстаграмме.

– Даня, иди-ка сюда! – позвал Игорь, пролистывая фотографии Ушаковой.

– И что? – Королев нехотя подошел и посмотрел на экран ноутбука.

– Смотри на время публикации последних фотографий. Она фотографировала себя чуть больше часа назад. То есть практически перед падением.

Игорь и Даня переглянулись и покосились на Ушакова, который сидел и задумчиво смотрел в сторону окна. Он не видел, что сыщики нашли фото, на котором его жена как раз сидела на подоконнике этого самого открытого окна. Но неожиданно произнес с тоской:

– Настя очень любила делать селфи. Это модно, вы же знаете...

– Смотри: комментарии, – показал Игорь. – Какой-то Persik ей написал: «Тепло ли тебе, девушка, тепло ли тебе, красная?»

– Ну, понятно, – кивнул Королев, вставая. – Понятно, зачем она окно открыла. Вот и дооткрывалась. Не удержалась, видимо.

– Слушай, а где телефон, на который сделано селфи? Здесь его нет. Может, внизу валяется? Сходи, плиз, а я тут еще покопаюсь, – попросил Соколовский, не оборачиваясь и снова

уткнувшись в экран.

Даня посмотрел на него с неудовольствием, но все же пошел к двери. Замерзший участковый приплясывал, стуча ногой об ногу возле пятна на снегу, где недавно лежало тело Ушаковой. Соседи почти все разошлись, только у подъезда еще что-то обсуждали три женщины.

– Слушай, тут телефона не было? – спросил Королев, осматривая снег вокруг места падения женщины.

– Какого телефона?

– Мобильного, какого же еще! Вспомни – это важно. Может, кто находил, может, при погибшей был. – Даня ногой расшвырял снег в нескольких подозрительных местах. – Должен быть где-то здесь. Хотя бы следы. – Даня повернул голову к участковому и спросил: – Слушай, а кто нашел тело?

– Я. То есть сначала соседи с третьего этажа увидели. Мне позвонили. Я подошел первым. Она вот так и лежала.

Когда Королев вернулся в квартиру, Соколовский сразу позвал его к ноутбуку.

– Я здесь кое-что нашел. Один из фолловеров жестоко троллил ее. – Игорь повернулся к Ушакову: – А вы знали, Вадим Петрович, что один из собеседников в Сети методично унижал вашу жену. Вот послушайте: «Ты все еще считаешь себя красавицей? Да я бы на твоём месте заполз под ближайший камень и сдох там». Или вот еще: «Любая Барби с силиконовыми губами и сиськами лучше тебя, она хотя бы над собой работает, а ты тупо фоткаешь свою лошадиную физиономию». Серьезно он ее доставал. И так по несколько раз в день. Супруга вам не жаловалась?

– Нет, в первый раз слышу, – пожал плечами Ушаков. – А я-то еще думал, почему она часто такая подавленная?

– Последний коммент – тоже чуть больше часа назад, – сказал Королев. – Получается, что женщина так расстроилась, что выбросилась из окна? Доведение до самоубийства? Вот тебе и несчастный случай.

– Поехали в отдел, – закрывая ноутбук, предложил Соколовский. – Сделаем запрос по айпи и все такое. Думаю, этого идиота будет несложно поймать. Вадим Петрович, мы заберем ноутбук. Он нам понадобится для расследования.

– Конечно, делайте все, что необходимо, – кивнул Ушаков, как показалось Игорю, с некоторым облегчением. – А теперь окно можно закрыть?

Как ни пытался Соколовский после доклада Вике ретироваться, ему это не удалось. Объявив, что айпи-адрес будет только завтра, он хотел уйти, но Даня даже не дал ему встать. И снова начался занудливый допрос о том, что означали эти смс-сообщения по поводу отложенной свадьбы, почему они отправлены обоим, а не только одному Королеву. Игорь пытался отшутиться, но Даня был непреклонен. И Вике пришлось признаться, что дело не в Дане и не в Игоре, а всего лишь в ее сестре, которая приехала вчера. И что у Ани снова обострение ее болезни, ей нужно лечение, и тут уж не до свадьбы.

Оборвав дискуссию, Вика вышла, сославшись, что ей нужно на доклад к Пряникову. Соколовский, поняв, что разговор этим не закончится, почти следом за Родионовой попытался выскочить из кабинета. Ему совсем не хотелось снова начинать все сначала и выяснять отношения с Даней. Все это было бессмысленно. И уходить ему пришлось прямо во время неприятного вопроса Королева, на который очень трудно было дать ответ. И Соколовскому, и Родионовой тоже.

– Нет, я все понимаю, Мажор. Я ни при чем, ты ни при чем, сестра неожиданно приехала. Но почему она тебе-то эсэмэску послала? А, Мажор?

Игорь вышел в коридор, свернул за угол и остановился у окна, уперев кулаки в подоконник. «Кажется, я снова все запутываю, – думал он, глядя в окно на припорошенные снегом тротуары. – А как распутать? Как принять решение, когда оно не от меня зависит? Не только от меня. Мы же друг друга не понимаем. И что дальше? Самое простое – этой пойти напиться и не думать о ней».

– Здорово, – объявился рядом Жека.

– Привет. – Игорь с шумом выдохнул, как будто окончательно избавлялся от мыслей, и повернулся к Аверьянову.

– Ты чего такой мрачный? – подозрительно поинтересовался Жека.

– Так, ерунда. А сам? – разглядывая Жеку, спросил Соколовский.

– Тоже ерунда, – неопределенно пожал Жека плечами. Потом помолчал и добавил: – Вчера похититель фунты стерлингов предлагал забрать, а его отпустить.

– И ты забрал?

– Ты что, дурак? Нет, конечно.

– Молодец, – задумчиво констатировал Игорь, снова погружаясь в свои мысли.

– Ну вот, а Даня говорит, что я лох. Он вообще странный стал какой-то. Мажор, слушай, – Жека вдруг загорелся странным энтузиазмом, – есть же способ как-то разбогатеть честным путем! Я же хороший человек, но почему у меня денег нет, а у тебя есть?

– Потому что я плохой человек, наверно, – предположил Соколовский.

– Да ну тебя. Я серьезно! Вот как стать таким, как ты?

Игорь засмеялся и похлопал Жеку по плечу:

– Давай со мной вечером в бар. Научу тебя мажорским секретам.

К его большому удивлению, Аверьянов согласился. «Какая разница, с кем пить, – подумал Соколовский. – А Жека, по крайней мере, мне знаком, и он вполне приличный парень. Правда, часто попадает под сокрушительное влияние Королева, но это с Жекой быстро проходит, и с ним снова становится легко общаться». И в этот вечер с ним тоже было легко и даже прикольно, потому что от Жеки в клубе шарахались девушки. И Соколовскому приходилось рекламировать Жекины тайные достоинства, которые с первого взгляда не видны постороннему человеку (и со второго тоже).

Потом они все же познакомились с веселыми девчонками и вместе отправились выпить в бар. Правда, девчонок они по дороге потеряли. И до бара Игорь с Жекой добрались уже вдвоем. Это был прекрасный повод без посторонних ушей начать убеждать Жеку, что на пути в мажоры ему следует первым делом перестать употреблять пиво и переходить на коньяк. Жека не возражал, хотя ему, как и Игорю на сегодня, если честно, было уже достаточно.

Отобрав у Жеки стакан, Игорь заявил, что самый надежный и легкий путь к богатству и всем прелестям этого мира лежит через женитьбу по расчету. И они какое-то время обсуждали этот вопрос. А потом Игорь протрезвел.

– Прошу прощения, – сказал возникший рядом официант, – вам просили передать.

Сказав это, он поставил на барную стойку между Игорем и Жекой торт в виде двух могил с двумя воткнутыми над ними горящими свечами. Рядом с тортом на подносе лежала открытка: «Черногория – прекрасный отдых для семьи».

– Кто? – ошарашенно выдавил из себя Соколовский.

– Это принес курьер, показал на вас, – пояснил официант и ушел в зал.

– Игорь, это что? – Жека сфокусировал свой взгляд на торте, на могилах и свечах.

Соколовский не ответил. Он обводил взглядом зал. Лица, лица, лица. Кто-то ест, пьет, кто-то танцует. И никому нет дела до него. Но у входа Игорь все же заметил человека в капюшоне. И снова этот человек поднял руку, как тогда, на кладбище, привлекая этим жестом внимание

Соколовского. Но тогда, спустя несколько минут, на воздух взлетела машина вместе с водителем и Федором Сергеевичем.

Человек повернулся и вышел. Оттолкнув Жеку, Соколовский соскочил с барного стула и бросился через зал догонять неизвестного. Он выбежал на улицу, но никого похожего не увидел. Ни в черном одеянии, ни в капюшоне. Выругавшись, Соколовский схватил за плечо охранника у входа.

– Где он?

– Кто? – не понял охранник.

Аркадий Викторович Игнатьев спустился в подземную парковку и двинулся к своей машине. В ночной тиши его шаги гулко разносились в пустоте. Машин почти не было. Один из охранников распахнул дверь перед шефом.

– Домой, – коротко приказал Игнатьев.

Машина плавно тронулась, проезжая между колоннами, следом в зеркале заднего вида появилась машина сопровождения. На пандусе выезда стал вращаться желтый фонарь, шлагбаум медленно пошел вверх. И в тот момент, когда машина Игнатьева уже замигала поворотником, готовясь повернуть на проезжую часть, навстречу ей на большой скорости вылетел черный «Гелендваген».

Ругнувшись, водитель Игнатьева мгновенно нажал на тормоз. Сзади навис капот резко затормозившей машины сопровождения, откуда уже выбегали охранники. От черного «Гелендвагена», перекрывшего путь, быстро шел Соколовский. Его лицо было перекошено от злости. Один из охранников встал на его пути, но Соколовский сделал резкий выпад кулаком ему в лицо. Удара не получилось, потому что охранник перехватил руку и согнул Игоря пополам, прижав лицом к стеклу машины. Второй охранник уже отгонял «Гелендваген» с дороги, освобождая проезд.

Стекло медленно опустилось, и перед Соколовским возникло спокойное, как ледяная маска, лицо Игнатьева. Он смотрел на кривившееся от спазмов бешенства лицо сына своего покойного друга и молчал.

– Торт! По-твоему, это смешно? – хрипел Соколовский, безуспешно пытаясь вырваться из рук охранника. – Думаешь, тебе сойдет это с рук? Зачем ты убил адвоката? Зачем взорвал его машину? Зачем отозвал свой долбаный иск? Зачем ты вообще меня выпустил?

Стекло так же медленно поднялось, и лицо Игнатьева исчезло.

– Ты заплатишь за все, сука! – захрипел Соколовский, и тут же удар в солнечное сплетение заставил его замолчать и упасть на колени, задохнувшись от боли.

Обе машины уезжали, а он мог только стоять на коленях, опираясь рукой о грязный снег, и смотреть вслед. «Ответишь, – думал Соколовский, с шумом дыша, – обязательно ответишь. Ты даже не догадываешься, как скоро наступит этот момент».

Все документы были готовы, но Соколовский все хотел проверить сам. Наверное, в этом не было большой необходимости, но ему хотелось насладиться предвкушением мести. Он сидел в кабинете и просматривал бумаги, которые клал перед ним на стол Васильев, показывая ручкой на важные места. Константин терпеливо ждал с видом человека, сделавшего хорошую работу.

– Договор о кредите вы проверили?

– Разумеется, – кивнул Константин. – Все в соответствии.

– А риски?

– Если ваш план не сработает, – спокойно начал объяснять юрист, – вам будет нечем отдавать кредит. И поскольку вы берете его под залог отцовской фирмы...

– Понятно. – Соколовский взял в руки авторучку и помедлил, думая о чем-то.

– Утром мы передадим договор в банк, – заговорил Васильев, думая, что Игорь Владимирович ждет дальнейших пояснений. – Послезавтра деньги будут уже в нашем распоряжении.

Но Соколовский не этого ждал. Он просто хотел запомнить эту минуту. Преддверие большого и сложного дела, которое станет для него не просто мстью – это будет главным исполнением его долга перед родителями. И если маму он не смог в свое время сберечь по причине собственного малолетства, то в гибели отца Игорь винил в том числе и себя.

– Все, пап, – тихо сказал он, занося ручку над листами бумаги. – Понеслась.

Соколовский ехал и прокручивал в голове предстоящий разговор с Игнатьевым. Он смотрел вперед и видел огни машин, светофоров, освещенных окон домов, витрины магазинов, и в то же время он не видел ничего. Сейчас Игорь был спокоен и сосредоточен. И в то же время он ощущал в себе напряжение, которое было сродни сильно натянутой струне. Еще немного, и струна лопнет. И как будто в помощь ему свыше прозвучал вызов на мобильном телефоне. Это была Катя.

– Але? – мелодично произнес ее голос из другого мира.

– Привет, – сказал Игорь и сам удивился, как тепло прозвучал его голос.

– Привет, – ответила Катя, и что-то прошелестело. «Она в постели, – догадался Соколовский. – И мне придется ей врать».

– Я до сих пор на дежурстве. Силы добра и света никогда не спят.

– Машина, я понимаю, понравилась? – игриво сказала Катя.

– Парковаться замучаешься, но в целом производит впечатление.

– Тогда продлеваю тебе аренду еще на сутки. Завтра вечером пригонишь по адресу.

– По какому?

– Я его тебе скину, – отозвалась Катя и замолчала. Потом ее голос стал каким-то сладким. – Ты же понимаешь, что мог бы сейчас спать рядом?

– Поверь мне, – убежденно заявил Соколовский, – если бы я был рядом, никто бы не спал. Я берегу твой сон!

– Я благодарна, – засмеялась девушка, – хотя такие жертвы не обязательны.

Когда в трубке зазвучали гудки, Игорь подумал, что теперь все будет в порядке. Не важно, Катя тут совсем ни при чем, просто ее аура, просто сознание, что есть на свете Катя, добавляет позитива. Хотя он бы и без нее не пропал, но благодаря ей как-то хочется жить. Еще пожить. И встретить новый день.

А новый день встретил Соколовского совещанием у подполковника Пряникова. Как и ожидалось, эксперты ничего нового не нашли. Ни признаков насильственной смерти, ни признаков борьбы, ни каких-то веществ или медицинских препаратов, которые могли бы повлиять на психику Анастасии Сергеевны Ушаковой и заставить ее выпрыгнуть из окна. Все сводилось к тому, что она сделала это добровольно под воздействием каких-то внешних причин.

Эксперт Илья только разводил руками. Эта сфера не по его части, а доведение до самоубийства еще нужно доказать. А это очень трудно.

– Ладно. – Пряников посмотрел на Родионову: – Какие версии у вас есть еще?

– Будем отрабатывать все, которые мы называли раньше, – ответила Вика. – Пока я не вижу повода отметить хотя бы одну из них.

У Соколовского пискнул телефон, извещая о поступлении нового сообщения. Сделав виноватое лицо, Игорь посмотрел на экран.

– Ну вот! – показал он телефон Вике. – С чем вас и поздравляю. Спецы пробили адрес

«тролля».

– Разрешите, товарищ подполковник? – Родионова поднялась и после кивка Пряникова приказала: – Королев, Соколовский – поехали. Разберемся.

Алексеем Петровым оказался молодой мужчина лет тридцати с объемистым брюшком и неопрятной внешностью. Все у него было какое-то несвежее и замызганное. И немытые волосы, и пятна на животе, куда он, наверное, проливал кофе или щи, обгрызенные ногти на руках. Под стать хозяину оказался и компьютер. Боковая панель системного блока была открыта, внутри виднелись плотные слежавшиеся войлоком комья пыли, торчали пучки проводов. И на столе у него стояли блюда и тарелки с присохшими остатками еды.

Но самое главное, что впечатлило Родионову и оперативников, – это фотографии Анастасии Ушаковой, которыми были увешаны почти все стены в комнате. И пока Родионова разглядывала фотографии, Королев с Игорем допрашивали хозяина квартиры. Не дав ему опомниться, они сразу надели на него, требуя ответов. Ошарашенный известием, что Ушакова покончила с собой в результате именно его, Петрова, троллинга, Алексей сидел в кресле возле своего компьютера, пряча глаза, и бубнил себе под нос оправдания.

– Все твои посты мы читали, – сказал Соколовский. – Чем тебе Ушакова покоя не давала?

– Я ее ненавижу, – бормотал Петров, – я ее ненавижу... я ее ненавижу...

– Ты зачем Ушакову до самоубийства довел? – потребовал Даня.

– Я никого ни до чего не доводил! – испуганно вжался в спинку кресла Петров. – Я ее терпеть не мог!

– И поэтому увесили все стены ее фотографиями? – резко спросила Вика и постучала кулаком по фотографиям.

– Она мне нравилась, – совсем уже упавшим голосом ответил Петров. – Я у них в фирме месяц на испытательном сроке был два года назад.

– В какой фирме? Ушакова была домохозяйкой, – нахмурилась Родионова.

– Это сейчас, а тогда она в глянце секретаршей работала, а я там сисадмином был. И она на меня всегда так смотрела... с отвращением, как на жабу!

Даня покачал головой и отошел к телескопу, который был направлен в окно на дом напротив. В телескопе была видна женщина, которая занималась аэробикой.

– Почему-то меня это не удивляет, а, Петров?

– А это откуда? – Соколовский снял со стены одну из фотографий.

Снимок был сделан очень необычно. Ушакова была сфотографирована через воду. Рядом проплывали рыбки (явно аквариумные), виднелись водоросли. А Ушакова, сложив губы трубочкой, прижала к ним палец, как будто призывала к молчанию.

– Эта? Сейчас. – Петров повернулся к клавиатуре и стал что-то набирать, двигать мышкой, потом с довольным видом показал рукой на экран, где появилась точно такая же фотография. – Вот.

– Так. – Соколовский посмотрел на фото. – Снято неделю назад. А что это, комментарий самой Ушаковой? «Наш маленький секрет». Интересный ракурс!

– Короче, хакер-самоучка, – Королев хлопнул Петрова по плечу. – Наши эксперты все твои высказывания проверяют и решат, довел ты ее или нет. Ясно? Из города не уезжать. На связи быть двадцать четыре часа, семь дней в неделю.

Петров с готовностью стал кивать, глядя затравленно. Вика отвернулась и взяла из рук Соколовского фотографию.

– Что же за секрет у нее такой маленький?

– Поехали – проверим? – предложил Королев.

Удивленный приездом полицейских, Ушаков ничего не сказал, только посторонился, пропуская их в квартиру.

– Ничего страшного, Вадим Петрович, – поспешно успокоила хозяина квартиры Вика. – Нам нужно еще раз кое-что осмотреть в квартире.

– Пожалуйста, осматривайте, если нужно, – растерянно ответил Ушаков.

Родионова и Даня наклонились и стали смотреть, как Соколовский, закатав рукав, засунул руку в аквариум и шарит среди руин игрушечного замка. Ушаков попытался вмешаться, испугавшись за своих рыбок, но его быстро успокоили и велели постоять в сторонке. Наконец Игорь с довольным видом извлек из-под воды миниатюрную камеру, стряхивая с нее воду.

– Вот это улов, – усмехнулся Даня. – Как вам, а?

– Не понимаю, – промямлил Ушаков. – Это что, видеокамера?

– Вы угадали. Она самая, – опуская рукав, ответил Соколовский.

– Но что она делает у нас в аквариуме?

– То есть вы ее в первый раз видите, – констатировала Родионова. – Сомневаюсь, что ее установили сами рыбки.

– Я ее в первый раз вижу. Рыбками занималась Настя, я их как-то не очень. Ну, кормил иногда, когда Настя просила, но не разглядывал, что там у них. – Ушаков помедлил и добавил: – Тогда вы хотите сказать, что это сделала Настя? Но зачем? Бред! За кем она могла следить, что снимать?!

Когда они сели в машину, Вику наконец прорвало. Она стала объяснять, что никаких доказательств того, что Ушакова погибла не в результате несчастного случая, нет. И отдел не может заниматься впустую одним делом столько времени. И «тролль» с его писаниной – не доказательство, потому что в переписке не было призывов покончить с собой, и со стороны Ушаковой тоже не было никаких ответов и намеков, что она доведена до отчаяния. И камера в аквариуме – не доказательство. Ясно, что Ушакова была повернута на селфи.

– А по-моему, надо писать заключение и закрывать дело, – согласился Королев.

Соколовский сидел и молча смотрел в окно. Вика отчего-то покусывала губу, уставившись на него. Хмурый Даня тоже поглядывал то на Вику, то на Мажора, с которого его невеста просто не сводила глаз. Наконец Вика заявила с раздражением в голосе:

– Игорь, до конца дня ты либо находишь, что тут не так, либо мы пишем заключение о несчастном случае.

– Слушаюсь и повинуюсь! – откровенно обрадовался Соколовский и открыл дверь, чтобы выйти из машины.

– Клоун.

Петров смотрел в подозрную трубу, когда в дверь снова позвонили.

– Опять вы! Я же все рассказал, я раскаялся, зачем вы меня терзаете?! – взмолился он.

– Натура такая подлая, – отталкивая хозяина от двери и проходя в комнату, ответил Соколовский. Развернувшись к Петрову, он вытащил из кармана камеру в пакетике и потряс ею перед носом хозяина квартиры. – Господин Петров, что вы можете сказать по поводу вот этой штучки?

– Это какая-то видеокамера, и я в первый раз ее вижу.

– А если подробнее? – Соколовский уселся в кресло и положил ногу на ногу. – Что за видеокамера, зачем видеокамера, принцип действия?

– Ну-у. – Петров присмотрелся и пожал плечами: – Обычная, недорогая, Китай. С функцией стриминга видеосигнала. То есть она то, что снимает, не хранит, а сразу пересылает.

– Куда пересылает?

– В Интернет, – еще активнее пожал плечами Петров, как будто хотел подчеркнуть, что говорит о вещах обыденных и все это само собой разумеется. – Показывает сразу в онлайн-режиме.

– Зачем? – ледяным тоном, не реагируя на ужимки Петрова, спросил Соколовский.

– Ну как зачем? – удивился хозяин квартиры. – Ну, это же вебка! Она сразу транслирует, что снимает. Девчонки раздеваются или в душе моются, а ты как бы подглядываешь.

– М-да. – Соколовский сделал лицо умудренного жизненным опытом старца. – Большое поколение, инвалиды рунета. Давай, Леша, открывай страничку Ушаковой. Меня интересует вся ее социальная жизнь за последний год.

Через некоторое время нашлись фотографии, где Ушакова снята с какой-то приятной молодой женщиной явно моложе тридцати лет и с хорошими формами. А вот и фотография, где они обнимаются, как лучшие подруги. Пожалуй, так и есть, думал Соколовский. А вот это уже совместный отдых. Оп! А вот и Ушаков обнимает жену и ее подругу. Вместе отдыхали? По крайней мере, Вадим Петрович эту подругу знает.

– Ну, – Соколовский откинулся на спинку второго кресла, рядом с Петровым, – что мы имеем? Что, судя по снимкам Ушаковой, у нее была некая подруга. Вот эта, которая до определенного момента регулярно появлялась на фотографиях вместе с нашей фигуранткой. А потом, месяц назад – перестала. А неделю назад Ушакова установила в аквариуме видеокамеру. Что даже звучит абсурдно. Так что это за Ульяна?

Соколовский щелкнул пальцем по экрану и посмотрел вопросительно на Петрова:

– Ну, колись, юный извращенец и любитель пухлых женщин.

– Я ее не знаю, – прижал руки к груди Петров. – Видел на фотографиях, но в переписке не обсуждал. А на старой работе я ее не видел.

– А вот Ушакова про нее что-то такое знала, – закинув руки за голову, задумчиво сказал Соколовский. – Ну, или узнала, месяц назад. Любопытно.

Игорь снова стал просматривать фото, где Анастасия Ушакова снималась вместе с Ульяной, потом появилось их фото втроем с мужем.

– Слушай, Леха, – задумчиво сказал Игорь, – ты с аккаунта Ульяны можешь написать Ушакову? Как будто это она ему написала?

– Ну да.

– А в обратную сторону? От него – ей?

– Теоретически? – нахмурился Петров, заподозрив неладное.

– Строго теоретически, – заверил его Соколовский.

Ушаков сидел в кабинете и, понурившись, смотрел в стол перед Родионовой. Пряников стоял над ним, как грозовая туча, и сверлил суровым взглядом затылок несчастного супруга. Аверьянов и Королев с шумом ввалились в кабинет и, увидев эту немую сцену, замерли у входа.

– Оп, а это чего у нас? – первым спросил Даня.

– Да вот господин Ушаков пришел дать признательные показания, – постукивая ручкой по крышке стола, ответила Вика.

– Да, – как-то поспешно стал уверять Ушаков, подняв глаза на Пряникова и двух вошедших оперативников. – Я уже сказал вашей коллеге. Она... не выпала. Это я... ее столкнул.

Жека присвистнул и опустил на стул возле Даниного стола. Ушаков тер виски, багровел, хмурился. Ему явно тяжело было говорить и переживать все это заново. Он сжимал голову руками и еле слышно твердил:

– Арестуйте меня. Я подпишу все, что нужно. Протокол там или что надо. Я виноват.

– Даня, дай ему бумагу и ручку, – приказал Пряников. – Раз так – пишите. Мы не против. Опишите, как все было. В деталях.

Кивнув, Ушаков начал писать. Жека и Даня только недоуменно переглядывались. Вика смотрела на Ушакова с какой-то недоверчивостью, а Пряников снова принялся расхаживать по кабинету, засунув руки в карманы. Никто не обратил внимания, что под окнами рыкнул мотор машины, взвизгнули тормоза. И только когда от сильного толчка распахнулась дверь кабинета, все всполошились и с удивлением уставились на дверь, в которую Соколовский пытался завести какую-то молодую женщину. Женщина отпихивала его и требовала ответа:

– Это что? Что это все значит? Это же машина Вадика там стояла, внизу?

– А это значит, Уля, – ответил Соколовский, продолжая заталкивать женщину в кабинет, – что Вадик тебя по-настоящему любит. Хотя бы этому ты можешь радоваться.

Ушаков при виде женщины вскочил со стула, но Королев толкнул его на место и встал рядом.

– Мажор? Как ты вовремя, у нас тут гражданин в убийстве жены сознался.

Пряников с недоумением наблюдал, как Ушаков смотрит на женщину и как та смотрит на Ушакова.

– Игорь, это кто? – наконец строго спросил подполковник.

– А это у нас второе признание сейчас будет, – заявил Соколовский, силой усаживая Ульяну на стул. – А упрямство будет рассматриваться какотягчающее обстоятельство. Ну?

Женщина опустила голову и неожиданно разрыдалась, говоря при этом: «Вадик, Вадя». Ушаков побледнел и возмущился визгливым голосом:

– Зачем вы ее сюда привезли? Господа, я признаю свою вину, это я убил свою жену!

– Она просто не хотела слушать, – сквозь рыдания выдавила из себя Ульяна.

– Кто? – тут же ухватилась за эти слова Родионова.

– Настя...

– Игорь, ну-ка расшифруй этот ребус, – потребовал Пряников.

– Видите ли, час назад им обоим пришло одинаковое сообщение. Ему – от нее. Ей – от него.

Все недоуменно переглянулись и стали смотреть на Соколовского. Даже Ульяна уставилась на него с неприкрытой злостью.

– Какая же ты сука, – прошептала она.

Соколовский спокойно выдержал взгляд женщины и продолжил рассказывать.

– Текст был такой: «Не могу больше молчать. Прости. Я иду в полицию». Куда после этого сообщения побежал господин Ушаков, вы сами видите. А вот Ульяну Селиванову я поймал у дома. Она садилась в такси. С чемоданом. И билетом на ближайший рейс.

Бледный как полотно Ушаков вцепился в стул, на котором сидел.

– Уля – не убийца, – замотал он головой. – Да, я ее люблю. Настя нас... застала... Настя вернулась неожиданно, хотя я теперь понимаю, что она все видела через камеру и прибежала сразу. Уля курила на подоконнике, Настя вцепилась Уле в волосы, я никак не мог их растащить. Уля оттолкнула Настю, и... вот. Так все и получилось. – Его голос окреп, и теперь мужчина уже почти кричал, убежденно, с напором: – Понимаете, никто никого не убивал. Я думал, случайно, но теперь понятно – камера в аквариуме... Она не давала нам слова сказать! Попыталась схватить Улю... И она ее просто толкнула.

– Кто придумал селфи? – спросил Пряников, остановившись у двери.

– Я. Уля была в шоке. Выложил пару фоток.

– А где телефон?

– Спрятал. На всякий случай. После всего... У нее там могло быть что-то еще. На нас.

– Садитесь. Пишите. Оба. Пишите. Суд будет определять степень вины каждого.

Соколовский остался в кабинете один, когда увезли Ушакова и Селиванову. Посмотрев на часы, он прикинул, что Вика уже должна быть в кабинете Пряникова. Но тут звякнул телефон – пришло сообщение. Он посмотрел на экран. «Жду свою машину по адресу ул. Индустриальная, дом 7/5, сегодня в 7». Кивнув, он сунул телефон в карман и поспешил к кабинету начальника отделения.

– Во-первых, молодцы, хорошо провели расследование, – говорил Пряников Родионовой, даже не предложив ей сесть. – Молодец Соколовский! А во-вторых... Тут... э-э... по итогам прошлого года, по раскрытиям... Короче, из Главка позвонили, велели премировать лучших сотрудников.

– Так у нас вроде с раскрытиями не очень, – удивленно ответила Родионова, наблюдая, как Пряников подходит к сейфу и открывает его. – И вообще, почему я?

– А я знаю, что они там у себя в Главке себе выдумывают? – вспыхнул Пряников. – Мне приказали, я выполнил. Не Соколовского же премировать? Он из СИЗО только вышел. Ну, и не этих разгильдяев твоих... Короче, получи!

Андрей Васильевич взял из сейфа деньги и вложил их в руки Родионовой.

– Ничего не понимаю... – глядя на деньги в своих руках, сказала Вика.

– А ты и не понимай, Родионова! Дают – бери.

– Так, а ведомость?

– Я уже расписался! Все, забирай и радуйся.

– Тут же много...

– Родионова! – побагровел подполковник. – Много? Значит, государство может себе позволить!

Видя, что Пряников уже в страшном раздражении, Вика стала благодарить и поспешила выйти из кабинета, хотя еще мало понимала, что же произошло. Премии как-то по-иному всегда получали.

А спустя минуту в кабинет начальника отделения просунулась голова Соколовского:

– Андрей Васильевич, ну что? Взяла?

– Я первый и последний раз участвую в такой фигне! – зарычал Пряников, глянув на Соколовского с яростью. – Это понятно?

– Понятно. Жаль. Такие были задумки...

Степлер ударился в дверь и разлетелся на мелкие куски. Соколовский едва успел убраться голову и закрыть дверь.

Катя открылась совсем с другой стороны, когда Соколовский узнал, что она владелица нескольких квестов в Москве. Оказывается, девушка обладала достаточным зарядом авантюризма и склонностью к безбашенному веселью. И адрес, который она прислала Игорю в смс-сообщении, был адресом одного из ее квестов.

Пришлось соблюдать правила игры и изображать, что на первых порах он все принимает за чистую монету. И «похищение», и «побег». А потом они вместе продирались через страшные подвалы с крючьями в стенах, ржавыми цепями, электрическими стульями. «Лаборатория безумного ученого», из которой им предстояло выбраться, впечатляла. Да и на Катю смотреть было интересно – как она играет в свои игры, тестируя новый квест. Но в конце, когда оставалось последнее испытание, Игорю пришлось пережить шок.

Обследуя комнату в поисках подсказок и выхода, Соколовский увидел на стене монитор с изображением второй комнаты, в которой должна была находиться Катя. Посреди этого помещения стоял хирургический стол из нержавеющей стали. На столе лежало тело, накрытое

белой простыней. Игорь успел только усмехнуться задумке авторов квеста, когда тело пошевелилось и человек сел, стягивая с себя простыню. Соколовский похолодел. Там, в той комнате, должна была быть Катя, а на столе, низко опустив голову, сидел человек в капюшоне. Все та же черная одежда и тот же приветственный взмах руки.

Игорь плохо помнил, как он кричал, звал Катю, как бил ногами и кулаками в запертую дверь, как ломал ее огнетушителем, оказавшимся неподалеку. Как увидел живую и здоровую Катю и двух сотрудников квеста, которые с удивлением открыли ему дверь. А потом он бежал по коридорам и вырвался на морозный ночной воздух. На парковке никого не было. Игорь медленно подошел к Катиной машине и устало облокотился на капот. Под дворником он увидел открытку, еще не запорошенную снегом. Значит, ее положили совсем недавно. И на открытке было море, горы, солнце...

– Игорь, ты что? – послышался за спиной голос Кати.

– Понимаешь, мне пришло сообщение, срочно нужно ехать. У меня... ночное дежурство.

– Тебе не кажется, что шутка про мента затянулась? – спросила девушка, внимательно посмотрев на Соколового.

Игорь подмигнул и достал из кармана удостоверение.

– Никогда не вру девушкам, которые дают мне свою машину. Железное правило, – сказал он с улыбкой и протянул Кате ключи от автомобиля.

– Пока не надо, – покачала она головой. – Мне интересно. Рули аккуратно, герой. В машине спутник – если мне будет надо, направление я узнаю.

Когда Аня подошла к дому, с лавки у подъезда навстречу ей поднялся Королев.

– Привет, – хмуря брови от какой-то неловкости, буркнул он.

– Привет. Ты к Вике?

Даня молча сунул Ане в руки сверток. Девушка непонимающе посмотрела на него, показывая, что взять не может, ведь у нее заняты обе руки.

– Ты чего? Что это?

– Разберешься, – проворчал Даня. – И сестре ни слова. Договорились?

– Договорились, – ответила Аня, продолжая удивленно смотреть на Даню, на сверток, который он ей вручил.

– Выздоровливай, – бросил он и поспешно пошел вдоль дома в сторону улицы.

Аня поставила сумки с продуктами на лавку и развернула пакет. В нем оказалась приличная пачка денег.

Вика вернулась с работы рано. Увидев, что Аня дома, она прошла к ней через комнату и обняла, прижав к себе и поглаживая сестру по спине. Отстранив улыбающуюся Аню, Вика расстегнула сумочку и выложила на стол пачку денег.

– Вот. Мне на работе премию дали – можешь сразу купить, сколько надо.

– Спасибо! – Аня обхватила Вику за шею и чмокнула в щеку.

– И никто нам с тобой, сестренка, не нужен, – снова обняла Аню Вика. – Справимся. Сами...

Взяв деньги, Аня ушла в другую комнату, открыла свою сумочку и положила пачку рядом с пакетом, который ей дал Даня. А Вика, проводив сестру взглядом, задумчиво взяла телефон, покрутила его в руках. Потом открыла сообщения, нашла смс-ку Игоря «Зря». Подумав немного, она удалила сообщение.

Подполковник Пряников спустился к подъезду и стал озираться по сторонам, зябко ежась в куртке, надетой только на домашнюю футболку. Еще раз взглянув на экран телефона, он снова

увидел одно-единственное слово в смс-сообщении: «Спускайся». Сбоку зажглись и тут же погасли фары припаркованного автомобиля. Прикрыв глаза рукой, Андрей Васильевич направился к машине, открыл переднюю пассажирскую дверь и уселся на сиденье, стряхивая с воротника снежинки себе на колени.

– Зачем вы сюда приехали? – спросил Пряников, продолжая методично и недовольно стряхивать снежинки.

– Как идет расследование взрыва на кладбище? – спросил голос с заднего сиденья.

– Там следствие работает. Похоже, глухарь. Я даже формально не имею права вмешиваться.

И неформально тем более. Вызовет вопросы.

– Понимаю, – сказал человек с заднего сиденья. – Но происходит что-то странное. Надо разобраться.

– Я должен разбираться? – недовольно бросил Пряников.

– А кто, кроме тебя? – с легкой усмешкой спросил человек.

– Я все сделал, как вы сказали, – раздражаясь, заговорил Пряников. – На службе он восстановлен. Прекрасно себя ощущает. Под присмотром. Это максимум! У меня что, других дел нет?

– Есть, – с нажимом в голосе ответил человек. – Дело о халатности в обращении с табельным оружием. Которое было использовано посторонним лицом в покушении на жизнь человека. И это дело еще не закрыто.

Андрей Васильевич стиснул зубы и заиграл желваками, но промолчал. После небольшой паузы он взялся за ручку двери, помедлил и буквально выдавил:

– Я разберусь.

Пряников вышел из автомобиля, и тут же заработал мотор. Машина сорвалась с места, уносясь со двора и оставляя за собой легкий вихрь белых снежинок, в котором исчезали ее задние фонари.

Солнечный день бил в окна офиса, играя яркими отблесками на глянцевой поверхности большого овального стола. Соколовский отложил бумаги и посмотрел на Константина, потом на Васильева.

– То есть это максимум, что нам одобрили? – спросил он резко.

– Что вы хотели? – принялся объяснять Васильев. – Бизнес Соколовских не в лучшем состоянии, учитывая, что уже больше полугода глава бизнеса не у руля.

– Я говорил, что у вашего плана есть риски, – спокойно заметил Константин.

– Ладно, – прервал рассуждения Соколовский. – Определим цели-задачи. Сколько мне нужно набрать процентов?

– Семь. Минимум, – уверенно ответил Константин.

– И это половина средств, одобренных вам в качестве кредита, – напомнил Васильев, переглянувшись с юристом.

– Раз нужны семь процентов – у меня они будут, – берясь за авторучку, заявил Соколовский.

– Не забываете, – снова заговорил Константин, – чтобы в конце план не сорвался, вам необходимо найти эвент оф дефолт. Не найдете повода объявить Игнатьеву дефолт – он станет сильнее, а вы потеряете фирму вашего отца.

– Вы должны понимать – придется идти до конца. И в итоге выиграете либо вы, либо Игнатьев. Проигравший пойдет по миру, – добавил Васильев.

Соколовский некоторое время смотрел на своих помощников, потом опустил руку и поставил свою подпись.

– Счастливо, – сказал он, бросая ручку на стол, поднимаясь и выходя из кабинета.

Константин и Васильев переглянулись. Константин поднялся тоже и пошел собирать со стола бумаги, которые до этого просматривал Соколовский.

– Только такие и делают историю, – заметил он. – Иногда, правда, историю провалов.

Когда Соколовский подъехал к отделению полиции, то, к своему изумлению, увидел машину Кати, припаркованную среди машин сотрудников. Подойдя, он увидел и саму Катю, которая сидела в машине и что-то набирала в своем смартфоне. Постучав в стекло и дождавшись, когда оно опустится, Игорь облокотился на дверцу.

– Явка с повинной? – поинтересовался он.

– Игорь, мне по-настоящему интересно, – засмеялась девушка. – Я думала, про полицию ты прикалываешься. Из любопытства позвонила спросить, в каком отделении служит лейтенант Игорь Соколовский. И вот!

– Может, экскурсия в другой раз? – шутливо поморщился Соколовский.

– А зачем откладывать? – В глазах у Кати загорелись шальные огоньки.

– Ладно, – вздохнул Соколовский, посмотрев на окна своего отдела, где, как ему показалось, он мельком увидел Родионову.

Он провел Катю через дежурную часть в коридор, где располагался их отдел. И у самой двери, взявшись уже за ручку, спросил:

– Скука, пыль, отчеты, протоколы – заводит?

– Не-а, – замотала Катя головой. – Не очень.

– Тогда держись, – решительно сказал Игорь и распахнул перед девушкой дверь.

Они вошли в кабинет, и тут же поднялись над бумагами головы Королева и Аверьянова. Вика посмотрела на вошедших последней, без эмоций.

– Так проводит будни полицейская элита. – Соколовский широко повел рукой. – Всем привет. Знакомьтесь: это Катя.

– Твоя девушка? – тут же спросил Даня.

– Здравствуйте. – Катя внимательно окинула Даню взглядом. – И если вас так это интересует, можете спросить у меня. Да. Я его девушка.

– Здрасьте. – Аверьянов привстал и чуть наклонил голову, едва не опрокинув на бумаги стакан с чаем. – Меня Жека зовут.

– А это наш капитан, – Соколовский повернулся к Родионовой, – Виктория Сергеевна. С ней лучше не шутить.

– Игорь Владимирович, – ледяным тоном ответила Родионова, – тебе посылка.

– Мне? – только теперь Соколовский увидел на краю стола Родионовой красивую коробочку, перевязанную лентой.

– На ней твоё имя. – Вика ткнула авторучкой в сторону коробки и добавила неприязненно: – Будь добр, в другой раз не делай заказы на работу.

– Что приобрел? – ехидно спросил Королёв. – Рубашечку? Запонки? Телефон?

Даня не успел договорить. Соколовский начал открывать коробку с чем-то тяжелым внутри. Картон порвался, и на пол со стуком выпала темно-зеленая граната. Звонко отскочила предохранительная чека.

– Ложись! – заорал Соколовский, физически чувствуя, как проходит одна секунда, вторая.

Жека, опрокинув стул, мгновенно оказался под столом, Даня, перепрыгнув через стол, бросился к Вике, но явно не успел бы добежать до нее до взрыва. Игорь отшвырнул пустую коробку и упал на гранату грудью. Еще секунда, в воздухе повис возглас Родионовой: «Игорь!» А потом... Соколовский не знал, как это бывает, да, наверное, не знает и никто. А тот, с кем это было, рассказать уже не сможет. Сколько он лежал? Секунду, две, десять. Ничего не происходило. И очень громко и почему-то раздражающе тикали часы на стене.

Первым поднялся Королёв и похлопал Соколовского по плечу:

– Подъем.

Игорь стал подниматься, чувствуя, что его бьет адреналиновая дрожь. Даня взял с пола гранату и повертел ее в руках.

– Боевая... Запал вывинчен, – констатировал он и сгреб Соколовского за плечо, поднеся к его лицу зажатую в кулаке гранату: – По-твоему, это смешно?

Соколовский отпихнул его руку, поднялся с пола и уселся на стул.

– Кто коробку принес? – спросил он, чувствуя, что никак не справится с голосом.

– Я, – растерянно отозвался Жека. – На стол я поставил. Курьер принес, для Соколовского, а я поставил на стол.

– А как он выглядел? – заторопил Соколовский. – Парень лет двадцати семи?

– Нет, девушка.

– А открытка была?

Королёв снова схватил Игоря за плечи и развернул к себе.

– Так, какая открытка? – рывкнул он. – Что ты про это знаешь? Что вообще происходит?

– Не ори! – огрызнулся в ответ Соколовский. – Розыгрыш это! Чей-то глупый розыгрыш!

Королёв взял ладонь Игоря и шлепнул в нее гранату. Повернувшись, он ушел к своему столу. В тишине, повисшей в комнате, послышалось легкое покашливание Кати. Девушка стояла у двери и переводила взгляд с одного полицейского на другого.

– Извините, – сказала она. – Игорь, я пойду. Всем до свидания.

Катя вышла. Игорь вскочил со стула, но, услышав, что Родионова сказала: «Хороший выбор», остановился в дверях. Он хотел что-то сказать, но говорить было нечего. Покрутив в руках

гранату и не зная, что с ней делать, Игорь сунул ее в карман и выскочил из кабинета.

– Катя, стой! – Сбежав по лестнице, он выскочил на улицу и уже около машины догнал девушку. – Извини, я сам не ожидал. Глупо получилось.

– А она тебя любит, – открывая дверь машины, сказала Катя. – Капитан Виктория. С которой лучше не шутить.

– Катя, все шутки я оставил в прошлой жизни.

– Похоже, не все. – Катя кивнула в сторону окон отдела: – Ты ведь знаешь, кто на самом деле прислал гранату?

Игорь промолчал. А вот чего ему сейчас меньше всего хотелось, так это впутывать Катю во все эти истории, во все его тайны и расследования. Но девушка, кажется, расценила все это по-своему.

– Понятно, – усмехнулась она и села в машину.

– Один псих, – выдавил из себя Соколовский. – Любит действовать на нервы.

– А говорил, у вас скука.

– Это у остальных. Со мной ты не соскучишься, – попытался улыбнуться Соколовский.

– Это я уже понимаю. И мне нравится. – Катя наклонила голову Игоря к себе и поцеловала его.

Соколовский стоял, глядя вслед уезжающей машине, и только теперь начал чувствовать холод (ведь он выбежал из здания в одном пиджаке). Надо было хорошенько обдумать, что ему теперь со всем этим делать. Граната – это уже не шутка. Хотя взрыв машины Федора Сергеевича тоже шуткой не был. Это что же, предупреждение?

Возвращаться в отдел сейчас не хотелось. Игорь вспомнил, как привел туда Катю и как весь его кураж пропал вместе с выпавшей из коробки гранатой. И как он лежал на полу. Герой хренов! Соколовский завернул в туалет. Постояв перед зеркалом над раковиной и посмотрев на свое лицо, он наклонился и стал плескать на себя водой. Вода приятно холодила лицо и как будто смывала все напряжение. Где-то он читал про мистические способности воды уносить, смывать, очищать.

Граната оттягивала карман, и это побудило Соколовского снова вытащить ее. Игорь стал рассматривать гранату и только теперь заметил внутри какую-то маленькую бумажку, свернутую трубочкой. Пришлось потрясти гранату, чтобы маленький рулончик выпал ему на ладонь. Почтовая марка с видом Черногории! Перевернув ее, Соколовский прочитал на обратной стороне краткую надпись: «Оторвись от реальности».

Из состояния задумчивости вывел телефонный звонок. Сунув гранату в карман, Соколовский достал телефон и посмотрел на экран. Нина.

– Нинель, я весь внимание, – бодро отрапортовал Соколовский, старательно делая перед зеркалом позитивное выражение лица.

– Соколовский, – прозвучал в трубке женский голос, – сколько раз просила не называть меня так. У меня дело.

– А у меня преступники по городу разгуливают, так что не тани, – деловито попросил Соколовский.

– Ты не поверишь, но я к тебе с тем же самым.

С Ниной Игорь встретился в кафе, которое она назвала ему по телефону. Войдя, он глазами нашел девушку за столиком, подошел к ней и опустился в кресло напротив. Нина выглядела как всегда прекрасно.

– И что это за дело, о котором нельзя по телефону?

– Ты же Алку помнишь? Ну, Жаркову! – изящно поднося к губам чашку с чаем, спросила Нина.

– Помню. Что с ней стряслось?

– Пока, слава богу, ничего. Но за ней увивается один мужик, и он мне очень не нравится.

– Главное, чтобы Алке нравился – разве нет? – усмехнулся Соколовский.

– Нет. Я очень прошу тебя, Игорек, проверь, кто он такой, – не приняла шутки Нина. – Чем живет, чем занимается. Ты же мент, тебе, наверное, раз плюнуть. А то он к ней, кажется, в женихи метит.

– Слышу зависть в голосе, – понизил голос до доверительных ноток Игорь.

– Зависть! Я тебя умоляю. Папа замучил меня знакомствами с «правильными мальчиками».

Я от них устала. Они к браку подходят как к бизнес-схеме. Для них это вложение с высокой прибыльностью – ничего живого! И меня раздражают мужчины, у которых наборы косметических средств больше, чем мои.

– Я думал, метросексуалы в моде?

– Игорь, чтобы быть в курсе моды, надо читать специальные журналы, – снова не приняла шутки Нина. – А мне нужны искренние отношения. С хорошим парнем, с которым мне будет просто и весело. И точка! Ну что, ты мне поможешь?

– Сам не возьмусь, – солидно заговорил Соколовский, сдерживая ироничную усмешку. – Но есть реальный профи. Очень крутой следак!

Аверьянов согласился практически сразу. Игорю даже понравилось, как у Жеки загорелись глаза. Но как только дело дошло до непосредственного знакомства, как только он сел к Игорю в машину, энтузиазм сыщика стал таять на глазах. Игорь давно не видел Жеку таким неуверенным. Пришлось снова «включать» метод убеждения, и Жека стал постепенно приходить в норму.

– Короче, Нина – отличная девушка, – продолжил инструктаж Соколовский, когда они подъехали и припарковались возле кафе. – И ты должен ей понравиться. Запомни главное: ты – реальный спец. Легенда полиции. Раскрываемость – 99 и 9 десятых.

– А так вообще бывает? – продолжал сомневаться Жека. – Нет, я рад, конечно. Но... кто я и кто она!

– Нине нужен простой, порядочный, надежный парень, – остановившись возле входа, заверил Игорь. – То есть ты.

И чтобы у Жеки не появилось соблазна повернуть назад, Соколовский решительно открыл дверь. Пока они шли к дальнему столику, за которым сидела Нина, Игорь заметил на лице Жеки целую бурю чувств и сомнений.

– Нина, это Евгений, о котором я тебе говорил, – представил друга Соколовский, отметив, что Жека немного успокоился. Внешне девушка ему понравилась. – Евгений, это Нина.

– Здравствуйте, – скромно и деликатно произнес Аверьянов и сел напротив девушки.

– Евгений – мой непосредственный начальник и, я бы даже сказал, учитель, – с самым серьезным видом стал рассказывать Соколовский. – Спец по особо опасным преступникам. Сегодня брал одного серийного убийцу.

– Как интересно! – оживилась Нина. – А сколько этот убийца людей убил?!

– Ну, где-то шесть или семь, – смутился Жека.

– Но это же, наверное, очень опасно. – Нина сделала большие глаза и с уважением посмотрела на Жеку. – Я бы не смогла работать в полиции.

– Ну, тебе работать вообще необязательно. Ты изложи Евгению суть проблемы, а я отлучусь ненадолго.

Сделав вид, что у него звонит телефон, Соколовский отошел в сторону, поглядывая на столик, за которым мирно беседовали Жека и Нина. Аверьянов девушке явно нравился. Это было очевидно. И совершенно очевидно, что она его сейчас расспрашивает про всякие глупости: про

стрельбу, погони и маньяков. Так, надо прекращать пустую болтовню. Успеют еще на эти темы наобщаться.

– Ты уже ввела Евгения в курс дела? – вернувшись к столу, спросил Соколовский.

– Понимаете, у меня есть подруга, – спохватилась девушка. – Ее зовут Алла, Алла Жаркова.

– Возраст, род занятий, давайте поподробнее, – профессиональным тоном стал спрашивать Аверьянов, приготовив блокнот и ручку.

– Возраст? Ну как я примерно. Род занятий – ну она такая... девушка из общества.

– Понимаешь, вокруг Аллы стал крутиться какой-то тип, – немного подтолкнул вперед беседу Соколовский. – А Нине он очень не нравится.

– Основания? – с серьезным видом осведомился Аверьянов.

– Основания? – Нина пожала плечами. – Моя интуиция! Вроде бы бизнесмен из Соединенных Штатов, приехал в деловую командировку, Алка с ним познакомилась в «Пушкине».

– Американец?! Только этого не хватало. Это ж придется Интерпол задействовать.

– Нет-нет-нет, его фамилия Острожский, он русский, просто там живет и работает. Кажется, какая-то электроника.

– Ладно, проверим вашу интуицию, – пообещал Жека. – У него в Москве квартира, дом? Фотография есть?

– Он в «Рэдиссоне» остановился, у Киевского вокзала. Фотография есть. Мы на вечеринке вместе фоткались. Сейчас.

– Скинешь Евгению на телефон, – посоветовал Соколовский, чтобы снова как-то поторопить собеседников. – Вообще-то служебный он обычно никому не дает, но для тебя сделает исключение. Правда, Евгений?

С 12 до 14 часов самое спокойное время для секретаря. Так уж было заведено в офисе у Аркадия Викторовича Игнатьева, что каждое дело делалось в свое время. Почта, например, приходит в 10.00, сортируется. А получать другим отделам ее положено в 11.00. Даже кофе сам Игнатьев пьет по строго заведенному графику. А вот с 12.00 до 14.00 у сотрудников секретарской службы перерыв на ланч (разумеется, поочередно), приведение в порядок своих текущих дел, обзвон служб, которые приглашены на совещание в 16.00, и тому подобная рутина.

Яна сидела за секретарской стойкой одна с чашкой кофе и просматривала электронную почту. В коридорах офиса было тихо, и поэтому шаги на лестнице Яна слышала задолго до того, как открылась дверь и из нее показался сначала большой букет цветов, а потом и мужчина лет сорока в несвежей рубашке и несколько мятых брюках. «Курьер», – безошибочно определила Яна.

– Добрый день, – вежливо улыбнулся мужчина и протянул букет Яне. – Это вам.

– Простите, не поняла, – Яна «надела» на лицо дежурную улыбку. – Мне расписаться нужно? Кому доставить?

– Нет, это именно вам. Согласно заказу – девушке, которую зовут Яна: Вы же Яна?

– Да, я – Яна. – Девушка с изумлением снова посмотрела на букет, оценив его размеры.

– Вот и славненько, – добродушно улыбнулся дядька, подмигнул и, положив букет на стойку, ушел.

Яна медленно встала из своего рабочего кресла и уставилась на букет. Теперь она заметила, что к ленте букета прикреплен небольшой конвертик. Она достала оттуда записку и прочитала с еще большим изумлением:

«Жду в 20.00 в ресторане «Колумб». Не рушьте моих надежд, тем более кто-то должен оплатить наш ужин, я потратил все деньги на цветы. Игорь».

Странно, но вопрос, идти или не идти по приглашению, изложенному в записке, как-то не встал сам собой. Или женское любопытство, или природная склонность к приключениям, или надежда, что этот таинственный Игорь окажется тем самым принцем, о котором мечтает каждая девушка. Яна вошла ровно в восемь вечера в ресторан и стала осматриваться в зале. Из-за столика у окна приподнялся молодой человек и помахал рукой:

– Яна! Я здесь!

То, что этот парень не подошел к ней сам, не пригласил за свой столик или как-то иначе не выразил свою симпатию, Яну насторожило сразу. Она подошла к его столику, но садиться не стала.

– Кто вы? Я вас не знаю, – холодно произнесла она.

– Ну как же, я ведь подписался: меня зовут Игорь, – скупой улыбнулся Соколовский.

– Пойдите, я вспомнила! – Яна наморщила лобик: – Вы – Соколовский?

– Вот видите, а говорите, что не знаете. Садитесь, пожалуйста, – предложил Соколовский уже вполне официальным тоном.

– Что вы от меня хотите?

– Хочу с вами поужинать. Возьмите меню. – И пока Яна смотрела в предложенное меню, Соколовский заговорил снова, но уже другим тоном. Он как будто рассуждал, глядя на девушку, говорил, как какой-то добрый дядюшка:

– У вас два образования: одно российское, другое – бизнес-школа. Я прав? Куда дальше двигаться по карьерной лестнице – непонятно. Вы помощница, а не секретарша. Остается только в отношении вступать. – То, что Яна напряженно вскинула брови в ответ на не слишком деликатное с его стороны замечание, Соколовский проигнорировал и продолжил говорить в том же духе: – Игнатьев предлагал, но вы не вступили. У вас есть один парень внутри компании, с которым вы иногда, для здоровья. И есть за пределами. Но он оказался женат, хотя вы на него рассчитывали.

– Вы все сказали? – сухо спросила девушка, отложив меню.

– Еще кое-что. Вы скучаете, и вам не хватает адреналина. Я знаю, как это исправить.

– Да? И как?

– Я куплю у вас информацию, которую вы похитите у Игнатьева, – спокойно ответил Соколовский.

– Ясно, – прищурилась девушка, разглядывая своего собеседника. – Ну, я тоже могу вам кое-что рассказать. Раз вы тот самый Соколовский. Передо мной избалованный парень, мажор, который волею судьбы оказался в полиции. Там он вдруг понял, что есть другая, настоящая жизнь, и решил, что теперь будет творить добро на планете. Но, судя по вашему предложению, методы вы не меняли.

– Все про меня, – удивительно спокойно отнесся к ее монологу Соколовский. – Так вы согласны?

– Если меня поймут, моя карьера окончена. Считаете, мне скучно?

– Годовой оклад, – небрежно предложил Соколовский.

– У меня нормальная жизнь, я не хочу ее разрушать, – с ноткой усталости в голосе ответила Яна.

– А давайте цифру на пять умножим? – ленивым голосом предложил Игорь.

– Послушайте, – девушка откровенно заволновалась, – это как минимум бестактно.

– У вас все как минимум стабильно, правильно, скучно. А жить надо по максимуму. Вы не согласны? – Посмотрев на замолчавшую девушку, Соколовский продолжил: – Хорошо. Сразу не отвечайте. Но меня интересуют нарушения, допущенные в отношении миноритариев компании

господина Игнатьева. Хотите вина?

Девушка молча встала, взяла со стола свою сумочку и, не посмотрев на Соколовского, двинулась к выходу. Игорь поднялся и быстро догнал ее:

– Яна! Вы кое-что забыли!

– Что я забыла? – спросила она напряженным голосом.

– Мой номер телефона. Чтобы не оказаться в глупой ситуации, когда вы передумаете, – сказал Игорь, протянув карточку без фамилии, только с одним номером телефона. Яна медлила всего несколько секунд. Потом она взяла карточку и, повернувшись, ушла, на ходу пряча ее в сумочку.

Михаил Острожский, который обхаживал подругу Нины, по его же утверждению, жил в гостинице, но когда Соколовский и Аверьянов приехали туда и просто предъявили его фотографию администратору, то выяснилось, что этот человек в данной гостинице не живет. Более того, он подговаривал девушку-администратора «разыграть» своих знакомых и сказать, что он здесь остановился.

Сам факт подобной выходки не был преступлением, но наводил на мысли, что ухажер Аллы не лишен склонности к авантюрам. Но и еще кое-какие выводы сделал Аверьянов, исходя из своего опыта сыщика, чем приятно поразил Соколовского:

– Получается, что этот тип, а он у нас изначально обозначен как иногородний, живет где-то совсем рядом, настолько близко к этой гостинице, что может до холла добежать за считанные минуты. Тем более администратор, как она сама призналась, видела его в соседнем продуктовом магазине.

– Получается, что он живет в какой-то соседней гостинице, – догадался Соколовский. – Но свое место жительства он активно скрывает. Это уже не есть хорошо, Жека.

Навигатор показал, что в очерченном сыщиками «районе шаговой доступности» есть десять гостиниц. Делать было нечего, и пришлось обходить их все. Но Соколовский предложил начать с заведений уровнем не выше двух звезд. Идея себя оправдала в первой же гостинице, куда они пришли. Снова волшебное действие оказало удостоверение сотрудника полиции. Администратор узнал человека по фотографии, которую предъявил Жека. Михаил Острожский в самом деле остановился в их гостинице, но исчез, не заплатив за проживание. А когда по просьбе Аверьянова им показали ксерокопию паспорта Острожского, то выяснилось, что он приехал не из Америки, а из Нижнего Новгорода, да еще и официально женат.

Когда они вышли на улицу из здания гостиницы, уверенности в действиях Аверьянова сразу поубавилось.

– Ну что, звоню Нине, рассказываю? – спросил он. – Или, может быть, ты сам?

– Ты расскажешь, – засмеялся Соколовский и добавил тоном заговорщика: – И не по телефону. А лично. Сейчас позвонишь и пригласишь на встречу. А уже там за бокалом вина будешь расписывать, как нелегко ты добывал эту ценную информацию. Иди уже! Я пробью Острожского по нашей базе.

Когда Соколовский приехал в отдел, то сразу наткнулся на недовольного Королева, который стал ему выговаривать, что именно в эту минуту Пряников выносит мозг Родионовой из-за того, что двое ее сотрудников мотаются неизвестно где весь рабочий день. Соколовский, чертыхнувшись, что не успел все объяснить Вике, развернулся и, не вступая с Даней в пререкания, кинулся из кабинета.

Пряников сидел за столом и выговаривал стоявшей перед ним Родионовой:

– Я требую одного – порядка!

– Товарищ подполковник, разрешите? – Игорь ворвался в кабинет и встал рядом с Викой.

– Соколовский! – с издевкой в голосе проговорил подполковник. – Конечно-конечно, заходи, присаживайся! Чайку, может, или кофейку?

– Не отказался бы, но некогда.

Пряников поперхнулся и на миг замолчал, шевеля губами, как вытащенная на берег рыба. Этим моментом надо было срочно пользоваться, иначе потом и слова не удастся вставить.

– Андрей Васильевич, Вика не виновата. Мы с Аверьяновым с утра уехали по делам. В известность никого не поставили.

– И по каким же таким делам вы уехали с Аверьяновым? – почти прошипел разъяренный Пряников.

– По служебным. Один человек – информатор – сообщил, что, возможно, готовится преступление.

– Трудно было предупредить своего непосредственного начальника? Какое? Убийство? Ограбление? Кто там у вас – террорист, маньяк?

– Скорее брачный аферист.

– Преступление века, – картинно развел руками Пряников.

– И нам удалось кое-что узнать, – проигнорировал издевку начальника Соколовский. – Поэтому, с вашего разрешения, мы с Аверьяновым с этим сегодня попробуем окончательно разобраться.

– Ну, если капитан Родионова не возражает, – остывая, сказал Пряников. – Хорошо. Идите. Детский сад!

В коридоре Соколовский остановил Родионову, повернул лицом к себе и, глядя в ее большие, темные от гнева глаза, заговорил:

– Вик, извини. Я не выдумываю. В самом деле знакомая попросила о помощи.

– Позвонить и предупредить ты не мог?

– Волнуешься? – улыбнулся Соколовский.

– Игорь! – Глаза Вики полыхнули негодованием. – Вначале погибает твой адвокат, вчера кто-то прислал гранату. Ты объяснишь мне, что происходит?

Игорь перестал улыбаться, и его лицо как будто окаменело. Он помолчал, потом отрицательно качнул головой:

– Нет.

Вика стиснула со злостью зубы, повернулась и ушла. Соколовский стоял, глядя с нежностью ей в спину, потом опустил голову. «Жаль, что все так происходит, – подумал он. – А как по-другому? Подсказал бы кто, что ли».

С Аверьяновым они встретились через три часа, когда Соколовский пробил наконец Михаила Острожского по базе и связался с Нижним Новгородом. Жека поил Нину дорогим шампанским и самозабвенно рассказывал ей страшилки из жизни уголовного розыска. Естественно, не без упоминания собственной храбрости, находчивости и прекрасной физической формы.

– Но мы с Маж... с лейтенантом Соколовским быстро с этим разобрались. Правда, тут мне пришлось побегать... Похититель молодой попался, шустрый, но и я тоже в приличной форме.

– А женщину спасли? – спросила пораженная и чуть восхищенная Нина.

– Какую женщину? – опомнился Жека. – А, спасли, конечно.

Соколовский почти упал на свободное кресло возле их столика.

– Простите, ребята, что бесцеремонно вторгаюсь в ваш разговор, но дело приняло серьезный оборот. – При этом Соколовский многозначительно наступил Жеке под стол на ногу, чтобы тот остановил свои рассказы и проникся настоящей проблемой. – Пряников дал

«добро». Я пробил Острожского по базе, поговорил с Нижним Новгородом. Там он овдовел спустя полгода после свадьбы.

– Так у него нет жены? – спросила Нина. – Но Евгений сказал...

– Той жены из Нижнего Новгорода уже нет, – перебил Нину Соколовский. – Примечательная была женщина. Собственный бизнес: химчистки. Евгений, вы позволите, я расскажу, как она умерла? Она утонула в ванне. Следов насилия нет, муж якобы пришел домой спустя полчаса. Проверить это не удалось, предъявить ему нечего, списали на несчастный случай.

– Так, может, это и был несчастный случай? – удивленно переглянувшись с Аверьяновым, спросила Нина.

– Если бы покойная не переписала на супруга свой бизнес незадолго до гибели, я бы тоже так подумал. Бизнес Острожский продал, на что живет – сами понимаете. Но судя по тому, что он снял самый дешевый номер, ему срочно нужен новый капитал.

– Но вы говорили, он опять женат?

– Это я тоже выяснил, – кивнул Соколовский. – Американка. Жесткий брачный контракт. Очевидно, там не разгуляться, а тут... Алла же невеста состоятельная?

– Игорь, Женя. – Нина откровенно побледнела и испуганно посмотрела на мужчин: – Неужели вы думаете, что он убийца?

Соколовский устало кивнул и откинулся на спинку кресла.

– Но это означает, что Алле угрожает опасность. Звони ей, Нина. Только потом дай трубку мне, хорошо?

Нина набрала подругу и некоторое время сидела с напряженным лицом, потому что Алла не отвечала. Наконец подруга ответила, и Соколовский после первых взаимных приветствий девушек стал делать знаки, чтобы Нина отдала ему телефон.

– Алла, это Соколовский. Я тоже рад. Так. Сейчас садишься в машину и приезжаешь в отделение полиции, адрес скину. Нет, не разыгрываю. Поговоришь кое с кем. Из Нижнего Новгорода... Алла, слишком много вопросов. Приедешь и все узнаешь. Адрес скину эсэмэской. Все, жду тебя там.

Ванная комната у Аллы была большой. Слишком даже большой. Но Вика предложила перетащить из комнаты ширму и установить ее у самого шкафа. Тогда Жека сможет там прятаться абсолютно спокойно. Соколовский еще раз проверил камеру, поглядывая на подруг. Нина не сводила восхищенного взгляда с Жеки, а у Аллы вид был слишком испуганный, чтобы внушать уверенность в успехе всей операции. Вика это тоже поняла и подошла к девушке:

– Алла, мой долг сказать вам, что это опасно. Вы не обязаны. Только по доброй воле.

Девушка стиснула пальцы, но все равно утвердительно кивнула:

– Понимаю. Не хочу, чтобы он еще кого-то. И я же вам верю, вы успеете. Нина так много рассказывала про Женю и Игоря. Им нельзя не довериться.

– Я бы на твоём месте не раздумывала, – сказала стоявшая рядом Нина. – С такой защитой!

– Хорошо, – вмешался Соколовский, чтобы прекратить эти непрекращающиеся восхваления. – Отрепетируем. Он приходит. Показываешь деньги. Предлагаешь выпить. В общем, создаешь обстановку, располагающую к убийству...

Михаил открыл штопором бутылку, с улыбкой глянул на Аллу и очень элегантно наполнил два бокала. Отдав один бокал девушке, он опустился на колени:

– Аленький, я... У меня просто нет слов. Ты меня спасла!

– Ну... Я же так и говорила, что достану деньги, – смущенно проговорила девушка, пытаясь побороть легкую дрожь в руках. Ее щеки пылали от волнения, которое Острожский относил на

счет возбуждения сексуального.

– А я не верил... Что я за скотина? – проговорил он, бросая взгляд на пухлый пакет на столе. – Я должен написать расписку?

– Да не обязательно, – пожала плечами Алла.

– Ну что ты... Деньги – такая вещь. Сейчас. – Достав из портфеля блокнот и авторучку, он присел к столу и быстро стал писать на листке. – Не буду тянуть. Сейчас прямиком в аэропорт, беру первый же рейс, отвожу деньги, решаю проблемы и...

Мужчина положил на стол расписку, сунул авторучку в портфель и попытался поцеловать Аллу в щеку. Девушка машинально отстранилась.

– Ну что ты? И к тебе, отпразднуем, повеселимся! – Он сунул пакет в портфель, закрыл его на защелку и поднял свой бокал с вином. – О'кей?

Осушив бокал с вином, Михаил все же умудрился поцеловать Аллу в губы и направился к двери.

– Пока.

– Пока, – неуверенно ответила Алла, глядя вслед Острожскому.

Получалось, что ничего такого и не будет. Он говорил правду? И расписку написал. И тут девушка вздрогнула, потому что Михаил неожиданно снова оказался перед ней.

– Знаешь... – произнес он с загадочным видом, поставив рядом со столом портфель с деньгами. – Я дурак. Мне ведь совсем не обязательно прямо сейчас ехать. Рейс утром.

– Ну... тогда... оставайся? – предложила Алла, похолодев.

– Надеялся, что ты так скажешь. Послушай. – Михаил наклонился к девушке и зашептал ей на ухо, положив ладони на колени: – Сегодня такой промозглый день, я пока шел к тебе – весь продрог.

– Ага, руки у тебя холодные.

– Вот видишь. Может, примем вместе ванну?

– Вместе? – тихо прошептала девушка, и снова Острожский подумал о том, что Алла возбуждена и хочет близости с ним.

– А что? Я тебя смущаю?

– Нет. Вовсе нет, – храбро ответила девушка.

– Набирай воду, – потрепав девушку по щеке, сказал Михаил, – я подготовлю нам поднос и приду.

Протерев полотенцем штопор, ручки кухонных ящиков, Острожский внимательно осмотрелся, потом взял бутылку и два бокала. Алла лежала в ванне по самое горло в пене, когда он вошел. Поставив поднос на край, он подал девушке бокал и чуть коснулся его своим бокалом.

– А почему ты одет? – Алла попыталась произнести это кокетливо, хотя голос ее слегка дрожал.

– А зачем нам торопиться? У нас вся ночь впереди, – отпив глоток, ответил Михаил.

Поставив бокал, он начал гладить ноги девушки, сначала икры, потом колени, делая вид, что возбуждается. Его ноздри и правда стали расширяться от ощущения того, что он сейчас сделает. Неожиданно Михаил схватил Аллу за щиколотки и резко дернул ее на себя. Голова девушки скрылась под водой, она начала бить руками, хвататься за края ванны, через пену начали пробиваться пузыри воздуха. Потом Алла затихла.

Михаил решил сразу не отпускать ее ноги, но тут ему в затылок уперлось дуло пистолета и мужской голос сказал:

– Почерк надо менять, Острожский.

Опешивший Михаил отпустил ноги, и тут же из воды как ни в чем не бывало появилась Алла. Человек, державший пистолет у затылка Острожского, сказал:

– Вы задержаны по обвинению в покушении на убийство.

– Кто вы такие?! Что вы тут делаете? Это... это... это вторжение в частную жизнь, – говорил Острожский, которого била нервная дрожь.

– Еще скажи, что ты гражданин Соединенных Штатов и требуешь встречи с консулом.

Жека отправился провожать Нину, и по пути они собрались отвезти Аллу. Нина щебетала, как девочка, Жека раздувал грудь и краснел от удовольствия. Когда они уехали, Вика подошла к оперативной машине отдела и взялась за ручку.

– У тебя какие планы на вечер?

– Пожалуйста, не начинай, – тихо попросила Вика, пытаясь открыть дверь, которую держал Соколовский.

– Я по-дружески! Как говорится, закрыл дело, гуляй смело!

– Пока, – упрямо сказала Вика, пытаясь открыть дверь.

– Может быть, вся проблема в том, что ты никогда не даешь мне договорить до конца?

– Нет, Игорь. Проблема в тебе. Ты никогда не бываешь до конца искренен.

– А Даня? Бывает? – тут же спросил Соколовский.

– Нам с тобой вместе работать. Поэтому тебе нужно понять, что наши с тобой отношения в прошлом. Все, Игорь! Я хочу домой.

– Тогда скажи, глядя мне в глаза, искренно скажи, что тебе на меня наплевать! Что ты просто так наводишь справки про смерть моего адвоката, расспрашиваешь меня про гранату, смотришь так проникновенно!

Вика молча повернулась и пошла, не слушая Соколовского. Он опешил, потом закричал ей вслед:

– Ну, и кто из нас после этого неискренен?

Катя сидела напротив Соколовского и смотрела на заснеженное окно. В зале был приглушенный свет, тускло мерцали бокалы, неслышно проходили официанты. Они разговаривали уже долго. Игорь почти все рассказал Кате о себе, не особенно сознавая, что это на него сегодня нашло.

– А убийцу твоих родителей – его наказали? – спросила она.

– Нет.

– Ну, нашли хотя бы?

– Не особенно и искали, – уклончиво ответил Соколовский. – В общем, он хорошо спрятался. В полиции не любят висяки, так что...

– Но ты знаешь, кто убил твоих родителей?

Игорь, не глядя на девушку, отрицательно покачал головой. Соврал он сейчас или нет? Он и сам не понимал еще всего.

– И поэтому ты остался работать в полиции? – спросила Катя понимающе.

– Я работаю в полиции, потому что я за силы добра и света, – улыбнулся Игорь.

Утром, когда Соколовский выходил из своего номера в отеле, на ресепшен ему передали конверт от Васильева. Заглянув в него, Соколовский с удовольствием увидел ПТС-ку и ключи от машины. У входа в гостиницу его ждала новая машина, точно такая же, как и у Кати.

Двигаясь в плотном потоке, Игорь умудрился увидеть Яну достаточно рано, чтобы у него была возможность перестроиться и притормозить у тротуара.

– Привет. Спасибо, что подождали, – нажимая на педаль газа, сказал он, когда Яна забралась к нему на переднее сиденье.

– Опоздай вы еще на пару минут – я бы точно передумала.

Игорь не глядя нащупал дверку перчаточного ящика и достал оттуда коробочку и конверт.

– Тут аванс. Повторюсь: меня особо интересует любая информация о нарушениях в отношении миноритариев компании.

– А что мне делать, если их нет?

– Яна, – засмеялся Соколовский, – ну кого вы пытаетесь обмануть? Их права нарушают всегда. Крупная компания не может без этого функционировать.

– У вас что, юридическое образование?

– У меня хорошие консультанты. Вопросы у вас остались?

– Вопросов нет, – с улыбкой сказала Яна, заглянув в конверт. – Но если меня поймают – я им все про вас расскажу.

– На здоровье. Но лучше, если вас все-таки не поймают, правда?

На углу Яна быстро выскользнула из машины, и Соколовский снова влился в поток автомобилей.

Аркадий Викторович Игнатьев непривычно нервничал сегодня. Дела шли неплохо, все складывалось так, как он и планировал, но какое-то чувство беспокойства не отпускало его уже пару дней. И сейчас на заседании совета директоров он говорил о текущих планах, а внутри у него шевелился червячок недовольства.

– А теперь, полагаю, пришло время рассмотреть вопрос о более тесном сотрудничестве с канадскими партнерами. В современных реалиях, как вы понимаете, к этому есть определенные преграды, но есть и пути, как эти преграды обойти. Начать мы должны с...

Игнатьев замолчал на полуслове, увидев, как открылась дверь и в зал для совещаний вошел Соколовский. Он взял стул и сел возле Игнатьева за большой стол. Идеальный дорогой костюм, салонная стрижка, спокойное лицо и уверенный взгляд без признаков истерики.

– Извините, чуть не опоздал. Или опоздал? Ну, тем более извините.

– Соколовский, ты что тут делаешь? – начал медленно выходить из себя Игнатьев. – Мне вызвать охрану?

– Зачем позориться, Аркадий Викторович? – спокойно сказал Соколовский и бросил на стол перед Игнатьевым черную папку, объяснив всем присутствующим: – С сегодняшнего дня я управляю семью процентами акций этой компании. Представляю всех ваших миноритариев. Кто сомневается – проверьте сами. Документы в папке.

Игнатьев смотрел на Соколовского, и лицо его делалось каменным, только в глазах было больше ненависти, чем презрения или обычной злости. Игорь снова повернулся к Игнатьеву:

– Ну что, Аркадий Викторович? Будем работать! Какая на сегодня повестка дня?

Игнатьев с треском сломал в руках авторучку, которую все это время сжимал в руках.

Игнатьеву пришлось заканчивать заседание совета директоров в присутствии Соколовского. Благодаря огромному самообладанию Аркадий Викторович сохранял непроницаемое лицо. Хотя ему пришлось терпеть не просто присутствие сына своего бывшего партнера, но и его хамское поведение. Соколовский, откровенно и нагло развалившись в кресле, делал из бумаги самолетики.

– Господа, на этом все, – заключил Игнатьев, но Соколовский тут же встрепенулся и стал тянуть вверх руку, как на школьном уроке. Стараясь не смотреть на него, Игнатьев продолжил: – О дне следующего заседания совета директоров вы будете оповещены отдельно.

– А я еще про импортозамещение хотел поговорить! – заявил Соколовский, чувствуя, что добровольно ему слова никто не предоставит. – А то миноритарии очень волнуются.

– И о чем же они волнуются? – холодно осведомился Игнатьев.

– О том, какими путями идем, товарищи. Даем взятки на таможне, продаем запрещенный товар. Что, потребитель не обойдется без итальянской моцареллы? Да он ее от рязанской вообще не отличит.

– Игорь Владимирович, вы здесь человек новый. Не все правила игры поняли.

– Я понимаю, что товар нужного качества можно получить двумя способами – законным и не очень, – веско объявил Соколовский.

– У вас есть конкретные предложения? – со сдержанной усмешкой спросил Игнатьев.

– Начнем скупать фермерские хозяйства, – стал перечислять Соколовский, примериваясь, куда бы запустить бумажный самолетик, – войдем в бизнес, разоведем под себя, создадим сеть. Долой контрабанду, дорогу российскому фермеру!

– Слишком много расходов при слишком долгой отдаче.

– Зато миноритарии будут спать спокойно! – Соколовский встал и смял свой самолетик. – Подумайте, господа. И займитесь реальным делом, а не игрой в лихих контрабандистов. Все. Пора защищать страну от жуликов и воров. Приятного всем дня.

Выдержав взгляд Игнатьева, Соколовский вышел из зала. Пытаясь представить реакцию Игнатьева там, в зале для совещаний, он дошел до стойки секретарей на ресепшен. Яна сидела на своем рабочем месте одна. Увидев Соколовского, она вопросительно посмотрела на него.

– Не волнуйтесь, – чуть наклонившись к девушке, тихо сказал ей Игорь. – Я не стану еще раз приглашать вас в ресторан. Просто напоминаю: наш уговор в силе. Я жду.

– Не стоит напоминать мне об этом здесь, – нахмурилась Яна, но больше ничего сказать не успела. В этот момент у нее зазвучал в интеркоме голос Игнатьева:

– Немедленно список миноритариев, которые передали Соколовскому право голоса! Я хочу поговорить с каждым!

– И всем привет от меня, Аркадий Викторович, – опередил Яну Соколовский, наклонившись к интеркому. – Мент Мажор на страже их семи процентов!

– Урод! – не сдержался Игнатьев.

Под утро улицы чуть припорошило сухой снежной крупой. И вместо шорканья дворницких лопат во дворах слышались звуки метел и синтетических щеток. Бомж с неопрятной бородой, в которой, наверное, еще с лета застряли опилки, обходил свою территорию. В мусорных баках всегда можно было найти что-то съедобное и даже полезное. Вчера кто-то выбросил еще вполне годную меховую безрукавку, два дня назад – чуть порванные мужские сапоги-дутики. Но лучше всего летом, когда в банках и выброшенных в баки бутылках часто можно найти остатки пива.

Отогнув край картона, бомж вытаращил глаза. В баке, согнув колени, на боку лежал труп молодого мужчины с окровавленной головой. Но самое страшное зрелище представлял обрубок его руки. Рука была отрезана по самый локоть. Роняя свои пакеты с найденной «добычей», бомж стал испуганно пятиться и упал на снег на глазах дворника-таджика.

– Э! Опять мусора раскидал! – закричал дворник. – Уходи! Сейчас тебя метлой!

– Да у тебя тут мертвец валяется! – ошарашенно тыкая пальцем в сторону бака, ответил бомж.

– Какая мертвец?

– Какая-какая... Совсем мертвая мертвец, – пытаюсь встать на скользком асфальте, ворчал бомж. – Звони ментам, моджахед.

Дворник, подойдя к баку, тоже в ужасе отшатнулся и полез дрожащей рукой в карман за телефоном.

Аня вошла в квартиру с пакетом из аптеки и заглянула из прихожей в комнату. Вика собиралась на работу и ходила в одной юбке с блузкой в руках.

– Как погуляла? – увидев сестру, спросила Вика.

– Отлично... Лекарства купила. – Аня немного замялась, потом позвала Вику, которая ушла в комнату: – Вик! Я Вадиму звонила.

– И когда будем знакомимся? – улыбнулась Вика, выходя из комнаты и застегивая выглаженную блузку.

– Да какой там, – проямлила Аня. – У него аврал полнейший. Он не сможет вырваться. А еще он в аварию попал.

– О господи! – Вика замерла на месте. – Цел?

– Цел. Но машину надо срочно ремонтировать. На страховке сэкономил. – Аня чуть помедлила и жалобно посмотрела на сестру: – У тебя нет одолжить?

– Анют, что было – я уже тебе отдала, – растерянно ответила Вика. – Может, в следующем месяце?

– Он вернет. А если спросить у твоих друзей? У Данилы, например?

– Сомневаюсь, что у него есть лишние деньги, – вздохнула Вика, подходя к зеркалу и беря расческу.

– Он мне уже давал.

Вика посмотрела в зеркало на смущенную сестру, потом повернулась к ней, глядя с удивлением:

– Даня дал тебе деньги?!

– Он просил тебе не говорить, – опустила голову Аня.

– Ты с ума сошла! И куда ты их дела?

– Я их Вадиму отправила... В счет долга за квартиру...

– А со мной не могла посоветоваться?!

Аня опустила голову еще ниже, вжала ее в плечи и вдруг всхлипнула. Вика бросила расческу, подошла к сестре и обняла за плечи.

– Прости... – прошептала Аня. – Я иногда сама себя ненавижу... Мы все тебе вернем, слышишь?

– Ладно, ладно... – тихо сказала Вика, поглаживая сестру по спине. – С Даней я разберусь. А те деньги, мою премию, ты тоже уже отдала за квартиру?

– Тоже. Нельзя было?

– Можно. Не бери в голову. Мне пора. – Поцеловав Аню в волосы, Вика взяла с тумбочки ключи и открыла входную дверь. Чуть задержавшись, она повернула голову и попросила: – Но в

другой раз советуйся с мной, ладно?

Родионова фактически ворвалась в кабинет Пряникова и остановилась напротив его стола, нервно покусывая губы и хмуря брови.

– Товарищ подполковник, я же знаю, что никаких премий никакой главк не раздавал! Я специально в бухгалтерии уточнила! – выпалила она.

– Тебе, Родионова, работы не хватает, – чуть ли не со стоном вздохнул Пряников. – Ты внутренними расследованиями занялась?

– Скажите честно: это дело рук Соколовского? – потребовала ответа Родионова. И тут же снова выпалила: – Я так и знала!

– Слушай, Родионова. – Андрей Васильевич постарался быть терпеливым и великодушным. – Но он же ничего плохого не сделал. У тебя ситуация... Сестра и все такое...

– Андрей Васильевич! Со своей ситуацией я сама и разберусь, мне ничьи подачки не нужны!

– А ты тут не ори! – не выдержал и заорал Пряников.

– Простите. – Вика сбавила тон, опустила голову и прикусила обиженно губу.

– Послушай меня, Виктория, – снова заговорил тише Андрей Васильевич, вытирая платком побагровевшую шею. – Как друг хочу дать тебе один совет. У тебя два варианта. Если оба тебя не устраивают – ищи третьего.

– Андрей Васильевич...

– Потому что нельзя только выбирать, надо когда-то и выбор сделать.

– Это вы как друг говорите? А как начальник?

– А как начальник я требую от своих подчиненных профессионализма, – хмуро ответил Пряников. – А это, Родионова, значит что? Оставлять личное за порогом отделения. Ясно? Сейчас едете на труп, мне полный отчет вечером.

Тело положили возле баков так, чтобы случайным прохожим не было видно обрубка его руки. Бак, в котором нашли труп, пришлось вывалить и чуть ли не по косточке и фантику перебрать весь мусор. С телом могли выбросить и улику, или что-то важное могло выпасть из кармана убитого. То, что это убийство, эксперт не сомневался. Судя по повреждениям головы, смерть наступила именно от удара тупым тяжелым предметом по голове. Руку, судя по некоторым признакам, отрубили уже потом. Чем-то похожим на топор, и с одного удара. Королев закончил обыскивать карманы трупа и поднялся с колен с паспортом в руках.

– Знакомьтесь: Виктор Фомич Пронин, восьмого июля семьдесят пятого года рождения, проживает в Москве.

– Пробей по базе, что про него известно, – велела Родионова, продолжая выслушивать пояснения эксперта. – Аверьянов, опроси жильцов. Могла быть подозрительная машина, может, люди с грузом. Убитый сюда не сам пришел.

Эксперт снова углубился в свои исследования, а к Вике подошел Соколовский.

– Я знаю, это ты придумал с деньгами, – недовольно буркнула Вика, глянув на Игоря.

– Я тоже по тебе скучаю, – тоном заговорщика ответил он.

– Не делай так больше! Я сама разберусь.

Игорь подошел к Вике вплотную, поднял воротник ее пальто, нечаянно коснувшись пальцами щеки.

– И замерзла, – тихо сказал он.

– Ты меня не слушаешь совсем, – ослабевшим голосом ответила Вика.

– Губы твои...

Игорь не успел продолжить, потому что голос Королева зазвучал довольно громко:

– Да записываю я, записываю!

Соколовский отстранился, мельком глянув на Даню, который вылез из машины и теперь разговаривал по телефону стоя и глядя на них с Родионовой.

– И Даня туда же, – снова недовольно произнесла Вика. – Пришел к Ане и деньги принес.

– Да, – с иронией сказал Игорь. – Вот мужики пошли – хлебом не корми, дай помочь любимой женщине!

Повернувшись, Игорь отправился опрашивать жильцов. Даня, подозрительно глядя ему вслед, подошел к Вике:

– Семьи нет. Сотрудник коллекторского агентства «Гиацинт». Адрес работы сейчас пришлют. А что вы сейчас с Мажором...

– Дело мы обсудили, – перебила его Вика, не дав закончить вопрос. – Поехали в «Гиацинт»!

Они ехали молча довольно долго. Даня поглядывал на Вику, как она, словно окаменев, смотрела вперед невидящим взглядом.

– Что случилось, Вика? – наконец спросил Королев. – Почему у тебя глаза такие?

– Не надо было Ане деньги давать, – чуть помедлив, ответила Вика. – Мы справимся. Я все тебе верну.

– Ты с ума сошла? Не надо ничего возвращать. Или... мы что, свадьбу вообще отменили? Навсегда?

– Не навсегда, – бесцветным голосом ответила Вика.

– Тогда что за проблема?! Мои деньги – это твои деньги. Если хочешь, я инвестирую их в наше будущее. Я тебя люблю, мы все равно поженимся. Ты уйдешь, наконец, из полиции.

– Но я не хочу уходить из полиции!

– Тебе придется, потому что трое наших детей, а на меньшее я не согласен, будут отнимать у тебя все время. А я буду обеспечивать семью.

– Да уж, тебе капитана к тому времени присвоят, – невесело улыбнулась Вика. – Добавят за звездочку пару тысяч к окладу.

– Я ведь серьезно. Зачем тебе такая работа? У тебя шрамы уже есть... Неужели это все, чего ты хотела от жизни?

– Наверное, не все.

– Так вот, я хочу дать тебе все. И сам найду работу спокойней. Будем жить за городом. В своем доме. Никакой суеты.

– Ты хочешь так сильно изменить свою жизнь? – с удивлением спросила Вика, посмотрев на Даню. – Ради меня?

– Ну да. А как же иначе?

Директором коллекторского агентства была строгая дама лет пятидесяти с объемистой грудью и двойным подбородком. Она отвечала на вопросы обстоятельно, только скорбно выгибала брови и все время прикладывала то к глазам, то к губам салфетку.

– Буквально позавчера Витя заходил. Шутили, смеялись... Вы извините, я, наверное, глупости сейчас какие-то говорю...

– У него были враги? – спросила Вика, не дав женщине уйти от темы допроса. – Какие-то конфликты?

– Я о таком не знаю. Один из лучших сотрудников. Очень, – женщина старательно подбирала слова, – корректный человек.

Вошедшая девушка поставила на стол три маленькие чашечки эспresso, и, качнув красивой талией, удалилась из кабинета. Даня проводил ее попку внимательным взглядом и спросил:

– Я так понимаю, агентство ваше не бедствует?

– У нас высокий процент возврата, – с гордостью ответила директор.

– Скажите, а кто-нибудь из должников, от кого Пронин добивался возврата денег, кто-нибудь из ваших клиентов мог желать ему смерти?

– Я вам могу дать полную распечатку тех людей, с которыми он работал, – покачала головой директор. – Но я уверена, Витя никогда не довел бы ситуацию до такого момента, чтобы потерять над ней контроль.

– Отчаявшиеся люди способны на отчаянные шаги, – с сомнением сказала Вика.

– Витя прекрасно разбирался в психологии. Не думаю, что он настолько запустил бы ситуацию. – Директор приняла рукой лист бумаги, выплывший из принтера, и подала Родионовой: – Вот полный список клиентов Пронина. И если у вас остались вопросы...

Мрачный Пряников собрал всех у себя в кабинете, страшно недовольный тем, что пресса пронюхала про труп в мусорном баке. И теперь начались звонки и вопросы.

– Проверили клиентов Пронина. Все пятнадцать человек должны «Главстройбанку», – докладывала Родионова.

– Погоди-ка, «Главстройбанку»? – насторожился Соколовский. – Я знаю этот банк.

– И что там? – Пряников посмотрел на Игоря с неудовольствием.

– Руководитель – Жуков Андрей Сергеевич. Успешно поднялся в девяностых, закрепился в двухтысячных. Мой отец с ним судился. Совершенно кабальный кредитный договор.

– То есть? – не поняла Вика.

– Куча уловок, чтобы заставить тебя заплатить больше, – пожал плечами Соколовский.

– Ну, и? У кого есть версии? – спросил Пряников, переводя взгляд с одного сотрудника на другого.

– Пронин кого-то из должников пережал, тот его и грохнул, – сразу же предложил Даня. – Надо проверить всех. Прикинуть, кто способен.

– Даже отчаявшийся понимает, что он не коллектору должен, – возразил Соколовский, – а банку. Какой смысл убивать посредника?

– Ну и это... руку зачем оттяпали? – вставил Жека.

– С рукой как раз понятно, – ответил Королев. – Психанул человек. Совершил убийство. Испугался. Куда девать труп? Фильмов посмотрелся. Попробовал расчленить. А запал-то уже пропал.

– Ясно, – недовольно произнес Пряников. – Действуйте. Действуйте по списку.

Процесс поквартирного обхода вещь утомительная, однообразная и дающая результат в мизерном проценте. Но без него никак не обойтись, потому что жильцы дома, рядом с которым произошло преступление, могли быть свидетелями. Могли запомнить преступника, какие-то важные детали. Очень часто появляются неожиданные свидетели, которые дают неожиданные показания. Но их нужно еще найти.

И Жека с Соколовским методично обходили квартиру за квартирой. Они беседовали не только с теми, кто был в списках должников. Опрашивать приходилось и их соседей: «Когда в последний раз приходил Виктор Фомич Пронин, когда вы в последний раз общались с коллектором?»

На шестом адресе оперативников ждала неожиданность. На звонок к двери никто не подходил. Судя по списку «Гиацинта», здесь проживал Федор Геращенко. Вполне могло быть, что никого нет дома. И тем более оперативникам нужно было поговорить с соседями должника. Соколовский позвонил в соседнюю дверь. Неприветливая хозяйка решила, что двое молодых людей ходят по подъездам и пытаются что-то продать жильцам. Но когда ей показали

полицейское удостоверение, она с большой охотой стала рассказывать.

Оказалось, что Геращенко отравился. Не на смерть, его увезли сегодня утром на «Скорой помощи», но отчего-то приходили люди из полиции и тоже расспрашивали про Федора. Интересно, что Геращенко сам вызвал «Скорую», а уж потом потерял сознание. И еще женщина считала, что Федю довела его жена Ольга.

– Странное совпадение, правда, Жека? – сказал Соколовский, когда дверь за соседкой закрылась и они уже спускались по лестнице. – Одного утром без руки нашли, другого утром отравили.

Помогать так помогать, решил Соколовский. Тем более что сделать из Жеки совсем уж приличного парня у него почти получилось. Игорь вез друга в ресторан на свидание с Ниной и внимательно приглядывался к его внешности. Нет, он правильно сделал, что настоял на покупке нового нормального пиджака. В нем Аверьянов выглядел почти как настоящий мачо.

И когда Соколовский припарковал машину у ресторана, взволнованный Жека с порозовевшими от удовольствия щеками чуть не забыл на заднем сиденье один из главных атрибутов – букет цветов.

– Все. Лети, орел, – одобрил Соколовский и махнул Жеке рукой, когда тот энергично взбежал по ступеням ресторана.

Игорь не сразу заметил парня, который был до такой степени пьян, что не столько обнимал двух девушек за плечи, сколько висел на них. Подвыпившая троица вывалилась из дверей ресторана, и парень каким-то образом сфокусировал на Соколовском свой взгляд:

– Игоречек! Это что, ты?!

Соколовский нехотя обернулся и подошел к парню:

– Здорово, Майк.

Девушки глупо захихикали и, сославшись на то, что им нужно попудрить носики, снова исчезли в дверях ресторана. Майк стоял, пошатываясь перед Соколовским, и держал его за пуговицу пиджака.

– Слушай, не мое дело, конечно... Но ты ж вроде на зоне, не?

– Вышел, – спокойно ответил Игорь. – Скажи, сестра твоя еще мутит с Жуковым, который «Главстройбанк»?

– А тебе-то что? – криво усмехнулся Майк. – Все равно не обломится. Лиза девушка со вкусом, с ментом не замутит.

– Ментов уж несколько лет нет, Мишенька, – вежливо ответил Соколовский. – Я полицейский.

– Какая разница... Быстро ты перековался. А ведь еще недавно, помню, бегал тут с носом в кокосе.

– Повзрослел, видимо. Так что Лиза? Телефончик дашь?

Майк снова расплылся в ухмылке и отвесил Соколовскому непристойный жест. Игорь тут же схватил его за руку, вывернул ее и со стуком уложил Майка животом на капот машины.

– Я же могу и невежливо попросить, – со злостью сказал он Майку в ухо. – Как полицейский. О, да у тебя в кармане полный комплект для кайфового отдыха? Все свое ношу с собой, как обычно?

Майк вывернулся из рук Соколовского и с беспокойством полез в карманы, проверять, не вытащил ли старый приятель чего-то такого, за что можно попасть в «обезьянник». Убедившись, что все на месте и что Соколовский не делает больше попыток его арестовать и предъявить обвинение в употреблении наркотиков, он достал телефон. Найдя в списке номер Лизы, Майк молча сунул телефон Соколовскому.

– Ну вот, давно бы так, – усмехнулся Игорь.

Лиза вошла в кабинет и с удивлением увидела, что клиент уже лежит на массажном столе раздетый и прикрытый простышкой. Обычно все происходит в салоне немного иначе, в другом порядке. Новенький? Или, наоборот, из старых клиентов, опытный в получении процедуры?

– Доброе утро, – проворковала Лиза, как это и было положено по их правилам общения с клиентами. Но когда клиент поднял голову, она узнала Соколовского: – Игорек! Ты?

Лиза обняла Игоря, расцеловала, а потом снова уложила вниз лицом и принялась за массажное масло.

– Ну надо же! А мне говорили, ты будто бы в полиции?

– А я и правда в полиции. А к тебе вот пришел для тонуса.

Лиза захихикала и принялась за процедуру.

– А ты хочешь массаж или... – девушка сделал многозначительную паузу, – массаж?

– А у вас можно по-всякому?

– Старым друзьям можно, – снова захихикала Лиза, разминая Игорю спину.

– Мне нужен массаж и... – здесь Соколовский тоже сделал многозначительную паузу, – информация.

– Вау! Ты и правда настоящий мент.

– Лиза, ты ведь встречалась с Жуковым? Директором «Главстройбанка»?

– Было, а что?

– Что про него можешь рассказать? Меня его дела интересуют.

– Ну... – Лиза задумалась, не переставая делать массаж, – во-первых, банк не его, а его тестя. Жуков только управляющий.

– Это я знаю.

– А еще он под себя коллекторское агентство создал.

– «Гиацинт»? – Соколовский приподнял голову и посмотрел на девушку.

– Может быть. Должников банка «на раз-два» перекидывал своим коллекторам. Сама слышала. Только там у него все равно по бумагам все принадлежит другим людям.

– Лиза, умничка! Подумай, как его достать? Чем?

– Ну... Вообще, есть у меня кое-что, для личной подстраховки. Знаешь, большие мальчики – большие неприятности, всегда нужно иметь рычаги воздействия.

– И какой рычаг ты нашла на Жукова? – с одобрением в голосе спросил Соколовский.

– Если тесть про его похождения узнает – ему капец. – Лиза показала под потолок, где была установлена камера наблюдения. – Вообще, это для охраны. Но кое-что я сохраняю для себя.

– Привет. Я в Питере, – сказала Яна, и Соколовскому показалось, что ее голос слишком напряжен. Может, просто так кажется, потому что голос звучит из трубки мобильного?

– И зачем ты мне об этом сообщаем?

– Потому что здесь находится наш юрист. А у него интересующая тебя информация. И если я не передумаю, она может оказаться у тебя.

– И когда ты возвращаешься? – насторожился Соколовский.

– Сегодня вечером. Но у меня вопрос: когда я получу вторую часть оговоренной суммы?

– Приезжай из аэропорта ко мне в гостиницу.

– Прощу прощения, – перебила его Яна, – но по гостиницам я не езжу.

– Хорошо. Не хочешь встречаться в гостинице – можем встретиться возле гостиницы.

– Я позвоню, когда прилечу.

– Договорились. И еще... – Соколовский чуть помедлил, – спасибо тебе.

Когда Соколовский и Аверьянов вернулись в отдел, то увидели там эксперта Илью, который сидел возле стола Родионовой и что-то энергично рассказывал. Даня слушал со своего рабочего места, заложив руки за голову и покачиваясь на двух ножках стула.

– По трупам новости? – оживился Жека.

– И не только, – ответила Вика. – Я запросила материалы по отравлению Геращенко, и оказалось, Илья им тоже занимается. Повторите, пожалуйста, – попросила она эксперта.

– Да с удовольствием, – кивнул Илья. – Отпечатки на стакане с чаем, которым был отравлен Геращенко, принадлежат Пронину Виктору Фомичу. Ныне покойному.

– Ух ты! – Жека и Соколовский переглянулись. – То есть... он вначале должника траванул? А потом уже его кто-то?

– Это не все, – покачала головой Вика. – Федор Геращенко две недели назад застраховал свою жизнь.

– То есть получается, – заговорил Королев, – этот Геращенко убил Пронина, отрезал руку, оставил на стакане его отпечатки, траванулся...

– Отрезал – это возможно, – предупреждаясь поднял руку эксперт, – а вот убил – м-м-м?..

– И кто тогда убил?

– А я не знаю. Но, судя по повреждениям черепа Пронина, он получил удар стальной двутавровой балкой.

– Человек ее поднять может? – тут же спросил Соколовский.

– Вес балки – сто килограмм минимум.

– Я вчера вечером директрисе «Гиацинта» позвонил, – вдруг сказал Даня, – уже после того, как мы с ней пообщались. Так, специфику работы уточнял. Ну и, кроме всего прочего, она упомянула, что Пронин недавно участок под строительства приобрел. Адрес у меня есть.

Дом был готов наполовину. Три этажа возведены, рабочие заканчивали крышу, а по всей площадке были разбросаны остатки материалов. У забора громоздились разобранные строительные леса со щитами деревянного настила. Прораб, невысокий мужчина в запачканной спецовке, угрюмо ходил за полицейскими и все не мог понять, что их привело на стройку и чего ему лично от этого ждать.

– Неплохо живут коллекторы, – усмехнулся Королев.

– Но недолго, – добавил Соколовский. – Хотя не на всех же падают балки.

Они остановились возле валявшихся досок, среди которых лежала двутавровая балка. Вика присела на корточки и показала пальцем на поверхность балки.

– Смотрите, тут, кажется, кровь. – Она повернулась к прорабу и спросила: – Эта балка тут давно лежит?

– Она под перекрытие шла, вот тут леса стояли, – показал прораб в сторону стены дома, – но завалились – от ветра, что ли...

– А хозяин давно приходил? – снова спросила Вика.

– Да уж пару дней не был. Но он здесь и так не частый гость. Занят постоянно.

– А как же он за вами присматривает?

– Элементарно, – за прораба ответил Соколовский и показал на стену дома, где виднелась камера.

– Ну да, тут везде камеры, – мрачно ответил прораб. – Не доверяет нам, видите ли... А записи на первом этаже, в запертой комнате.

– А ключи есть?

На мониторе все выглядело немного сбоку и сверху, но различить лица и действия людей было можно. Сначала в кадре мелькали прораб, рабочие, потом все ушли. Видимо, это был конец рабочего дня. Потом со стороны ворот появились Геращенко и Пронин. Звука по-прежнему не было, и о чем они разговаривали, можно было только догадываться. Вот Пронину надоело слушать Геращенко, он стал активно отмахиваться руками и повернулся, чтобы уйти. Геращенко заступил ему дорогу, принялся уговаривать. Пронин разозлился, схватил Геращенко за грудь и оттолкнул от себя. И теперь было отчетливо видно, как во время падения Геращенко задел еще не до конца закрепленные строительные леса.

Леса упали, посыпались вниз щитовые настилы, соскользнула двутавровая балка. Даже Вика, привычная, казалось бы, к таким вещам, и та поморщилась. Даня положил ей на локоть свою руку. Геращенко стоял на четвереньках и ошалело смотрел на тело Пронина. Вот он бросился к нему, принялся тормозить, попытался прощупать пульс на руке, потом на шее. Потом Геращенко сел, обхватив колени, и уставился на неподвижное тело коллектора.

– Вот, смотрите. – При повторном просмотре Вика чуть притормозила запись. – Вот он, момент принятия решения. Вот Геращенко придумал, как быть, решил, что надо использовать этот дурацкий случай и вытащить свою семью из финансовой пропасти. Вот он потащил тело, вот он вернулся с топором... Что мы имеем: несчастный случай на глазах у Геращенко. Жизнь он уже застраховал. И тут появился план.

– Отрубил руку, оставил на стакане отпечатки, – добавил Королев.

– Ну, то есть инсценировка? Зачем? – пожал плечами Аверьянов.

– Ради страховки, – подсказал Соколовский. – Потому что иначе он просто самоубийца, в таких случаях страховку не выплачивают.

– Любой эксперт определит, что руку оттяпали после смерти.

– Геращенко не криминалист, – сказала Вика. – Ему могло показаться, что все выглядит правдоподобно.

– Слушайте, – недовольно заявил Соколовский и демонстративно потянулся. – Может, у него и спросим? Или настоящим полицейским надо все по два круга обсудить?

Жену Геращенко, Ольгу, они нашли в больнице у мужа. Выглядела женщина плохо, намного старше своих лет. И самое главное, у нее были абсолютно потухшие глаза. После взаимных представлений Родионова предложила поговорить откровенно, пока Даня отвлекал троих детей играми в другом конце больничного коридора.

– Как вы оказались должны банку?

– Два года назад мы оба остались без работы. Федя все время искал, но в итоге... заложили квартиру в «Главстройбанке». А потом... Ваня... это младший... У него врожденный порок сердца. Врачи говорили, что с возрастом станет лучше, но стало хуже. И, кроме операции, выхода не было. А это дорого.

Вика кивала. Она видела, насколько женщине тяжело говорить, но не прерывала ее.

– Но вы же понимаете, в такие моменты никто не считает денег. И после... Когда Ваню спасли, стало ясно, что мы просто не в состоянии выплачивать так же, как выплачивали.

Ольга расплакалась, и Вика взяла женщину за руку, а Жека сбегал к кулеру и принес стакан воды.

– Продолжайте. Прошу вас.

– Так вот. Мы пошли в банк просить пересмотреть график платежей, – продолжила свой рассказ Ольга. – Может, увеличить срок кредита.

– Но Жуков не согласился, – вставил Соколовский.

– Хуже. Он передал долг коллекторам. Нам звонили, угрожали. Пару недель назад коллектор

подстерег детей у дома. И сказал им: если не убедите родителей выплатить долг, дома у вас не будет. Не представляете, что с ними потом было. Они две ночи не спали. Подумайте только, как такое сказать детям!

Соколовский увидел врача и мгновенно перехватил его в коридоре. Вика видела, как Игорь старается что-то ему объяснить. Врач сначала упирался, потом все же кивнул и ушел.

– Геращенко очнулся, – поймав взгляд Вики, одними губами произнес Игорь и показал в сторону палаты: – У нас пять минут.

Выглядел он плохо. Крепкий зрелый мужчина сейчас лежал бледный, с запавшими щеками и темными кругами вокруг глаз. На Соколовского он не смотрел.

– У вас есть семья, молодой человек? – вдруг спросил Геращенко.

– Уже нет.

Геращенко посмотрел на Игоря, но комментировать не стал. Он снова отвел взгляд, еще немного полежал молча, потом снова заговорил:

– Я должен был спасти Олю. Детей...

– Федор Анатольевич, мотивы я понимаю. И предлагаю вам честный обмен. Если скажете правду, я вам помогу.

– Какую правду? – снова посмотрел на полицейского Геращенко.

– Я намекну. Несчастный случай с Прониным произошел позавчера. А вот жизнь вы застраховали две недели назад.

– И?

– Обмен. – Соколовский подвинул стул ближе к изголовью кровати Геращенко. – Ключевое слово – «честный».

– Ладно, – решился мужчина. – Я собирался сам его убить. Но не смог. Вместо этого снова стал просить, умолять, унижаться, он разозлился, потом...

– Да-да, что потом – мы в курсе. На стройке стояла камера.

Геращенко так резко повернул к нему голову, что Соколовский стал опасаться за его шейные позвонки.

– Светит вам, Федор Федорович, статья 244-я УК РФ. Надругательство над телами умерших. В вашем случае, думаю, обойдутся штрафом.

Игорь встал, и в этот момент в палату буквально ворвались дети, а следом вошла и Ольга. Соколовский посмотрел на семью и тихо вышел из палаты.

У Жукова было очень неприятное лицо. Полный, с вывернутыми влажными губами, он выглядел каким-то неопрятным, хотя на нем был дорогой костюм и свежая белая рубашка.

– Добрый вечер. Садитесь, – предложил он, показав рукой на кресло напротив его стола. – Вы, насколько я понял, сын Соколовского? Владимира Яковлевича?

– Да. Совершенно верно, – кивнул Игорь.

– Ясно. И что вы хотели?

– Хочу вас попросить о личном одолжении, – спокойно заговорил Соколовский, – сделать отсрочку по выплате кредита для некоего Геращенко. У него семейные обстоятельства.

– Геращенко, Геращенко... – наморщил лоб Жуков. – Помню. Приходил ко мне такой, было дело. Ничего сделать не могу – долг продан коллекторам.

– Перестаньте, – махнул Соколовский рукой. – Коллекторскому агентству «Гиацинт», которое вам же и принадлежит.

– Я не понимаю, о чем вообще речь, – после довольно длинной паузы сказал Жуков.

– Я даю вам шанс поступить по совести, – вглядываясь в лицо управляющего, сказал Игорь.

– У себя в банке, – самодовольно заявил Жуков, – я сам буду решать, как поступать. А ты –

пошел вон.

– Хорошо. – Соколовский поднялся на ноги. – Только вы забыли, что это не ваш банк. А вашего тестя.

– Чего? – скривил рот Жуков.

– Он только что получил от меня одно видео. И я думаю, вы больше тут не работаете.

Жуков застыл, не зная, что сказать и как отреагировать. А Соколовский повернул свой телефон экраном к нему. Хорошо стал слышен голос Лизы:

– Малыш, поиграем?

Было интересно смотреть, как полные плечи Жукова стали медленно опускаться. Самодовольный и наглый человек вдруг сник.

Ольга Геращенко сидела в больничной палате возле мужа и осторожно, с ложечки, поила его отваром. Вошедшая медсестра улыбнулась больному, потом наклонилась к его жене и протянула конверт:

– Вам просили передать.

Ольга, не понимая, от кого это может быть, осторожно повернула конверт и увидела, что на нем размашисто и крупно написано: «Приз за честность». Она открыла конверт и увидела, что в нем деньги...

– Федя! Что же это?

Катя открыла дверь и улыбнулась.

– Привет, – сказал Игорь, продолжая торчать на пороге.

– Неожиданно.

– Неожиданность – мой метод, – заверил Игорь и кивком указал на квартиру: – Я зайду?

– Я уже собралась спать, – снова улыбнулась Катя.

– Отказ принят. Сладких снов, – сказал Игорь и сделал шаг в квартиру. Он притянул девушку к себе и поцеловал в мягкие теплые губы. – До завтра?

– Да, – прошептала Катя.

Не выпуская девушку из объятий и мягко касаясь губами ее губ, Игорь перемещался все дальше и дальше в комнату. В сторону постели. Но тут в его кармане зазвонил телефон. Отпустив Катю, он посмотрел на экран, едва удержавшись, чтобы не нахмуриться.

– Черт.

– Что? – с интересом спросила Катя.

– Земле нужно еще немного добра, – ответил Игорь и, поцеловав девушку, направился к двери.

– Псих, – с улыбкой констатировала Катя.

Уже подходя к своей машине, Соколовский снова набрал Яну:

– Я уже начал волноваться – вдруг с тобой что-то случилось?

– Это я начала волноваться! Ты не отвечаешь.

– Все в силе. Встретимся на стоянке около гостиницы, – предложил Игорь. – Там нас никто не увидит.

– А по моему вопросу?

– Деньги у меня с собой.

– Я буду через десять минут.

Улыбнувшись, Игорь отключился и завел машину. Ехать от дома Кати до гостиницы по ночному городу было не так уж и долго. И он очень удивился, когда телефон зазвонил снова. Или Яна что-то не поняла, или Катя расшалилась... Может, Вика? Но на экране высветилось «неизвестный номер».

– Алло?

– Здравствуй, Игорек. Как жизнь? – раздался в трубке знакомый голос, от которого внутри все сжалось и болью, и ненавистью одновременно.

– Стас?!

– А ты думал, я покойничек? – коротко засмеялся Стас. – Не-ет, я жив. И очень хочу с тобой пообщаться, просто время еще не пришло.

– Если ты считаешь, что я виноват... – начал было Соколовский.

– В смерти моей сестры? А как же мне еще считать, Игорек?

– Тогда давай встретимся и со всем разберемся.

– Но ты же полицейский! Ты притащишь на встречу большую пушку и компанию своих друзей. Нет, так не годится. И потом, я же сказал: время для встреч еще не пришло. А вот когда оно придет, мы непременно повидаемся. Но только на моих условиях. – Он снова коротко посмеялся таким хорошо знакомым хрипловатым смешком. – Впрочем, я готов тебе доказать, что я не просто голос в динамике. Тем более такой удачный момент подвернулся. На стоянку отеля только что заехала одна милая девушка. Думаю, она к тебе.

– Откуда ты знаешь? – опешил Соколовский. Он вдавил педаль газа до пола и погнал машину на бешеной скорости, лавируя в потоке автомобилей.

– Ты встречался с ней в ресторане. Разговор у вас был, правда скучный. Со мной будет веселее.

– Не смей ее трогать, слышишь? – не выдержал и закричал Игорь.

– Да брось, – небрежно отозвался Стас. – Кто она такая, в конце концов? Ты с ней даже не спишь. Видишь, я все про тебя знаю.

– Стас, я серьезно! Я готов на твои условия, только...

– Время пошло. Может, ты и успеешь, кто знает.

Игорь не успел ничего сказать, а в трубке послышались короткие гудки. Он гнал машину, чудом избегая столкновений. Потом Игорь снова схватил телефон и набрал Яну.

– Я уже тут, – почти сразу ответила девушка.

– Быстро! Уходи оттуда! – заорал Соколовский, и у него зазвенело в ушах от собственного крика.

– Но я все привезла...

– Беги! Все потом! – почти умоляя, а не приказывая, закричал Игорь.

– Но я не понимаю...

– Яна! Яна!

Девушка больше не отвечала. Игорь влетел на парковку возле гостиницы, увидел издали машину Яны, свернул и резко затормозил рядом. Он выскочил на мокрый после дождя асфальт и тут же замер. Перед глазами – разбитое пулями боковое стекло и Яна с окровавленным лицом, повисшая на ремне безопасности. Салон внутри был весь забрызган кровью: Стас стрелял в нее несколько раз.

Телефон зазвонил в руке, и Соколовский заорал в трубку так, что его голос разнесся по ночной парковке:

– Где ты, сволочь?! Выйди!

– Ну что, опоздал? Опозда-ал... – хрипло засмеялся Стас. – Готовься к тому, что ты теперь будешь опаздывать всегда.

Соколовский со злостью ударил кулаком по простреленному стеклу. Он не чувствовал крови на своем кулаке. Ни своей, ни крови Яны.

«Давай без истерики», – остановил себя Соколовский. Перед глазами стали всплывать лица близких ему людей, которые погибли, и это, как ни странно, принесло успокоение и способность мыслить холодно и расчетливо: «Значит, так вот, Стасик? Раньше у нас с тобой была холодная война, а теперь горячая началась. Девочка тут при чем? А ты спятил, Стас! Окончательно спятил!»

Оглянувшись по сторонам, Соколовский убедился, что за ним никто не наблюдает. На коленях у Яны лежала открытка. Чистая, неокровавленная. Значит, этот урод бросил ее в машину через слегка опущенное стекло уже после убийства. Сунув открытку в карман, Соколовский осторожно, обернув руку платком, расстегнул сумочку Яны. Флешка с большим мохнатым розовым хвостом лежала в боковом кармашке. «Девочка», – с грустью подумал Игорь, взглянув на игрушку, пристегнутую к флешке.

– Прости, – тихо произнес он, глядя на мертвую Яну.

И уже отъехав от отеля, Соколовский понял, куда ему сейчас надо. Машина неслась по ночному городу, Игорь бездумно смотрел вперед, мыслей не было. «Нет, так нельзя, соберись, – велел он самому себе. – Еще ничего не кончилось, ты вообще еще ни с кем не разобрался. Ты на половине пути, а впереди только враги. Злобные, клыкастые». Руки машинально поворачивали руль, и вот уже узкая дорога привела его к особняку с хорошо знакомыми зелеными воротами и высоким забором.

Оставив машину в стороне, Соколовский подошел к воротам и нажал кнопку вызова. Он смотрел прямо в глазок камеры. Смотрел уверенно, с вызовом. Он снова был самим собой.

Наконец в динамике что-то прощелестело, и раздался голос матери Стаса:

– Уходи.

– Елена Викторовна, нам нужно поговорить.

– Мне совершенно не о чем с тобой разговаривать, – холодно ответила женщина.

– Я до последнего дня тоже так думал.

Ответа не последовало. В динамике была только тишина. Но предчувствие подсказало, что женщина все еще слушает и смотрит на него.

– Вы же понимаете, я могу прийти с постановлением, я ведь в полиции работаю. Особенно учитывая то, что я сегодня узнал.

Снова молчание. Потом в тишине щелкнул замок, и дверь открылась. Соколовский быстро вошел и поспешил по дорожке к дому. Елена Викторовна встретила его на ступенях дома в накинутой на плечи большой теплой шали.

– Даю тебе ровно минуту, – сказала она, глядя сквозь Соколовского.

– Где Стас, Елена Викторовна?

– И у тебя хватает наглости приходить сюда, задавать мне такие вопросы! – Женщина наконец посмотрела на Игоря.

– Давайте без эмоций. Где он?

– На кладбище! И минута – слишком долго для такого разговора! – ответила женщина, и в ее голосе было мало от убитой горем матери, не так давно похоронившей сына.

– Если Стас на кладбище, – перебил ее Соколовский, – то как он мог час назад убить человека?!

– Этого не может быть... – после паузы уже взволнованным голосом произнесла Елена Викторовна.

– Когда неделю назад мне показалось, что я его видел, я так и подумал: этого не может

быть. Сегодня я говорил с ним. Как это может быть? – Соколовский говорил и все пытался заглянуть женщине в глаза. Ему хотелось понять, можно ей верить или нет. – В том, что Стас жив, я и не сомневаюсь. Я хочу узнать – как? И где его искать, пока он не надумал убить кого-то еще?

– Стас, – заговорила женщина неуверенным голосом, – не мог никого убить. Он в Черногории. В отеле, у надежных друзей.

– В этом отеле? – хмыкнул Игорь, сунув в руки Елене Викторовне открытку. – Как же так вышло, Елена Викторовна?

Женщина подняла на Игоря глаза. В них мелькнула невеселая усмешка.

– Дороже всего нам обошлось вскрытие.

Соколовский каким-то чутьем понял, что Елене Викторовне нужно выговориться. И он не стал мешать, только внимательно смотрел в ее лицо, пытаясь уловить признаки лжи или искренности уставшей женщины.

– Когда мне сообщили, – медленно заговорила Елена Викторовна, – что сын не умер, я сразу поняла, что он получил шанс начать новую жизнь! Я знала: для этого раз и навсегда нужно было покончить со старой. Я убедила мужа, что все должно было быть по-настоящему. Настоящее вскрытие. Настоящее прощание. Настоящие похороны.

– Вы пережили его смерть при жизни, – тихо сказал Соколовский.

– Воскрешение возможно только после смерти. Своей первой жизнью сын разочаровал меня. Мне выпал шанс дать ему вторую, и я позаботилась о том, чтобы она была устроена по моим правилам.

– Кажется, у вас ничего не получилось. Он снова прежний, за ним снова тянется череда несчастий для других людей, череда горя. Даже смерти. И мне кажется, что именно теперь Стас стал относиться к смерти по-другому, проще. Особенно если это – смерть другого человека.

– Я все равно не понимаю, как это возможно? За ним присматривают, сообщают о его состоянии каждый день, шлют фото.

– Полагаю, вас обманывают, – сказал Соколовский, забирая из рук женщины открытку.

– Если все так, как ты говоришь, Игорь, значит, у меня действительно ничего не получилось.

– Сложно сделать из черта ангела.

– Как ни назови – я тебе не завидую, – вдруг сказала Елена Викторовна. – Да и себе тоже.

– Посмотрим. – Глаза Соколовского недобро прищурились. – Если объявится, можете мне позвонить?

– Что? Да, да, конечно, я позвоню...

Вложив в руку женщине свою визитку с номером телефона, Соколовский медленно пошел к воротам. Он дважды оборачивался на мать Стаса, но женщина, кажется, так глубоко ушла в себя, что уже не воспринимала окружающий мир.

Для встречи с Константином Соколовский решил выбрать место, с которым лично у него ничего не связано. Просто аптека, просто улица, и никакой предварительной договоренности. Когда Соколовский подъехал, Константин топтался возле своей машины, поглядывая на часы. Было три часа ночи.

– Спасибо, что подъехали. – Соколовский пожал юристу руку.

– Я надеюсь, это достаточно важно, чтобы встречаться в такое время? Вчера был день рождения у моего сына, и, честно сказать, я пока не очень отличаю сон от реальности.

Игорь протянул флешку, которую он забрал из сумки Яны.

– Здесь – информация о нарушениях в отношении миноритариев. Дальше – на ваш выбор.

– Неплохо, – забирая флешку и пряча ее в карман, сказал Константин. – Как удалось

достать?

– Не важно. Но человек, который достал мне эту информацию, погиб.

– Погиб из-за этой информации? – внимательно посмотрел на Соколовского Константин.

– Погиб из-за того, что приехал на встречу со мной.

– Зачем вы мне это рассказываете, Игорь Владимирович?

– Я не сомневаюсь в вашей осторожности и лояльности, но... скажем так – возник некий не учтенный нами фактор. Поэтому я очень прошу вас быть аккуратнее и сделать все как можно быстрее.

– К завтрашнему вечеру – вас устроит?

– Вполне.

– В таком случае до завтра, – сказал Константин, сдерживая позевоту.

Игорь смотрел вслед его машине и снова удивлялся Константину. Станный он какой-то. Нет, профессионал он, конечно, от Бога, но есть в нем что-то, что отличает Константина от других людей. Может быть, это характерная черта профессионала-наемника. Он ни на чьей стороне, он никому не предан, он выполняет только ту работу, за которую ему платят. Сделал, получил деньги и забыл. Нет, такого у него наверняка не бывает. Такие люди никогда ничего и никого не забывают. И работают они не со всеми.

Радио «Европа-Плюс» гоняло музыку для тех, кто уже не спит и, возможно, едет на работу. Соколовскому очень хотелось кофе. Самым большим желанием было остановиться возле какого-нибудь кафе и... но в такую рань никто еще не работает. А пить в отделе растворимую бурду, которой злоупотребляли коллеги, не хотелось.

Женщина, стоявшая на мосту, мгновенно привлекла внимание Соколовского. Тем более что стояла она уже по другую сторону перил. То, что она собралась броситься с моста, не вызывало сомнений. А еще она никак не могла решиться. Соколовский резко затормозил и задним ходом вернулся к женщине. Выйдя из машины, он с неудовольствием отметил, что рядом ни прохожих, ни автомобилей. А тут все решают секунды. Черт, надо как-то самому выкручиваться, а то ведь она и правда прыгнет. Женщина дернулась при приближении незнакомца и сильнее вцепилась в перила. Это было хорошим знаком. Подойдя к перилам и облокотившись на них, Соколовский спросил почти равнодушно:

– Проблемы?

– Не подходите! – дрожащим голосом заговорила женщина. – Я прыгну!

– А, сколько угодно, – разочарованно махнул рукой Соколовский. – Мне тоже все это надоело.

И он стал деловито перелезать через ограждение моста в паре метров от женщины. Посмотрев вниз, он покачал головой и вздохнул.

– Вы что, серьезно? – Совершенно растерявшаяся женщина уставилась на незнакомца.

– А вы – нет? – не поворачивая к ней головы, спросил Игорь.

– Но... – замялась она, с беспокойством глядя на Соколовского.

– Не отвлекайте, – попросил Игорь и закрыл глаза, как будто и в самом деле собирался с духом, чтобы прыгнуть вниз.

Женщина посмотрела на Соколовского, потом оглянулась на его дорогую машину и стала перелезать через ограждение обратно на тротуар. Подойдя к странному мужчине, который тоже пытался спрыгнуть с моста, она крепко вцепилась в воротник пальто.

– Ну и зачем? – поинтересовался Соколовский. – Я же вам не мешал!

– Слушайте, – взволнованно заговорила она, – ну так же нельзя, давайте поговорим!

– Давайте, – охотно согласился Соколовский и полез назад на мост. – Садитесь в машину.

– Я думаю, мы можем и здесь, – то ли с опаской, то ли просто не понимая, что происходит,

сказала женщина.

– Садитесь, не бойтесь. Я из полиции. – Соколовский показал удостоверение.

– Я что, арестована?

– Да нет... Вы меня спасли, я – вас. Вдруг еще чем-то помогу? Да садитесь уже, не стойте!

Тут ветер, холодно. Простудиться еще не хватало.

Женщина слушала его голос и при каждом слове как-то грустно кивала. Потом она опустила голову и послушно пошла к машине.

Когда они подъехали к отделению полиции, Соколовский сразу увидел Вику. Развернувшись от самого входа, она быстро подошла к его машине и распахнула переднюю дверь:

– Почему не отвечаешь на звонки?

– Извини. Я с утра пораньше взялся за работу, – развел Соколовский руками, думая, рассказывать ли Вике, что он не мог взять трубку, потому что пытался спрыгнуть с моста.

– Возле гостиницы, где ты живешь, произошло убийство! – с нажимом сказала Родионова.

– Я никого не убивал. Меня тоже никто не убивал, как видишь. И у меня тут человек, у которого горе.

И только теперь Вика обратила внимание, что рядом с Соколовским в машине сидит незнакомая женщина. Игорь подал руку и помог женщине выйти из машины. У входа стоял Королев и, прищурившись, с явным неодобрением смотрел на Соколовского и его спутницу.

– Ну а ты? Тоже обо мне волновался? – поинтересовался Игорь.

– Не дожدهшься! – буркнул Даня.

Юрасова сидела на стуле перед Викторой и терзала свой носовой платок. Слезы то ручьем лились из ее глаз, то переставали течь, и тогда женщина снова говорила, постукивая себя кулачком в грудь, будто во всем вина только себя. Хотя так, наверное, и было на самом деле. Даня сидел за своим столом и делал вид, что совсем не слушает.

– Бабушка из-за меня умерла! Она меня растила, столько для меня сделала, а я...

– Вы продолжайте, продолжайте. – Вика подала женщине стакан воды и снова села на место.

– Я сама в Кирове живу, а бабушка тут одна. Я к себе звала, а она ни в какую. Сама старенькая уже, здоровье плохое. А я часто ездить не могу. Ну, я и уговорила бабушку подписать договор пожизненной ренты квартиры.

– То есть я правильно вас поняла, – уточнила Родионова, – специальные люди за бабушкой ухаживают, кормят, лечат, а квартира после ее смерти достается им?

– Да. Многие так делают. Нашла фирму, которая этим занимается, «Дорогая моя Москва», очень приятные люди, бабушке тоже понравились. – Женщина говорила, а ее глаза снова стали наполняться слезами. – А потом... потом...

И тут она не выдержала и заплакала. Соколовский снова взял стакан и подал женщине:

– Вот попейте, а я дальше сам расскажу. Короче, бабушка подписала все бумаги, а через неделю вышла погулять и не вернулась. Ее нашли на лавочке во дворе дома, мертвую. Врач сказал, что смерть наступила в результате инсульта. Восемьдесят три года старушке, ничего удивительного, в принципе.

– И зачем же ты нам это рассказал? – неприязненно спросил Королев.

– Затем, что из квартиры за эту неделю пропали две старинные иконы. А это уже второе странное совпадение после такого своевременного подписания бумаг, вам не кажется?

– Ценность пропавших икон подтверждена? – спросил Вика, строго глянув на Даню.

– Пока нет, но у гражданки Юрасовой есть фотография, на которой покойная бабушка стоит рядом с иконами.

– Фотография не поможет, – снова подал голос Королев.

– Хорошо. – Вика протянула Юрасовой ручку и лист бумаги: – Пишите заявление, постараемся вам помочь.

– Зачем мне это? – Женщина посмотрела на лист бумаги. – Бабушку я уже все равно не верну, а вы ничего не сделаете. В самом деле, у меня никаких доказательств нет, кроме этой фотографии.

– Ну, нет так нет. – Соколовский поднялся со стула и подошел к Юрасовой: – Давайте я тогда вас до мостика подвезу хотя бы.

Женщина посмотрела на Игоря с удивлением и даже со страхом, вжавшись в спинку стула. Вике эта интермедия не понравилась, и она бросила строгий взгляд на Соколовского:

– До какого еще мостика?

– Да я гражданку Юрасову с моста снял, – пояснил Игорь. – Она прыгать с него собиралась. Теперь вижу, что зря старался. Пусть прыгает. А эти уроды еще кого-то обманут. Чтобы еще чья-то бабушка умерла. – Игорь наклонился к женщине: – Вы же этого хотите?

– Нет, конечно, – тихо ответила Юрасова.

– Тогда пишите, а мы разберемся.

Женщина взяла ручку и, чего-то стыдясь, стала писать, все время уточняя, так она пишет или не так. Создавалось впечатление, что она стыдится навязываться, отнимать чужое время, создавать сложности другим людям. Соколовский смотрел на нее и покусывал от досады губу.

– Вы в Москве где живете? – спросил он.

– У подруги.

– Когда напишете, отвезу вас к подруге. Буду знать, где вас искать в случае чего. А фотография бабушки с иконами где?

– Тоже там.

– Заодно и заберу. Утром привезу, и будем действовать. Вы пишите, пишите.

Фотография, которую Соколовский наутро привез в отдел, была удачной во всех отношениях. И благообразная улыбающаяся старушка на переднем плане во всей красе, и две большие иконы на стене позади нее тоже были видны довольно хорошо. Вика стояла рядом с Соколовским у доски, на которой он укрепил фото, и рассматривала иконы.

– И как ты собираешься установить по фотографии ценность этих икон? – с сомнением спросила она.

– Есть одна мысль... – начал было Соколовский, но тут, споткнувшись о порог, в дверь вошел Аверьянов. Выглядел он возбужденно, но как-то отстраненно. Хотя, поздоровавшись, он сразу заговорил о делах:

– Извините, опоздал. Что у нас?

– Мажор только что повесил нам на отдел глухаря, – хмыкнул со своего стола Королев, чистивший там пистолет.

– Пытаюсь помочь человеку, который едва не покончил с собой, – поправил Даню Соколовский.

Аверьянов прошел к своему столу и стал переключать бумаги с места на место. Как казалось – бесцельно. Королев отложил пистолет и подошел к доске.

– А если это всего лишь цепочка совпадений? – скептически спросил он. – Бабка старая, диагноз – «на том свете заждались». Она могла и через месяц умереть, и сразу после подписания договора по ренте.

– Но ведь иконы пропали, – напомнила Родионова, продолжая смотреть на фотографию.

– Может, это просто доски крашеные. Стоят сто рублей пара. А старуха их на помойку

выбросила, или в соседнюю церковь отнесла, или продала возле метро.

– Если ты прав – с меня «поляна», договорились? – Соколовский посмотрел на Даню.

– Отказываться не стану. Только насчет глухаря с Пряниковым сам будешь объясняться.

Вика вернулась к своему столу, взяла тонкую папку и протянула Королеву:

– Здесь копия договора на пожизненную ренту. Проверь, пожалуйста, саму контору – нет ли за ней чего.

Жека засуетился, явно привлекая к себе внимание Соколовского, стал покашливать и многозначительно кивать на дверь. Игорь удивленно пожал плечами и, выждав паузу, вышел из кабинета следом. Жеку он догнал возле окна, где тот возбужденно топтался, не зная, куда деть руки. Он то складывал их на груди, то засовывал в карманы брюк.

– Ты чего? – спросил Соколовский, с интересом наблюдая за Аверьяновым.

– Это же список «Форбса», фигура! – громко зашептал Жека, то и дело озираясь по сторонам и замолкая, когда мимо проходил кто-то из сотрудников. – Такие дела проворачивает! Кто он и кто я? Что я ему скажу, если он спросит, какие у меня виды на его дочь?

– Правду скажи, – усмехнулся Соколовский.

– Да я сам еще не решил, какая она – правда! – снова начал расхаживать по коридору Жека.

– Тут уж я не виноват. Да стой ты, – попытался Соколовский поймать Жеку за рукав. – Я свою часть договора выполнил – с Ниной тебя познакомил. Она, как я понимаю, от тебя без ума.

– А я на ней боюсь жениться!

– Жека, – Соколовский сделал серьезное лицо, – я на шутки и прибаутки сейчас не настроен. Хочешь – женись, не хочешь – не женись. Большой уже мальчик. Старше меня по званию.

– Да как ты не понимаешь, я с людьми такого калибра никогда в жизни не общался! Для меня потолок – полковник из управления!

– Жека, почему такая низкая самооценка? Ты полицейский. Представитель закона. Гордость нации.

– Думаешь, отец Нины тоже так считает? – с вызовом спросил Жека.

– Хм. – Соколовский помолчал, потом ответил честно: – Нет.

– Ну вот, – сразу сник Жека, явно надеявшийся услышать иной ответ.

– Зато Нинель тебя любит. А для отца это важно.

Вика выглянула в коридор и удивленно посмотрела на своих подчиненных:

– Куда вы пропали? Что вы тут секретничаете? У Дани интересные новости.

Королев стоял у принтера, когда они вошли. Он протянул Соколовскому распечатку:

– Контора оказалась мутная. Оказывается, ею уже занимались. Ты почитай, почитай.

Соколовский взял лист и присел на стул возле стола Родионовой. Жека пристроился сбоку, заглядывая в текст через его плечо.

– Борисова Аглая Михайловна, – читал Игорь, – семьдесят девять лет... договор заключен... скончалась... Та-ак, это, получается, через три месяца.

– Всего четыре мертвые старушки, включая нашу, – сказал Даня. – Все заключали договор с агентством «Дорогая моя Москва».

– И кому же принадлежит это сердобольное агентство? – спросила Вика.

– Господа Винокуров и Кислицын. Но на четырех умерших старушек – шесть вполне довольных клиентов. И это по-прежнему может быть совпадением. Старшей из четырех – девяносто шесть. И проверка ничего не дала, все смерти наступили в результате естественных причин.

– Ну, с чего начнем? – спросила Вика.

– С одного благообразного старичка, – предложил Соколовский.

Моисей Борисович Шерман был одним из немногих истинных знатоков старинного искусства иконописи. Существовали, конечно, целые школы, дающие миру экспертов, художников иконографии, но антиквар Шерман имел буквально энциклопедические познания в этой области. К нему редко обращались за советами и консультациями, потому что Моисей Борисович не любил заниматься ерундой. А серьезные работы были все известны, описаны и аккуратно лежали в хранилищах или выставлялись в музеях. Покупалось и продавалось нечто стоящее довольно редко.

Звонок застал антиквара за просмотром каталога. Шерман расположился в кресле в бархатном халате с большой лупой. Подняв голову и оторвавшись от созерцания великолепия старины, он проворчал нечто не очень лестное в адрес гостей, которые приходят без предупреждения, и нехотя поднялся.

– Здравствуйте, Моисей Борисович! – широко улыбнулся Соколовский. – Как здоровье?

– Не дождутся, Игоречек! – пожимая ему руку, ответил старик.

Заперев дверь на все замки и цепочку, Моисей Борисович пригласил гостя в комнату.

– Что-то угодно продать, купить, поискать? И да, приношу соболезнования по поводу батюшки. Раньше не имел возможности тебя видеть.

Снова водрузив свое старческое тело в кресло, он сложил сухие руки на колене и вопросительно стал смотреть на Соколовского.

– Спасибо, Моисей Борисович. – Игорь достал фотографию и протянул антиквару: – Поискать надо. Вот, посмотрите, тут на заднем плане иконы. Что можете про них сказать?

Шерман снова вооружился лупой и принялся рассматривать фотографию. Потом придвинул к себе настольную лампу. Игорь уселся в кресло напротив и стал терпеливо ждать.

– Мнэ-э... Любопытно, любопытно. Это, похоже, Прокопий Чирин, пятнадцатый век, надо же. А это, осмелюсь предположить, кто-то из жалованных иконописцев Оружейной палаты.

– Дорогие вещи? Я в иконах ничего не смыслю.

– Дорогие, Игорек. Очень дорогие. Если это подлинники, разумеется.

– Моисей Борисович, – Соколовский перешел на вкрадчивый тон и наклонился вперед, – вы знаете все – и черный рынок, и белый. Поспрашивайте. Никто эти иконы не продает?

– Ну что ты, Игоречек, – всплеснул руками старик. – Ну какой черный рынок? Я обычно стараюсь не связываться, я человек аккуратный.

– А коллекция монет Павлова? – спросил Соколовский с улыбкой. – Аккуратный вы мой человек?

Шерман хмыкнул и помрачнел, припоминая то, о чем ему говорил Соколовский-младший.

– А история с дуэльными пистолетами? А максимиллиановские доспехи? Давайте не будем врать за черный рынок, Моисей Борисович. Я же навел кое-какие справки перед тем, как сюда пришел, поверьте.

Шерман поднял лупу и посмотрел через нее на Соколовского. Потом он сокрушенно покрутил головой, поднялся и прошел к серванту.

– Игоречек, так ты где сейчас работаешь, дорогой? – спросил антиквар, наливая две рюмки коньяка.

– В полиции.

– Стало быть, не ввали мне, – покачал Шерман седой головой. – Интересная у тебя получается карьера.

– Сам в шоке, – поддакнул Соколовский, поднялся из кресла и подошел к старику. – Ну, так как, Моисей Борисович? Поспрашиваете?

– Ну как я могу тебе отказать? Вот через мою доброту все мои беды и неприятности, –

ответил антиквар и протянул Соколовскому рюмку.

– Спасибо. – Игорь отрицательно покачал головой. – Может, и я вам пригожусь. В рамках действующего законодательства, разумеется.

Игорь направился в сторону двери, а старый еврей принялся выливать в графин из рюмок коньяк.

Соколовский вошел в кабинет, когда там, кроме Родионовой, никого не было. Вика тут же положила на стол бумаги, которые разбирала, и строго потребовала:

– Объясни мне, что происходит, Игорь?

– А что происходит? – удивился Соколовский, вешая пальто. – Я съездил к знакомому антиквару, уточнил насчет икон.

– Девушка, которую убили на стоянке возле твоей гостиницы, работала помощницей Игнатьева! – резко бросила Вика. – А еще сразу после твоего выхода из СИЗО убили адвоката. Эта дурацкая шутка с гранатой. Теперь убийство помощницы Игнатьева. Думаешь, я не понимаю, что это все взаимосвязано? Что вокруг тебя происходит, Игорь?

– Я готов ко всему. Тротил, перекрестный огонь, душитель в подворотне. – Тут Соколовский сделал паузу и добавил: – Если ты, конечно, всегда будешь так за меня волноваться!

– Перестань паясничать! – ударила кулаком по столу Родионова.

Соколовский подошел к Вике и наклонился к ней через стол.

– Как сказал наш мудрый Даня – это совпадение. В России в прошлом году тринадцать тысяч человек убито, по статистике МВД. – Соколовский посмотрел в усталые глаза Вики и продолжил говорить с нежными нотками: – Но ты же все понимаешь. Я не могу отступить. Даже если ты меня об этом попросишь.

– Ты уже пытался один раз отомстить, – мрачно напомнила Вика.

– И буду пытаться еще. И лучше всего тебе в мою месть не вступать. Пожалуйста, живи своей жизнью, а я буду жить своей. – Он говорил, а сам наклонялся все ниже и ниже к лицу Вики.

– А если я... – прошептала Вика, – если я...

– Не сможешь?

Вика вдруг отшатнулась и вlepила Соколовскому звонкую пощечину. Игорь выпрямился, потирая щеку:

– Черт... Больно же!

Вика сидела, испепеляя Соколовского взглядом. И только теперь она поняла, что в кабинете стоит Королев.

– Мажор? – с подозрением спросил он.

– Я, кажется, машину запереть забыл, – ответил Соколовский и вышел из кабинета.

Бешено сверкнув глазами, Королев ринулся следом за ним. Он догнал Игоря уже на улице, на ступенях.

– Стоять! – рыкнул Королев, но Соколовский шел к машине, никак на него не реагируя. – Это что такое было сейчас? – снова стал допытываться Даня. – Между тобой и Викой?

Соколовский молча взялся за ручку двери своей машины, но Даня рывком развернул его к себе:

– Я с тобой разговариваю!

В кармане Соколовского зазвонил телефон. Глядя на Королеву, он вытащил трубку.

– Слушаю вас, Моисей Борисович.

– Со мной говори! – прорычал Даня, рванув Соколовского за грудки.

– Нет, нет, – пытаюсь чуть освободить шею, говорил в трубку Соколовский. – Это просто

один из задержанных быкует. Вы говорите, я вас слушаю.

– Мажор! Ты меня вынуждаешь! – Королев так потрянул Игоря, что у того чуть не лязгнули зубы.

– Конечно, удобно. Удобней все равно не будет! – пытаюсь открыть машину и протиснуться на сиденье, объявил Соколовский. Но Даня отодрал его от машины и отшвырнул в сторону.

– Конечно, у нас с вами приватное общение, – умудрился не выронить телефон Соколовский, – не для протокола, можете не переживать!

Вышедший из себя и потерявший контроль Даня с силой ударил Игоря в живот, Соколовский согнулся пополам и стал хватать воздух ртом.

Подполковник Пряников, услышав, как на парковке возле отделения сработала автомобильная сигнализация, поднял голову, потом посмотрел в окно. Зрелище распластанного на капоте чужой машины Соколовского и почти лежащего на нем Королева с занесенной для удара рукой повергло Андрея Васильевича в бешенство.

– Твою же ж мать!

Пряников выбежал на улицу в одной рубашке в тот момент, когда Соколовский снова оказался на земле. Но, не выпустив из руки трубку, он продолжал говорить с антикваром:

– Моисей Борисович, а кто продает... эти иконы?

Игорь все же умудрился пару раз ударить Королева, и тот сполз с него на снег, прижимая руку к животу.

– Прекратить! Сейчас же! – заорал Пряников. – Бар-раны! А вы чего повыскакивали? – рыкнул он на других сотрудников у входа. – Погоны жмут? По местам все! Время пошло! Так. Я даже не буду выяснять, что это было. Но это в последний раз. Запомните. Оба. И ты, Родионова, запомни.

Соколовский ехал, прикладывая платок к разбитой губе. «Да, хорош я буду завтра, если распухнет», – подумал он. Отогнув козырек и посмотрев на губу в зеркальце, он вздохнул, снова откинул козырек вверх и достал телефон:

– Алло! Моисей Борисович, простите, связь прервалась. Вы сказали, всплыли иконы, а продавца не назвали.

– Некий господин Винокуров, – неохотно ответил антиквар. – Лично не знаком, но иногда всплывает на нашем рынке. По мелочи всплывает, такой вот солидный лот вижу от него в первый раз.

– Продает, не шифруясь? И почему? – удивился Игорь.

– Ну, это вы, молодой человек, сами уточните, – проворчал Шерман. – Но, судя по стоимости, иконы подлинные.

– А можете вы нам организовать с ним встречу?

– Игоречек, – очень вежливо ответил антиквар, – я тебе координаты дам, а дальше ты уж сам. Мне светиться не с руки, у меня реноме.

– Хорошо, скиньте мне эсэмэской, я разберусь. Спасибо!

Соколовский тут же набрал второй номер:

– Жека? Я. Да какой зуб! – заговорил Соколовский торопливо. – Дуй в темпе домой и переодевайся. Как-как. Прилично. Вике скажи, есть выход на иконы, без тебя никак. Остальное после объясню, когда подберу тебя. Давай!

Жека вел себя хорошо, но не совсем уверенно и сильно переигрывал. Соколовский за столиком в конце зала нашептывал ему в микрофон подсказки, а Жека «вел переговоры» с Кислицыным и Винокуровым. Оба собеседника стали что-то подозревать с самого начала

разговора. Соколовский морщился и пытался вытащить разговор из тупика, вовремя подсказывая Жеке, как себя вести и что говорить.

Но кончилось тем, что Аверьянов уронил микрофон из уха на пол и перестал слышать Игоря. Какую он там нес ахинею, было непонятно, но только продавцы икон поднялись из-за стола, вежливо пожали руку несостоявшемуся «покупателю» и ушли.

Вика была в отделе одна, когда Соколовский и Аверьянов вошли. Жека выглядел подавленным и убитым.

– Вика, я лоханулся, – признался Жека. – Эти барыги меня раскусили.

– Потому что Брюсов – поэт, а Брюллов – художник, – сказал Соколовский. – Я же тебя предупреждал, не суйся в искусство. Только иконы!

– Что я, энциклопедия, все помнить?

– А где Даня? – спросил Игорь, кивнув на пустой стол Королева.

– В санчасти, – сухо ответила Родионова. – Ты ему, кажется, нос сломал.

– Он сам нарвался, но я виноват. Готов возместить. С другой стороны, Дане пойдет. У Депардье тоже нос сломан – и как устроился!

– Хватит! – повысила голос Вика. – Так что с иконами?

– Дарственная у них на руках, – садясь на стул возле стола Родионовой, стал рассказывать Соколовский. – Формально – все по закону. Надо зайти с другой стороны.

– То есть у нас все же глухарь, – констатировала Вика. – Или Юрасова напишет отказ?

– Вика, прошу тебя, давай не будем спешить? Я что-нибудь придумаю.

Соколовский сидел у Ильи в его святая святых и рассматривал всякие баночки на полках, странный инструмент, справочники, фотографии.

– Ну, допустим, риелторы ваши и впрямь преступники, – говорил ему эксперт. – И что тогда? А тогда выбираем самых хилых и чуть-чуть подталкиваем на тот свет.

– Но там же естественные причины?

– Итак, – Илья поднял указательный палец, – вопрос: как убить старушку, чтобы никто ничего не заметил? Ответ: проще простого! – Он порылся в своем столе и достал два пузырька с таблетками. – Условие: одна старушка – гипертоник. Принимает адефлан.

Соколовский внимательно наблюдал за тем, как Илья ставил на стол пузырек.

– Или капотен – это по вкусу, – продолжил эксперт и поставил рядом второй пузырек. – Решение простое: капотен вычитаем и добавляем препарат, который давление не снижает, а резко повышает! Раз таблетка, два таблетка, три таблетка... Эффект, думаю, понятен?

– А ведь верно, – разглядывая пузырьки и таблетки, сказал Соколовский. – И врач ничего не заметит. Чем болела старушка, от того и умерла.

– Я практически уверен, что здесь именно тот случай. Но даже эксгумация тел ничего не докажет.

– Что же делать?

– А ничего, – развел руками Илья. – Так мир устроен. Вот говорят – вскрытие покажет. А я так никогда не говорю. Знаете почему? Потому что это цинично – раз. И не всегда правда – это два. А цинизма и неправды в мире полно и без меня. И с этим приходится смириться. Вот и вам тоже советую. Оставь надежду, всяк сюда входящий...

Утро было морозным. Родионова ежилась, накинув на плечи пуховый платок, Жека отогревался горячим чаем. Только Даня хмурился и кипел внутри от сдерживаемого гнева, но внешне держался вполне прилично. Соколовский стоял посреди кабинета и рассказывал свой план:

- Поскольку нормальных зацепок у нас нет, остается одно – взять их на живца.
- Каким образом? – засомневалась Родионова. – Срочно найти подходящую старушку?
- Подходящую квартиру я найду, дорогие антикварные цацки тоже. Осталось найти больного и умирающего хозяина. Не обязательно старушку.
- Я уже засветился. Мне нельзя, – мгновенно отреагировал Аверьянов.
- А я не похож на больного и умирающего, – проворчал Королев.
- А по-моему, есть малость, – хихикнул Жека.
- Остаюсь я, – заключила Вика.
- Нет! – почти одновременно выкрикнули Соколовский и Даня.

Дверь кабинета открылась, и вошел хмурый, поникший Пряников. Он обвел привычным недовольным взглядом всех присутствующих, потом подошел к Вике:

– Чего они у тебя горланят? Весело? Родионова, у тебя аспирина нет? Что-то меня знобит с самого утра. Заболеваю, что ли.

Соколовский с интересом посмотрел на начальника отделения, Жека кивнул ему. Даже у Дани одобрительно загорелись глаза. Пряников поймал на себе взгляды сотрудников и недоуменно спросил:

– Что? Вы что на меня так пялитесь? Как вурдалаки на невинную девуцу!

Квартира была старая, пыльная, вся в драпировках, тяжелые занавески были не только на окнах, но и на дверных проемах. Все здесь дышало стариной, прошлым веком. Под стать был и Пряников в домашних тапках и пуховом платке Родионовой на спине. Кряхтя и кашляя, он показывал квартиру гостям. Кислицын и Винокуров с большим интересом рассматривали картины, скульптуры, коллекцию оружия на ковре. Пряников старательно опирался на трость и все время поправлял в ухе слуховой аппарат.

– Осторожно! – Пряников предупреждающе поднял руку, когда Кислицын взял в руки вазу. – Третий век. Очень дорогая вещь.

– А вещи вы тоже распродаете? – поинтересовался Кислицын, любуясь вазой. Но поняв, что «хозяин» его не слышит, наклонился к его уху, в котором был слуховой аппарат, и повторил: – Вещи, говорю, тоже распродаете?

– Нет, вещи я забираю с собой, – покачал Пряников головой. – Эту коллекцию собирал еще мой отец, а я ее приумножил.

– А почему такая срочность с продажей? – подошел к ним Винокуров.

– Видите ли, я болен, – сказал Пряников, и эта фраза получилась у него очень натуральной. – Городской климат меня буквально убивает. Врачи в один голос рекомендуют переехать к морю. Я уже присмотрел дом в Сочи.

– Хороший выбор, – одобрил Кислицын.

– Правда, не знаю, как я перенесу перелет, – прокряхтел Пряников. – Кстати, вот ключи. Я завтра ложусь в клинику, небольшая укрепляющая терапия накануне перелета. Человек я одинокий, а вам, возможно, придется показывать квартиру покупателям.

– Спасибо за доверие, – кивнул Винокуров, забирая ключи.

– Если вы все уже осмотрели... У меня режим. Время дневного сна, а вечером я обычно хожу погулять на свежем воздухе. Не знаю, стоит ли сегодня. – Пряников закашлялся.

– Свежий воздух еще никому не вредил. А потом в Красную Поляну, да на лыжи! – улыбнулся Винокуров.

– Эх, ваши бы слова да богу в уши!

Заперев дверь за «риелторами», Пряников наконец выпрямился, устав от сгорбленного хождения, и с наслаждением выгнул спину.

– Соколовский, все слышал? Так что не расходимся. Сидим, ждем.

По сценарию Пряников теперь должен был выманить на себя исполнителя. Наживку они забросили очень аппетитную. Клиника, отъезд. У преступников не было времени на размышления (если Кислицын и Винокуров действительно преступники). Андрей Васильевич добросовестно прогуливался в сумерках по пустынному зимнему двору. Он тяжело опирался на палочку, даже разыграл неплохую по драматургии сцену возле спортивного городка, покачав подвижные части тренажеров и продемонстрировав собственную немощь.

Потом Пряников побрел к одинокой лавочке на краю площадки, которую с большей части двора вообще не было видно. В наушнике прозвучал голос Аверьянова: «Есть человек, идет к вам». Самый опасный момент всей их операции, сейчас никому нельзя было шевелиться. Андрей Васильевич должен был сам принять на себя преступника.

– Внимание, Андрей Васильевич, он за вашей спиной. Идет к вам. Пять метров. Приготовьтесь! Три метра, два, один. Да!

Пряников отклонился и успел перехватить возле своей шеи руку мужчины с зажатым в ней шприцем. Ключкой он зацепил за воротник незнакомца и одним рывком, придерживая его за руку, перебросил преступника через лавку, уронив к своим ногам в снег. Вскочив на ноги, Пряников прижал правую руку незнакомца ботинком, а ключкой надавил на его горло, не давая встать.

– Готов.

Соколовский и Аверьянов подбежали к Пряникову, с восхищением глядя на поверженного противника.

– Вы кто? – В снегу ворочался молодой мужчина, держась рукой за клюку на своем горле. – Я ничего не делал, просто гулял, а этот на меня набросился!

– Это тоже не твое? – Соколовский поднял шприц.

– Первый раз вижу, – стал настаивать мужчина.

– Давайте его в отдел, там разберемся, – приказал Пряников.

– Андрей Васильевич, у нас не так много времени. – Соколовский посмотрел на наручные часы. – Они начнут волноваться, если он не позвонит.

И тут все услышали хрипы. Убийца задыхался, царапал пальцами свое горло и закатывал глаза. Пряников от неожиданности убрал с его горла клюку.

– Врача, прошу вас, – начал хрипеть убийца.

– Звони заказчикам и докладывай, что дело сделано, – велел Соколовский, присаживаясь рядом с мужчиной на корточки.

– Каким заказчикам? Отпустите меня, – простонал мужчина и сделал вид, что потерял сознание.

– Может, он и правда?.. – засомневался Аверьянов.

– Так мы ему сейчас поможем. Укол сделаем. Вот и шприц есть. – Соколовский отвернул шарф на шее мужчины. Тот сразу «пришел в себя» и встрепенулся:

– Не надо! Не надо укол!

– О, и приступ прошел? Или все-таки кольнем для уверенности?

– Не надо... я все скажу!

– Вот это другой разговор. – Жека схватил мужчину за воротник, поднял со снега и бросил на лавку. – Других клиентов тоже ты на тот свет отправлял?

– Я только уколы делал, – уныло ответил мужчина. – Им жить-то оставалось, божьим одуванчикам...

– Заказчики – Кислицын и Винокуров?

– Я фамилий не спрашивал, я только звонил, ну и получал от них деньги и это... шприцы.

– В лицо опознаешь? Указать сможешь? – поигрывая шприцем перед лицом мужчины, спросил Соколовский. Он улыбнулся, видя, как убийца с готовностью кивает. – Звони и говори,

что все сделал как надо. И только вякни что-нибудь лишнее... астматик хренов.

Мужчина понуро опустил голову и полез в карман за телефоном.

Несколько раз щелкнул замок, и в темную квартиру вошли двое, шаря по стенам лучами фонариков. Дверь закрылась тихо, без единого звука.

– Слушай, как бы не пришлось лишние ходки делать, – озабоченно сказал Винокуров. – Тут барахла вагон.

– Возьмем только самое ценное и мотаем отсюда, – ответил Кислицын. – Что-то мне не нравится эта квартира.

– Нет уж. Я лучше лишний раз до тачки схожу.

– Как знаешь. – Кислицын положил фонарик на край стола и взял в руки вазу.

– Да, не доехал мужик до Сочи, на теплые моря, – с притворным вздохом сказал Винокуров, снимая со стены картину.

Договорить он не успел, потому что в лоб ему уперлось холодное дуло пистолета. В комнате загорелся яркий свет, слепя глаза, привыкшие к темноте. Еще два пистолета были нацелены на преступников.

– Руки вверх, – покачивая пистолетом, сказал «хозяин квартиры».

Открытка из Черногории лежала на приборной доске и не давала покоя Соколовскому. Он пытался списать это на общее нервное напряжение, но что-то внутри подсказывало: его близкие в опасности. Стас не остановится. Игорь взял телефон и набрал номер Королева:

– Даня? Привет.

– Мажор? – удивился Королев. – Чего надо?

– Просьба у меня к тебе. Пожалуйста, будь рядом с Викой.

– В смысле? – При упоминании о Вике голос у Королева стал угрожающим и угрюмым одновременно.

– Я не могу сейчас тебе все объяснить, но это очень важно. Будь с ней – когда только можешь. Ну и лечи нос.

– Да пошел...

Соколовский не стал дослушивать, куда его послал Королев. Сейчас его ждало приятное дело, и портить настроение «терками» с Даней не хотелось. Рядом на сиденье лежали завернутые иконы Серафимы Анатольевны Юрасовой – бабушки Полины.

– Это уже входит в привычку, – сказал Соколовский. – Темные дела, и встречаемся мы с вами в последнее время только темной ночью.

– Почему темные? – пожал плечами Константин и посмотрел вдоль ярко освещенной ночной улицы на поток машин. На лице его не отразилось никаких эмоций. – В Москве не бывает темных ночей. Столько огней – небольшую страну снабдить электроэнергией можно. Вот вам папка, там бумаги. Я все подготовил. Все актуально. Живо.

– И время еще есть, – усмехнулся Соколовский, глянув на часы. – Где наш объект сейчас?

– Игорь Владимирович, – Константин внимательно посмотрел в лицо Соколовскому, – а вы когда-нибудь спите? Осунулись совсем. Вам надо отдыхать.

Открывая на ходу папку, Соколовский вошел в кабинет Игнатьева. Аркадий Викторович сидел во главе стола, за которым шло рабочее совещание. Здесь были его ближайшие помощники, ведущие специалисты, кто-то из деловых партнеров. Соколовский обогнул стол и подошел к Игнатьеву:

– Что тебе опять надо?

– Зря вы меня не воспринимали всерьез, Аркадий Викторович, – сказал Соколовский, глядя в папку и перебирая в ней документы.

– Я и сейчас не воспринимаю, – сухо ответил Игнатьев.

– И миноритариев своих вы тоже не воспринимали всерьез. Это весьма недальновидно, Аркадий Викторович. И вам придется за это заплатить, – ответил Соколовский и под встревоженными взглядами партнеров Игнатьева стал выкладывать перед ним на стол бумаги.

– Судебный иск, – комментировал он документы. – Двадцать девятого сентября две тысячи тринадцатого года при продаже акций господина Михайлова в результате манипуляций оценкой цена сделки была занижена втрое относительно справедливой, реальной цены. Вот еще один. Десятого марта две тысячи пятого года, совершая крупную сделку с производителями молочной продукции, вы не поставили в известность миноритариев и детали сделки разглашать отказались. Хотелось бы знать почему? Вот третий иск – аналогичный первому, все от жадности.

Игнатьев сидел молча, не глядя на документы, которые ему предъявлял Соколовский.

– Не буду утомлять вас перечислением всех исков, пусть это делают ваши юристы, вы им за это деньги платите. Но у меня несомненный роял флэш. – С этими словами Соколовский остальные документы выложил на стол веером, как игральные карты.

– Ты серьезно думаешь, что можешь выиграть суд хотя бы по одному иску? – равнодушно спросил Игнатьев.

Соколовский не ответил и, повернувшись, пошел к выходу. Он услышал, как Игнатьев смахнул со стола ворох бумаг. Наверное, это были те документы, которые он ему только что вручил.

– И об этом вам лучше спросить у юристов, – у самой двери сказал Соколовский. – Они-то точно серьезно думают.

Несмотря на то что была уже ночь, Катя ответила сразу.

– Только не говори, что ты опять собрался ночевать у моего дома, – сказала она в трубку, едва узнав голос Игоря.

– Нет-нет. Мы же договорились – созвон. Вот я и звоню. И поскольку сейчас не три ночи, жду тебя через полчаса возле кинотеатра.

– Игорь, – Катя улыбнулась, – сегодня я устала.

– Завтра? – мгновенно отозвался Соколовский.

– Завтра, завтра. – Катя вздохнула: – Завтра тоже дурдом. Может, я сама тебе позвоню?

– Тогда давай так. Я сейчас отключусь, а ты мне сразу перезвонишь. Сама, разумеется.

– А ты упрямый, – заметила Катя не то с одобрением, не то с раздражением. Но отступить Соколовский не любил:

– Что ты. Просто не принимаю отказов. Отсчет пошел – кладу трубку!

Он сидел в машине и думал, что он идиот, что Катя конечно же не перезвонит ему. Игорь посмотрел на телефон, и только теперь до него дошло, что зарядка в аппарате кончилась.

Катя сидела на полу, разложив листы ватмана с эскизами нового квеста. Она не глядя нащупала телефон, взяла его и набрала номер. «Абонент временно недоступен». И тут неожиданно раздался звук дверного звонка. Сомнений в том, кто это мог быть, не оставалось.

– Первый ряд, как ты просила. – Соколовский продемонстрировал билеты.

– Как я просила? – Катя сделала большие глаза. – Я люблю последний.

– Я купил все. Выбирай любой. – Соколовский раскрыл веером пачку билетов.

А потом они сидели в пустом зале и целовались, не глядя на экран. Весь фильм. Фильм кончился, и они снова целовались. Сначала в коридоре на выходе из зала, потом на ступенях кинотеатра. Потом уже в машине. Вика смотрела на них из такси, глубоко откинувшись на

спинку заднего сиденья, чтобы Соколовский ее случайно не заметил.

– Поехали, – сказала она водителю, сдерживая слезы.

Королев сидел в своей машине совсем рядом и видел, как Вика кусает губы, глядя на Мажора и его пассию. Он стиснул руль так, что пальцы побелели.

– Да, он уже здесь, – приложив руку к гарнитуре на голове и глядя на стоявшего перед ним Королева, ответил охранник. – Пошли.

Игнатьев сидел в своем кабинете, склонившись над бумагами. Что-то он подписывал, что-то просто откладывал в сторону. Когда охранник ввел в кабинет Королева, Игнатьев сделал знак рукой: свободен.

– Здравствуйте, господин Королев. – Игнатьев откинулся на спинку кресла и стал разглядывать полицейского. – Почему-то я не удивлен вашему визиту. Садитесь.

Даня уселся, усердно демонстрируя собственную независимость, но это у него плохо получалось.

– Нас с вами кое-что объединяет, – заговорил он. – Мне тоже мешает Соколовский.

– Допустим.

– Вы богаты. А мне как раз нужны деньги.

– И? – холодно спросил Игнатьев.

– И на основании первого пункта мы можем договориться по второму.

– Смело, – констатировал ледяным тоном Игнатьев. – Я должен ответить прямо сейчас или могу подумать?

– Подумайте, – ответил Королев, поднялся и, не прощаясь, вышел.

Соколовский и Катя, тихо смеясь, чтобы не будить людей в соседних номерах отеля, ввалились к нему. Бросив туфли у двери, Катя повисла на шее Игоря, целуя его в губы. Руками она забралась под его пиджак, поглаживая спину. Игорь нащупал наугад выключатель и зажег свет.

– Я, наверное, некстати, – раздался из кресла голос Пряникова, – но у меня серьезный и срочный разговор, а твой телефон недоступен.

Игорь отпустил Катю, повертел в руках бутылку шампанского и поставил ее на стол.

– Тогда я пойду, – сказала Катя и подняла с пола туфли. – Ты можешь мне сам звонить.

Подойдя к Соколовскому, Катя поцеловала его в щеку и незаметно застегнула молнию на его брюках. Пряников смотрел все это время в пол. И когда Катя вышла, он поднялся из кресла и принялся в своей обычной манере ходить от окна до двери и обратно.

– Хороший номер, – наконец сказал он.

– Будете? – Игорь снова взял бутылку в руки.

– Игорь, – начал Пряников, пропустив предложение мимо ушей, – мне звонил знакомый из Управления внутренней безопасности. Они тобой серьезно заинтересовались.

– Причина?

– Да полно причин. Вон там, внизу, на стоянке, убита девушка. Тебя видели с ней в кафе.

– Кто?

– Какая разница! – зло ответил Андрей Васильевич. – Далее, девушка, совершенно случайно конечно же, оказалась помощницей Игнатьева. Твоего врага. И тоже случайно, само собой, владельца компании, в совет директоров которой ты недавно вошел.

– Я бы объяснил, Андрей Васильевич, но вы не поверите.

– А ты попробуй! – вспылил Пряников.

Соколовский подумал и стал открывать шампанское. Когда бутылка с легким хлопком

открылась, он все же сказал, наливая в свой бокал:

– Яну убил Стас. Мой бывший друг-наркоман, которого я давно считал мертвым.

– А он, значит, ожил.

– Говорил же, что не поверите, – пожал плечами Игорь.

– Я верю. И не такое повидал. Продолжай.

– Он будет мне мстить, Андрей Васильевич. Страшно мстить. Потому что он мертвый, а мертвому можно все.

Взяв в руки бутылку, Пряников прочитал надпись на этикетке.

– Вкусное хоть? Ты вот что, Игорь. Теперь ты мне поверь. На мертвых тоже можно найти управу. Справимся. И на будущее: если у тебя беда – иди ко мне. – Поставив бутылку, он пошел к двери, но остановился, взявшись за ручку. – А с Королевым – очень прошу – завязывайте. Вот вы у меня где уже! – Он провел ребром ладони по своему горлу.

– Андрей Васильевич, – вдруг сказал Игорь. – Нужен совет. Может, я должен уехать? Увести Стаса за собой? Чтобы больше никто не пострадал.

– Он не уедет, – покачал головой подполковник. – Если ты попробуешь сбежать, он начнет охотиться на родных тебе людей, чтобы тебя выманить. От этой схватки тебе не сбежать.

– Значит, остается только выиграть.

Подполковник Пряников вышел из гостиницы, прошел по парковке к своей машине, достав из кармана старенький телефон Nokia.

– У нас проблемы, – сказал он в трубку. – Вернулся один персонаж, которого мы все считали мертвым. И он очень хочет отомстить Соколовскому. Каковы мои действия?

Соколовскому снилось что-то тревожное. Он чего-то ждал, но не мог дождаться. А потом раздался страшный грохот. Игорь подскочил в кровати и понял, что его разбудил звук разбитого оконного стекла. На полу, еще покачиваясь, лежал кусок кирпича, к которому скотчем был примотан конверт. В окно задувало морозным воздухом, на упавшем набок будильнике было шесть тридцать утра.

Открыв конверт, Соколовский достал из него всю ту же открытку с видами Черногории и несколько фотографий. Внутри у него все похолодело. На фото Стас был вместе со своей матерью. Схватив брюки, Соколовский мгновенно натянул их и одной рукой уже брал рубашку, а другой – телефон. Не застегиваясь, он набрал номер:

– Елена Викторовна! Алло! У вас все в порядке?

– У меня? – прозвучал голос Стаса вместо его матери. – Чего ты так переживаешь? Да ничего я с ней не сделал. Господь с тобой.

– Откуда у тебя ее телефон? – Соколовский подошел к окну и увидел внизу человека в надвинутом на голову капюшоне. Он тут же бросился из номера, перепрыгнув в коридоре через тележку удивленной уборщицы.

– Потеряла она его. Ну, то есть думает, что потеряла... Клянусь, маман благополучно отбыла в Черногорию – разбираться с неверными друзьями. За то, что недосмотрели за придурком-сыном. Ну, то есть за мной.

– А ты, значит, расшалился без мамы, стекла бьешь. – Соколовский добежал до лифта, нажал кнопку вызова, с беспокойством глядя то на цифры табло с номерами этажей, то на пожарную лестницу.

– Так весело, – хмыкнул Стас. – А ты что испугался? Звонить сразу кинулся, проверять. Думал, я мамулю, как Яну?

– А что, мог бы? – Соколовский уже бежал вниз по лестнице.

– Не. С мамашей лучше, чем без нее, – заверил его Стас. – Уж ты-то знаешь.

– Стас, чего ты хочешь? – выпалил Соколовский, мысленно назвав бывшего друга сукой. – Хочешь поговорить? Приходи, поговорим. Хотя можешь не приходить, я тебя и так поймаю.

– Да хрен ты меня поймаешь, – уверенно заявил Стас. – Ты же про меня не знаешь ничего. А я про тебя – все. Где был, с кем пил, куда на ночь завалился.

– Ты не так крут, как думаешь. И наследил везде, где можно. – Соколовский выбежал на улицу, широко распахнув дверь, и увидел, как Стас в капюшоне садится в машину.

– Вот сейчас я реально обделался, – хохотнул Стас. – Все, надоело мне с тобой трещать. Медленный ты, скучный.

Соколовский пробежал несколько метров за машиной, понимая, что это бесполезно. Задний номер повернулся, и вместо стандартных цифр и букв Игорь увидел надпись «Fuck you!». Вернувшись в гостиницу, он попросил убрать номер. Опустившись на кровать, Соколовский снова пересмотрел фотографии, которые были в конверте, а потом сунул открытку под магнетик на холодильнике. Пусть будет перед глазами, как напоминание!

Пряников рассматривал фотографии, которые ему принес Соколовский, довольно долго.

– С доставкой на дом, – пояснил Игорь.

– Кто привез? Курьер? – тут же ухватился за эту мысль Пряников.

– Кирпич. В окно. Я позвонил его матери, – ответил Стас. – Сказал, что мать улетела в Черногорию, но...

- Я проверю, что с ней, – пообещал Андрей Васильевич. – А ты будь аккуратнее.
- Куда уж аккуратнее.
- Все. Работай. Будут новости – докладывай сразу мне.

Альберт Германович Ковалев вошел во двор своего дома в состоянии накопившегося за день раздражения. День был дурацкий, все шло наперекосяк. И вернувшись из командировки, он не поехал к себе в офис, а остался дома, чтобы хоть немного разрядиться, сменить обстановку. Ковалев хорошо знал по себе, что если что-то не идет, не клеится, то лучше бросить и сделать все завтра. Но и дома его с самого порога, точнее с самых ворот, тоже все стало раздражать.

Первое же, что бросилось Ковалеву в глаза, – приоткрытые ворота гаража, из которых шел дымок. Ну, точно: в гараже стояла машина с работающим двигателем. Это уже было слишком! Неужели сын-разгильдяй опять что-то натворил!...

Альберт Германович подошел к воротам гаража в состоянии, близком к бешенству, готовый учинить страшный разнос. Открыв одну створку ворот, Ковалев поморщился из-за тяжелого запаха накопившихся в гараже выхлопных газов, но тут же увидел, что в машине кто-то сидит. Он бросился вперед и тут же замер, увидев через стекло мертвое лицо девушки. В ужасе попятившись назад, мужчина упал через пустые канистры и бросился бежать из гаража, свалив по пути стремянку и даже не почувствовав, как она ударила его по затылку.

Королев делал вид, что занят изучением документов, но сам сбоку украдкой посматривал на Вику, пытаясь понять ее внутреннее состояние. Ему очень хотелось с ней поговорить, но что-то удерживало. Вика могла быть очень резкой, если у нее плохое настроение. Даня перевел взгляд на Аверьянова, который надраивал тряпочкой свой почетный знак «За верность долгу».

– Давай-давай, с изнанки еще не блестит, – усмехнулся он.

– Да иди ты, – беззлобно буркнул Жека и тут же замолчал.

Вика встала со своего кресла, быстро и деловито отвечая по телефону:

– Да. Да. Так точно. Адрес?

Оперативники стали подниматься, убирая со стола бумаги. Каждый понял, что означает этот звонок.

– Собирайтесь. Выезд, – коротко бросила Родионова, положив трубку.

Эксперт Илья уже склонился над телом, то ли что-то бормоча себе под нос, то ли напевая. Соколовский следил за руками эксперта и почему-то вспоминал лицо убитой Яны. Чтобы отогнать видение, пришлось потереть лицо руками. А еще лучше не смотреть, отвлечься чем-то полезным для дела.

– Спокойно и по порядку, – сказала Вика Ковалеву. – Не торопитесь.

– Ну да, – вздохнул мужчина. – Рано утром вернулся из командировки. Слышу – машина в гараже, заведенная. Зашел и, собственно...

– Машина ваша? Или кого-то из членов семьи?

– Нет, только я вожу, – ответил Ковалев.

– А почему тогда не на машине поехали в командировку? – удивился Королев.

– Потому что в аэропорт я на такси езжу.

– Хорошо, еще вопрос, Альберт Германович, – снова заговорила Вика, закончив делать пометки у себя в блокноте. – Вам знакома эта девушка?

Ковалев отрицательно покачал головой, глядя на труп. Соколовский тут же удивленно спросил его:

– А как ключ от вашей машины оказался у незнакомой девушки?

– Сын берет иногда... – чуть помявшись, ответил мужчина. – Он еще только учится водить.

Пока только во дворе. Забыл ключ в машине.

– Ваш сын и жена были дома?

– Да. Но в доме не слышно то, что творится в гараже.

– Мы все равно обязаны с ними побеседовать, – заявила Родионова, делая приглашающий жест в сторону дома.

– Да, да, – согласился Ковалев. – Им же необязательно сюда...

Соколовский примерился и сделал снимок лица мертвой девушки. Удивленный Илья вытащил руку из-под сиденья и показал коллегам пузырек с парой каких-то таблеток.

– Отравилась и угорела? – спросил Даня.

– Ну, может, думала – не выдержит в последний момент, – предположил Жека. – А так, чтобы наверняка.

– Или кто-то хотел, чтобы мы так думали, – заметила Родионова. – Илья, очень ждем результатов экспертизы. Пойдемте, Альберт Германович.

Семья Ковалевых уселась рядом на диване. Унылый отец семейства, встревоженная жена и очень мрачный сын Виктор.

– Так, говорите, камера наблюдения во дворе только одна? – спросила Родионова.

– Да, и она не работала, – ответил сын. – У нас трансформатор на улице сгорел, электричества не было часов с десяти вечера и до утра. Аварийка приезжала.

– И вы спали?

– Я рано легла, – кивнула Людмила Романовна. – Альберт был в командировке, Виктор у себя в комнате.

– Да, я посидел еще часа полтора. Кино смотрел.

– Кино? Какое? – спросил Соколовский, удивив Вику этим вопросом.

– Второго «Крестного отца».

– А, это где Аль Пачино со Сталлоне играют? – улыбнулся Соколовский.

– Аль Пачино и Де Ниро.

– Точно, – хлопнул себя по лбу Соколовский. Потом достал телефон и показал на экране фотографию девушки. – Ты знаешь эту девушку? Может, видел когда-то?

– Нет, не знаю, – покачал головой парень.

– А вы, Людмила Романовна?

– Эта девушка мне не знакома, – пожалла женщина плечами.

– Послушайте, – вздохнул Ковалев, – мы в самом деле ничего не знаем! Меня и дома-то не было...

– Кстати, а куда вы ездили в командировку? – спросил Жека из другой части комнаты.

– Э-э... В Тулу.

– Билет у вас сохранился? – тут же повернулась к Ковалеву Вика.

– Нет, – нахмурился мужчина, а потом начал заметно горячиться: – Я выбросил, зачем он мне? Вы что, меня подозреваете?

– Альберт, успокойся! – Жена схватила Ковалева за руку.

– В самом деле, – небрежно бросил Соколовский, – не волнуйтесь вы так!

– «Не волнуйтесь»... Не у вас же в гараже труп нашли, – проворчал он, снова садясь на диван.

У Родионовой зазвонил телефон. Извинившись, она отошла к окну.

– Да. Так точно, скоро буду. Жека, проверьте, что там с трансформатором, а мне нужно в отдел. Дань, отвезешь меня?

Соколовский и Аверьянов, проводив Вику, вышли на улицу к трансформатору. Если ночью отключали электроэнергию, то это очень помогло преступнику. Сразу возникала мысль, что кто-

то мог сделать это специально.

– Думаешь, специально кто-то свет отрубил? – спросил Жека.

– А почему бы нет? – Соколовский задумчиво смотрел на трансформатор и вокруг него. –

Надо проверить, позвонить электрикам.

Неожиданно к оперативникам подошел мужчина пенсионного возраста в фуфайке и ушанке. По виду местный житель, который вышел ненадолго по каким-то хозяйственным делам. Это было интересно.

– Здравствуйте! Вы из администрации?

– Нет, мы из полиции, – ответил Жека.

– Давно пора, – убежденно заявил мужик. – Сажать их надо всех. Все на соплях, а они нет чтобы новый установить – эту руину чинят! – Недовольство, видимо, просто распирало мужика. И он уже перешел на соседей, махнув рукой в сторону дома Ковалева: – Понастроили хоромы, воду в бассейнах греют, иллюминация... а техника, между прочим, на такое не рассчитана!

Соколовский попробовал замок, и тот в его руке сразу открылся. Ясно было, что висел он тут только для вида. И этот факт тоже возмутил свидетеля:

– Раньше хоть проволочкой закручивали, а теперь и этого не делают.

– А вы сами-то где живете? – поинтересовался Жека.

– Вон там дом. – Мужик с какой-то неохотой показал на соседний с Ковалевым дом.

– И что вы против Ковалева имеете? – спросил Жека. – Может, обидел он вас или что?

– Вот что. – Мужик как-то сразу весь подобрался, подозрительно поглядел на полицейских и проворчал: – Моя хата с краю, ничего не знаю. Я вам про трансформатор сигнализировал, а там как знаете!

Не попрощавшись, он повернулся и пошел к своему дому.

Нужно было возвращаться. Теперь придется наводить очень много справок, выяснять очень много вопросов. Хотя бы вопрос с трансформатором, который по какой-то причине вырубился как раз в то время, когда и произошло преступление.

– Слушай, а чего он у будки крутился? – спросил в машине Жека, снова натирая памятный знак. – Станный мужик.

– Но это не делает его подозреваемым, – возразил Соколовский.

– Ну да... А вот трансформатор случайно навернулся или преднамеренно?

– А девушка случайно попала в этот гараж или преднамеренно? – передразнил его Соколовский.

– Может, Семенов отпечатки найдет, которые подлежат сравнению.

– Главный вопрос – что за девушка, – заявил Соколовский, потом с интересом посмотрел на Жеку: – Чего ты там драишь?

– Ну это... Знак наградной. За верность долгу. Нина ведет знакомиться с родителями.

– Надо же! – тихо рассмеялся Соколовский. – И куда ты его собрался прицепить?

– Я хотел форму надеть... Вчера из ателье забрал, малость расширил.

– Форму? Ты сдурел? – Соколовский от избытка эмоций даже толкнул Аверьянова кулаком в плечо. – Жека, мент с наградой – все равно мент. Пойдешь знакомиться – форму не надевай. Запомнил? Никакой формы!

Жека вздохнул, но промолчал.

Аверьянов все-таки надел парадную форму. Он млел от удовольствия, когда Нина постоянно стряхивала с нее несуществующие пылинки и поправляла его нагрудный знак. В эти минуты он почти насмехался над Соколовским, который не велел ему надевать форму. Но кошмар начался почти сразу, как только они вошли в дом родителей Нины. Жека даже и не подозревал, что это за люди – крупные бизнесмены, привыкшие все решать самостоятельно, иметь только свое мнение,

управлять, руководить и повелевать.

Сначала были вопросы, и Жека все время гадал, чем они вызваны. Простым интересом или затаенным недовольством, что этот лейтенант – не пара для дочери. Ему даже показалось, что отец хотел как-нибудь побольнее дать Жеке это понять. Но самое серьезное психологическое испытание ждало Жеку в конце, когда отец Нины в приказном порядке попросил его пройти с ним в кабинет.

Массивный стол и глубокое кожаное кресло были такими основательными, что в этом помещении просто невозможно было не подчиниться хозяину. Жека озибался на тяжелые книжные полки. На стенах висели две хорошие картины с батальными сценами, шкуры животных, охотничье ружье.

– Не охотник? – спросил отец Нины, беря из коробки сигару и протягивая ее гостю.

– Нет. Грибы собираю иногда, – пытаюсь выглядеть солидно, ответил Жека, но от сигары отказался.

– Ранения были? – сурово спросил отец.

– Ну, так, по мелочи... А что? – насторожился Аверьянов.

– Интересуюсь состоянием здоровья. Ничего важного не отстрелили? – И в конце этой фразы отец Нины со щелчком срезал край сигары специальной машинкой.

– Показать? – мрачно пошутил Жека, который уже стал терять самообладание от всей этой обстановки жуткого психологического давления.

– На что семью содержать собираешься? В бизнес пойдешь? Или мои прогуливать?

– Если думаете, я тут ради денег... – начал было Жека, но его бесцеремонно перебили:

– А чего мне думать? У русского человека на все случаи жизни все должно быть заготовлено. – С этими словами отец Нины достал из шкафчика толстую пачку листов и положил на стол перед Жекой.

– Это что? – не понял Аверьянов, глядя на листы, как на мину замедленного действия.

– Брачный контракт. Уголовный кодекс ваших с Ниной отношений – если тебе так понятнее. Ты возьми с собой, тщательно изучи. К исполнению обязательно. И пока ты вот это на каждой странице не подпишешь, о Нине моей можешь забыть.

Эксперт пришел в отдел утром – с результатами вскрытия и других экспертиз, которые удалось к этому времени завершить. Все внимательно слушали, глядя на Илью, и только Аверьянов сидел с выражением чуть ли не ужаса на лице и тупо смотрел на брачный договор с Ниной.

– Смерть наступила между пятью и семью часами утра. Причина – отравление окисью углерода. В крови и желудке алкоголь и снотворное – идентичное тому, что было найдено в гараже.

– Алкоголь? – удивленно спросил Королев. – Не припомню, чтобы мы там бутылку находили.

– Она пьяной могла прийти, – уныло заявил Жека, глядя на договор. – Ну, выпила для смелости?

– При том ни телефона при девушке, ни сумки, – напомнил всем Даня. – Чтобы не опознали. То есть пьяная, но все предусмотрела?

– М-да, не сходится, – согласилась Родионова.

– С чего начнем? – почесав авторучкой в затылке, спросил Королев.

В этот момент в отдел вошел Соколовский с ворохом бумаги.

– Вот с этого, Даниил, – сказал он, подходя к каждому столу и отделяя от стопки часть листов. – С этих распечаток. Для тех, кто еще не понял, – это заявления о пропавших без вести за

последние трое суток.

– А почему не год? – неприязненно осведомился Королев.

– Девушка молодая, красивая, ухоженная. Одета хорошо. По всем признакам жила вполне нормальной жизнью. Ну, до гаража во всяком случае.

Дальше началась утомительная, кропотливая работа, о которой не принято писать в детективных романах и рассказывать в кругу слушателей, восхищающихся героизмом оперативников. Составление списков, обзвон, расчленение списков на вероятные, отсеянные и возможные совпадения, повторные обзвоны тех, кого не было на месте во время первого звонка, уточнение с теми, кто обещал что-то уточнить, проверка по учетам, когда появлялись какие-то совпадения. И снова обзвон, обзвон. И начинал расти список с фамилиями и адресами, куда предстояло вечером ехать.

И уже ближе к вечеру повезло Королеву напасть на след.

– Здравствуйте, старший лейтенант Королев, – говорил Даня, набрав очередной номер. – По поводу вашего заявления...

И тут он весь напрягся и строго показал всем рукой заткнуться. Тихо! Нашел! В кабинете сразу повисла мертвая тишина.

Сорокалетняя женщина сидела перед Родионовой и вытирала глаза мокрым платком.

– Лисочка всегда мне звонила, всегда. Даже если телефон садился – находила возможность. Она еще смеялась: у тебя, мама, встроенная программа слежения...

– Почему она это сделала, как вы думаете? – спросила Вика.

– Она? – Иванова отчаянно замотала головой и стиснула в кулачке свой платок. – Да она никогда бы! Василису убили!

– Кто? – сразу спросила Вика.

– Ковалев, конечно! – снова разрыдалась женщина, опустив голову.

– Ковалев? – переспросил Соколовский. – Хозяин дома, в гараже которого ее нашли?

– А мотив? – поддакнул Жека.

– Он ее отец!

Родионова подняла глаза и посмотрела на Королеву и Аверьянова. Она кивнула на дверь, давая понять, что Ковалева нужно срочно доставить в отдел.

Ковалева привезли через два часа. Даня успел шепнуть Вике, что уезжал он спокойно, обещал жене перезвонить. Супруга выглядела взволнованной, но отнюдь не как жена человека, который совершил преступление.

В кабинете Ковалев уселся на предложенный ему стул возле стола Родионовой и стал смотреть на всех присутствующих, старательно изображая непонимание.

– Но мы же все рассказали, – сказал он. – Какие новые обстоятельства?

Королев, сидевший напротив Ковалева верхом на стуле и внимательно изучавший его лицо, неожиданно спросил:

– Альберт Германович, вы убили свою дочь, Василису Иванову?

– Какую дочь? Я не знаю, о чем вы говорите. Я хочу адвоката. Я никого не убивал. Я не знаю эту девушку, – быстро заговорил Ковалев, как всем показалось, заранее подготовленными фразами.

– Вы уверены? – удивленно приподняла брови Вика. – Самое время написать чистосердечное признание.

– Я ничего не подпишу! – набычился Ковалев. – Вы меня подставляете, знаю я вас...

– Уверены, значит?

– Я уверен. Пригласите адвоката. Я больше не скажу ни слова, – ответил Ковалев и сложил

на груди руки, психологически закрывшись от окружающих.

Вел он себя нервно, хотя при таких обвинениях заволновался бы любой. Но другой бы вытаращил глаза и спросил, в своем ли вы уме, граждане начальники? Какая дочь, когда у меня, кроме жены, и контактов-то с другими женщинами отродясь не было. А это сразу про адвоката и про то, что не произнесет ни слова. Именно так ведут себя преступники, которые понимают, что их приперли к стенке или вот-вот припрут.

– Скажете, Альберт Германович, скажете, – пообещал Соколовский и подошел к двери.

При виде вошедшей в кабинет Ивановой Ковалев вскочил со стула, потом тут же опустился на него. Женщина охнула со стоном и бросилась на него, как фурия. Соколовский бросился между ними и успел оттащить женщину, которая расцарапала Ковалеву щеку.

– Сволочь! Тварь! – Иванова вырывалась из рук оперативника, бросая обвинения. – Зачем ты убил мою Лисочку?

– Ну? Что теперь скажете? – спросил Жека.

– Я ее не убивал! Я всегда помогал ей, с самого рождения и до совершеннолетия Василисы отсылал тебе деньги! Нет, скажешь?

– Отсылал... Да лучше мне было тебя самого послать куда подальше! – стиснув зубы, ответила женщина.

– Зачем же вы нам ввали? – спросила Вика Ковалева. – Неужели думали, что мы ничего не узнаем? Вы вроде не похожи на глупца, Альберт Германович.

– А что мне оставалось? – устало ответил мужчина, стирая кровь с расцарапанной щеки. – Витя и жена ничего не знали. Хотя, конечно, рано или поздно все открылось бы. Особенно после того, как она, – он кивнул на Иванову, – недавно явилась и потребовала миллион, обещая все им рассказать.

Все вопросительно посмотрели на женщину, но женщина, не моргнув глазом, сразу перешла в атаку:

– Какие деньги? Какой миллион? Что вы слушаете этого убийцу?

– Э-э, нет. – Ковалев поднял указательный палец и повел им из стороны в сторону. – У меня все квитанции на отправленные деньги собраны. Дома в сейфе лежат, могу показать.

– Крохобор, – насупилась Иванова, – даже бумажки на подачки свои скопил!

– А что насчет миллиона? – спросил ее Соколовский.

– Не знаю я ни про какой миллион! – отмахнулась женщина.

– Ладно, будем разбираться в ситуации, – закончила Родионова. – Вы, Ковалев, будете под подпиской о невыезде. И вы, Ирина Андреевна, пока здесь побудьте – не возвращайтесь домой.

– Не поняла. Где – здесь?

Соколовский вытащил из бумажника пяти тысячную купюру и протянул Ивановой:

– Здесь рядом есть неплохой хостел. Советую остановиться там.

Соколовский вышел с Жекой на улицу, слушая, как тот рассказывает о своих опасениях и страхах. Жека ел булку, вгрызаясь в нее как-то уж очень нервно.

– ...Я сам не свой теперь хожу, понимаешь? Он мне контракт выкатил, а я еще до конца не решил, хочу я жениться или нет!

– Мне кажется, этот вопрос за тебя уже решили, – задумчиво ответил Игорь, посмотрев на ночное небо.

– А вот я, между прочим, еще не решил – нравится мне это все или нет!

– А если подумать? – с усмешкой повернулся к нему Соколовский.

Аверьянов уставился на него, потом снова стал грызть булку, хмурия брови. Игорь ждал, пока мыслительный процесс закончится (и чем он закончится).

– ...Ну, наверное, нравится, – все-таки сказал Жека. – Нина девушка хорошая, и вообще... Но

зачем контракт сразу под нос совать!

– Человека можно понять, – неопределенно пожал плечами Соколовский, – беспокоится за дочь.

– Так что с ней станется?! Я же не арабский падишах! Не увезу ее в Саудовские Эмираты...

– Аравию, – поправил его Игорь.

– Чего?

– Саудовская – Аравия. Эмираты – Объединенные Арабские. Это разные страны, – терпеливо объяснил Соколовский.

– Да хрен с ними, – махнул рукой Жека. – Короче, я же всегда под рукой, ну не понравлюсь – прогонит меня, но зачем бумаги какие-то подписывать?

– Ты их внимательно прочел?

– Внимательно! – буркнул Жека, снова накидываясь на свою булку. – Страницы три, и бросил в ужасе.

Родионова вышла, поправляя на плече сумочку. Королев явно спешил ее догнать. Кажется, там у них наедине произошел какой-то разговор, который Вика продолжать не хотела. По крайней мере, так Соколовскому показалось.

– Даня, съезди и поговори с соседями Ковалева, – сказала Вика, – я опрошу соседей Ивановых.

– Я тебя отвезу, – предложил Соколовский.

– Не отвезешь! – рыкнул Королев и сделал шаг вперед.

– Может быть, я сама решу, что мне делать? – осадила всех Родионова. – Соколовский, Аверьянов, оставайтесь в отделе.

С улицы ко входу свернула машина с шашечками на крыше, и водитель, высунувшись в окно, спросил, кто заказывал такси. Вика еще раз хмурым строгим взглядом окинула подчиненных и села в машину.

– На вокзал, – скомандовала она.

Старая двухэтажка терялась в глубине небольшой улицы среди таких же невзрачных домов. Родионова перешла проезжую часть улицы, прикидывая, в каком из двух подъездов находится нужная ей квартира Ивановой. К ее огромному изумлению, она увидела Соколовского, который прогуливался возле первого подъезда и явно что-то прятал за пазухой.

– Игорь, ты невыносим! – вздохнула Вика.

– Жека и один там справится, а я, между прочим, уже с жильцами поговорил.

С этими словами Соколовский протянул Вике цветочек, который осторожно извлек из-за пазухи. Вика не приняла цветок, продолжая смотреть на Игоря с осуждением.

– Никто ничего интересного не рассказал, – продолжил говорить Соколовский как ни в чем не бывало. – Кроме Натальи Петровны.

– Наталья Петровна? – не поняла Вика, только теперь начиная вслушиваться в слова Соколовского.

– Она в магазин отошла, сказала, что скоро будет. А вон, кстати, и она. – Игорь показал на женщину лет шестидесяти, которая шла по тротуару с сумкой на колесиках.

Наталья Петровна не особенно удивилась тому, что помимо молодого человека ее теперь ждала еще и женщина, представившаяся капитаном Родионовой. Наверное, это льстило ее самолюбию. Ведь она была сейчас очень важным свидетелем, источником важной информации. Благодаря тому, что она все обо всех знает, полиции будет легче работать. И когда Родионова попросила ее повторить все, что она рассказывала лейтенанту Соколовскому, Наталья Петровна согласилась беспрекословно.

– Это про Мишку Колесова, что ли? Ходит он к Ирине. Уже, почитай, с год. Выпивают иногда, но умеренно, без драк.

– Этот Колесов, он местный?

– Местный, местный... – заверила женщина. – Бездельник. И вот дня три тому... или четыре... иду я в хозяйственный, веник покупать. Иду я и вижу: вон там, у забора, стоят Мишка и Василиса Иринина и ссорятся.

– Из-за чего они ссорились, вы поняли? – продолжала задавать наводящие вопросы Родионова.

– Я ж издалека слышала, обрывками, – развела женщина руками. – Она на него – «дурак, не смей больше появляться», а он – «сама дура, сопля зеленая, матери виднее». А потом она его по морде стукнула, а мне домой надо было, сериал начинался, – пояснила женщина с некоторым уловимым сожалением в голосе. – И уж не знаю, чем там у них кончилось.

– Наталья Петровна, а где живет Колесов?

– Так вон в том доме, – показала женщина рукой на частный дом под зеленой крышей в глубине переулка.

– Спасибо за содействие, – коротко кивнула Вика. – Соколовский, пошли.

Игорь посмотрел на Вику, потом повернулся к Наталье Петровне и протянул ей цветок:

– Спасибо, это вам!

Женщина удивленно взглянула на молодого человека, потом смущенно заулыбалась.

Из-за низкого забора было видно, что во дворе дома стоит древний «жигуль» «копейка», а мужчина в вытянутых тренировочных штанах и фуфайке копается под капотом. Соколовский вошел первым, подождал Родионову, а потом постучал Колесову по спине пальцем. Тот резко выпрямился, стукнувшись головой о капот, и с удивлением посмотрел на незнакомцев:

– Вы кто?

– Сдавайся. Мы все знаем, – заявил Соколовский, показывая свое удостоверение.

– Чего знаете? – недоуменно уставился на гостей Колесов. – Я ж вроде и не скрывал ничего!

– То есть? – насторожилась Вика.

– Ну, так чего скрывать, если и участковый наш в курсе, Иваныч. Ну, выпил лишнего, вошел в пике, как «Ил»-штурмовик... Но я же раскаялся!

– В чем раскаялся? Ну-ка, давай по порядку и с самого начала, – предложил Соколовский.

– Да как обычно все начиналось: встретил Володьку, он с рыбалки шел, взяли с ним литр, так, погреться... Слово за слово, еще взяли литр, Володька чего-то буром попер, ну я его и... того...

– Что – того, гражданин Колесов? – остановила рассказ Родионова. – При чем тут вообще Володька? Мы про Василису Иванову хотели узнать!

– А чего с ней? – снова удивился Колесов. – Я ее давно не видал...

– Хорошо, вернемся к Володьке, – сказал Соколовский, переглянувшись с Викторией.

– А что Володька... – вздохнул Колесов. – Козел он! Я ему всего-то зуб и выбил, а он сразу к участковому побежал, ну, я ему окна-то и поразбивал за такое мерзавство. А Иваныч, участковый, меня сначала к себе в «обезьянник» посадил, а потом заставил Володьке окна вставлять. Вчера вечером закончил, затемно уже.

– То есть вы вчера весь день вставляли Володьке окна? – разочарованно спросил Соколовский.

– Ага.

– А позавчера? – уточнила Вика.

– А позавчера в кутузке у Иваныча сидел. С полудня примерно. Да вы у него спросите, он подтвердит!

– То есть в гараже Ковалева он никак не мог быть, – сказал Вике Соколовский.

– А из-за чего вы ссорились с Василисой Ивановой? – снова стала задавать вопросы Родионова.

– Да дура потому что, – убежденно заявил Колесов. – У ее папаши денег куры не клюют, а Ирка, ну, мать ее, стеснялась лишний раз попросить. Я и говорю: проси миллион! А Василиса услышала, давай орать. Она про отца-то и не знала ничего, прикиньте! То есть, выходит, я ей первый рассказал.

– Да уж... – хмыкнула Родионова. – Деликатный подход.

– И где этот миллион? – сделал наивное лицо Соколовский.

– Не знаю, – замотал Колесов головой, – не видал, не брал! Моя только идея была!

– Ладно. Чини свою колымагу, – Соколовский хлопнул мужчину по плечу, – а мы участкового навестим, проверим.

– Да хоть сто раз, – ответил Колесов и снова скрылся с головой под капотом машины.

Васильев в который уже раз переглянулся с Константином и посмотрел на часы. Соколовского все не было, хотя он заявил, что уже вот-вот и почти уже подъехал. Двое мужчин, которых Васильев пригласил на встречу с Соколовским, нервничали.

– Послушайте, Илья Сергеевич, – снова не выдержал один из приглашенных, – так дела не делаются. Мы уже полчаса ждем впустую.

– Простите, он будет с минуты на минуту, – заверил всех Васильев.

– Хорошо, еще минуту подождем.

Соколовский ворвался в помещение, на ходу сбрасывая пальто, швыряя портфель и усаживаясь во главе стола.

– Всем привет! Прощу прощения, задержался. Илья Сергеевич уже ввел вас в курс дела?

– Нет, мы ждали тебя, – за всех ответил Васильев.

– Хорошо. – Соколовский посмотрел на гостей. – Это же вам принадлежат все помещения, где находятся магазины «Аркадия»?

– Да, это так, – ответил один из мужчин. – У нас одиннадцатимесячный договор аренды.

– И каждые одиннадцать месяцев перезаключаете заново?

– Разумеется.

– Господа, сегодня у вас счастливый день. Я избавлю вас от этих ежегодных хлопот.

Соколовский кивнул Васильеву, и Илья Сергеевич подал каждому из гостей документы – предложение о покупке помещений. Оба с интересом стали читать.

Припарковав машину возле отеля, Соколовский двинулся ко входу, где с большим изумлением увидел Пряникова с тростью в руках. Это было неожиданно и сразу наводило на мысли о том, что могло произойти что-то важное. Соколовский весь подобрался внутри, но своего начальника встретил с обычным оптимизмом.

– Добрый вечер, Игорь.

– Андрей Васильевич? – Соколовский уставился на трость в руках подполковника. – А почему без цилиндра?

– Потому что серьезный разговор, – не принял шутки подполковник. – Всплыл твой Стас.

– Всплыл или... всплыл?! – не удержался от каламбура Соколовский.

– Да не в Яузе, – заговорил тише Пряников. – В одном притоне. Я после прошлого разговора разослал по своим каналам запрос с фотографией. Так вот, смежники этот притон давно пасут. Камеры там вокруг расставлены, и Стас на них несколько раз засветился.

– Так и взяли бы его сразу.

– На каком основании? Воскрес из мертвых? Тем более у смежников на притон свои планы,

я им указывать не могу.

– Тогда... – Соколовский чуть помедлил и предложил: – Я сам туда схожу и все выясню.

– Игорь, не дури.

– Андрей Васильевич, – с улыбкой вздохнул Соколовский, – я в таких местах, можно сказать, пол-юности провел. Знаю, как себя вести, как с кем говорить.

– Ладно, – нехотя согласился Пряников после долгого молчания. – Но помни: я за тебя отвечаю. Не лезь на рожон, иначе я потом до конца дней себя проклинать буду.

– Есть, не лезть на рожон! Андрей Васильевич, – пообещал Игорь, – я не подведу, не волнуйтесь.

Пряников протянул Соколовскому руку, чуть задержал ее в своей ладони и сказал:

– Будут проблемы – сразу звони. Договорились?

– Спасибо.

Игнатъев сидел в своем рабочем кабинете. За спиной сквозь раздвинутые жалюзи проникали утренние лучи солнца, освещая идеальный порядок, который так любил Аркадий Викторович. Ничего лишнего на рабочем столе, ничего лишнего в кабинете, на столе для совещаний двумя идеально ровными рядами выстроились стаканчики с карандашами и стопочки бумаги для записей. Стоявший рядом с Игнатьевым юрист давал пояснения и выкладывал на стол перед шефом документы.

– На самом деле, Аркадий Викторович, инициированные Соколовским разбирательства неприятные, но в целом ничего страшного.

– Вы словно врач, – недовольно произнес Игнатъев, – который не решается сказать больному, что у того рак в четвертой стадии.

– Ни в коем случае, – поспешил заверить юрист. – Вот по этому иску мы отделаемся штрафом. Сумма достойная, но нас не разорит. А здесь есть тонкий момент, думаю, получится затянуть разбирательство на весьма неопределенный срок.

– Мне противен сам факт, что приходится тратить время, деньги и прочее на иски этого подонка, – просматривая документы, ответил Игнатъев.

– Забудьте вы про эти иски. Наш юротдел со всем разберется, я лично этим занимаюсь. Нужно будет – привлеку лучших специалистов со стороны.

– Привлекайте, кого нужно, и держите меня в курсе происходящего!

Дверь кабинета открылась, и вошел помощник Игнатьева:

– Разрешите, Аркадий Викторович?

– Что у тебя? – не отрывая взгляда от бумаг, спросил Игнатъев.

– Вы просили сообщать обо всех телодвижениях Соколовского.

– И? – тут же насторожился Игнатъев, пристально посмотрев на помощника.

– Нам звонили из «Аркадии»...

Соколовский утром догнал Вику в коридоре, надеясь, что Королев еще не приехал и не станет свидетелем его поползновений. Но едва Игорь успел произнести «доброе утро», как навстречу им из двери вышел Илья с какими-то папками в руках.

– Кому интересные новости? – тут же осведомился эксперт. – Вижу ваше нетерпение и сразу делюсь! На пузырьке со снотворным отпечатки погибшей Ивановой.

– И что это значит? – удивился Соколовский.

– Так это самое интересное! – Глаза эксперта горели энтузиазмом. – Лекарства на складе брали, фармацевт их брал, а в итоге на пузырьке отпечатки только Ивановой и только пальцев ее правой руки.

– Подождите, – догадался Соколовский. – Пузырек с лекарством обычно человек держит в левой руке, а открывает правой.

– Только если ты не левша! – поправил его Илья.

– А покойная?

– Не левша! – подтвердил эксперт.

– Кто-то протер пузырек и вложил его в правую руку Василисы, – сказал Соколовский, повернувшись к Родионовой. – И кто? Ковалев? А может... Вика, я отлучусь, надо кое-что проверить.

– Поделиться не хочешь? – Родионова сделала строгое лицо.

– А вдруг ерунда? Я быстро.

Возле здания университета было довольно многолюдно по причине солнечной, слабо морозной погоды. Слышался смех, девичий визг, летели снежки. Расспросив веселящихся студентов, нет ли кого здесь с факультета энергетических установок, Соколовский нашел наконец трех парней, кутивших в сторонке.

– Привет, парни, – подошел к ним Игорь. – Витьку Ковалева знаете?

Парни переглянулись и как-то подозрительно посмотрели на незнакомца. Соколовский ждал, что последует за этой странной реакцией.

– Слушай, чел! – сказал один из студентов. – Мы тебя не знаем и, какое у тебя к Витьку дело, тоже не знаем.

– Он у меня сноуборд купить хотел, – небрежно ответил Соколовский, – и куда-то слился. А меня уже другие покупатели спрашивают.

– Витек такой, да, – засмеялся второй студент. – Только его сегодня нет. Он вообще в универе раз в неделю если появится, и то хорошо.

– Ага, – поддакнул первый. – Он же у нас стартапер. То фастфуд открывает с курбургерами и свинбургерами. То доставку пиццы беспилотниками.

– Креативненько, – с улыбкой заметил Соколовский. – И че, инвесторы были?

– Да ни фиги, ходил, агитировал всех. Вкладывайте, говорит, потом вам дивиденды посыплутся. Нашел дебилов, как же.

– Да он двинутый на своих стартапах.

– Да? Ну ладно, – Соколовский поднял руку, – бывайте, парни. Не найду, так продам кому другому.

Виктор Ковалев, как Соколовский и предполагал, оказался дома. Он даже сам открыл ему дверь. Не успел Игорь и слова сказать, как парень сразу же «встал в позу».

– Я не буду с вами разговаривать без родителей! – заявил он безапелляционно.

– Во-первых, ты совершеннолетний, – спокойно начал объяснять Соколовский, – и я могу допрашивать тебя в их отсутствие. Во-вторых, я совсем по другому вопросу.

– По какому? – с подозрением в голосе спросил Виктор.

– Хотел про твой стартап поговорить. – С этими словами Игорь сунул Виктору визитную карточку: «Major Capital. Соколовский И. В. Председатель совета директоров».

Дальше разговор продолжился в комнате Виктора. Парень сидел, разглядывая визитку, и с сомнением расспрашивал:

– Но это же по закону нельзя! Вы в полиции работаете и одновременно председатель совета директоров компании...

– Всем нельзя, а мне можно, – подмигнул Игорь. – Вкурил?

– Вкурил. А откуда вы про стартап узнали?

– Промышленный шпионаж, – со значением произнес Соколовский и снова улыбнулся,

чтобы не особенно напрягать парня.

– И что вам от меня надо?

– Хочу вложить деньги в твой проект, – уверенно ответил Соколовский.

– Что, правда? – оживился Ковалев.

– А то. Про сеть отечественных забегающих слышал? Типа поешь, как дома? Можем опередить.

– Вот и я отцу так говорил! – возбужденно заговорил Виктор. – А он – ерунда, глупости, кому это надо. Послал меня.

– И ты решил взять деньги в другом месте, – вставил Соколовский.

– Э... – Виктор сделал паузу. – Не понимаю, о чем вы.

– А знаешь, в чем ты лоханулся? – со спокойной задумчивостью сказал Соколовский. – Твои отпечатки на замке там, у трансформатора.

Ковалев-младший смотрел на Соколовского, и в его взгляде была странная смесь удивления и недоверия. Но дальнейшая его реакция оказалась как раз такой, какой ее Соколовский и предполагал. Парень бросился к выходу, но Соколовский его опередил и встал на дороге. Тогда Виктор побежал по лестнице на второй этаж. Из мансардного окна он перелез на маленький балкон, с него спрыгнул на крышу гаража, потом в снег на газоне. Рванув калитку, Виктор замер, потому что в грудь ему уперлось дуло пистолета, который держал Жека.

– Видишь ли, – рассказывал Вике Соколовский, сидя в отделе у ее стола, – Ковалев-старший на шантаж повелся, миллион матери Василисы передал. А Василиса деньги нашла и к отцу поехала.

– Налаживать отношения? Или скандалить? – спросил Даня.

– Уже не узнаем, – развел Соколовский руками. – Ковалева дома не было, и деньги Василиса вручила сводному брату Вите.

– То есть он присвоил деньги, а ее... – Вика поморщилась, – убил? Сводную сестру?

– Да плевать он на нее хотел! – зло ответил Игорь. – Опоил снотворным. Уложил в машину. Коротнул трансформатор. Машину завел. The end.

– Он нам показал, где деньги спрятал, – добавил Жека. – Тупо под домом. И телефон отдал. Сумку Василисину в помойку, а телефон жаба задавила выбросить. Телефон-то хороший.

– Сволочь, – коротко высказался Королев.

– В общем, эта сволочь сейчас у Пряника признательные показания пишет, снисхождения хочет, – заторопился Соколовский. – Вик, у меня дела. Личные. Жека все оформит.

Притоны всегда чем-то похожи, несмотря на то что располагаются в разных домах и квартирах или иных заведениях в тех частях зданий, куда доступ посторонним ограничен. Они похожи на лица своих клиентов, похожи тем, что в таких местах всегда царит одна и та же атмосфера безбашенности, безумия, дикости. Когда долго живешь среди нормальных людей, то посещение настоящего притона дает довольно сильные ощущения, после которых не сразу снова начинаешь верить в светлое и доброе на земле.

Два черномазых охранника преградили Соколовскому дорогу на лестнице, но он сунул в ладонь каждому по приличной толщины пачке «зелени», и они тут же расступились. Неторопливо поднимаясь дальше по лестнице, Соколовский переступил через парня, лежавшего с бледным, как у мертвеца, лицом. Рядом валялся пустой шприц. Девушка вышла пошатываясь. Она смотрела стеклянными глазами и на вопрос только помотала головой, как кукла. Еще выше в большом эркере на деревянной лавке парень и девушка занимались сексом. Скорее даже парень трахал девицу в бессознательном состоянии. Задранный подол ее юбки, безвольно и бесстыже раздвинутые белые ноги, трусики, валявшиеся на грязном, заплеванном полу.

Соколовский шел дальше. Он толкнул следующую дверь и вышел в какой-то двор, который отделяли от всего мира высоченные глухие кирпичные стены. Несколько парней под кайфом жарили сосиски над горячей бочкой. Подойдя к ним, Соколовский показал фото с экрана телефона. Парни только отмахнулись. Один стал настойчиво предлагать косяк.

Снова дверь. Полутемное помещение, кальян, сильно пахло алкоголем. На прозрачном столике – дорожка белого порошка. Девушка, улыбнувшись незнакомцу, взяла трубку и медленно повела вдоль дорожки, вдыхая в себя белый порошок.

Наконец он нашел приличное помещение. Это был большой каминный зал с дорогой мебелью. В центре танцевала стриптизерша, у бара топтались парни и девушки. На большом кожаном диване сидел здоровенный мужчина с бритым мускулистым затылком, чуть заплывающим жирком. Рядом с ним жались и ласкались две обкуренные девицы. Соколовский обошел диван, встал перед мужчиной и показал фото на экране телефона.

– Я ищу своего друга, – сказал он. – Его зовут Стас. Знаешь, где он?

Мужчина сильным толчком вышвырнул с дивана девиц. Он покачал головой и ответил коротко:

– Он умер.

Не вовремя зазвонил телефон. Соколовский посмотрел на экран. Неприятно кольнуло от того, что на экране высветилось: «Номер не определяется». Не ждал Игорь ничего хорошего от абонентов, чей номер нельзя было определить. Это как смотреть на человека в маске, как разговаривать с человеком, который прячет глаза под темными очками.

– Алло?

– Игорек! Ну что ж ты такой неугомонный, а? – послышался голос Стаса.

– Так скучаю, – закрутил головой Соколовский. – Не звонишь, не пишешь.

– В этой игре – мои правила!

Игорь бросился к окну. В помещении Стаса не было, на улице пустынно, только женщина с сумкой медленно шла по улице.

– Не так резво! – сказал Стас.

– Где ты?

– Правило номер раз, – предупредил Стас. – Будешь ко мне соваться – я буду соваться к тебе.

– Ты и так суешься, – торопливо ответил Соколовский, пробегая другие помещения в поисках места, откуда Стас мог его видеть и разговаривать с ним. – Суешься без всяких правил.

– Потому что это – моя игра. – Голос Стаса изменился, стал как-то холоднее. – Ты у меня отнял самое дорогое. А я такого не прощаю.

– Что ты заладил: игра, правила. Тебе я нужен – так приходи. – Соколовский начал злиться.

– И как тебя в полиции держат? – засмеялся Стас. – Ты же реально тупой, главного не слышишь. Дорогой мой человек... Дорогой мой человек...

Соколовский резко остановился на лестнице. Но Стас отключился, и в трубке послышались лишь короткие гудки, а потом тишина. Но в голове у Игоря звучали слова: «Ты у меня отнял самое дорогое... Дорогой мой человек...»

Когда Даня и Вика вышли из машины, из подъезда появился Соколовский.

– Игорь, ты что тут делал?

– Ты же поехал свои дела решать? – напряженным тоном спросил Королев.

– Я и решаю.

– У меня в подъезде?

– Да не напрягайтесь так! – широко улыбнулся Соколовский. – Ехал мимо, решил заглянуть, насчет здоровья сестры разузнать...

– Спасибо за участие, Соколовский, но мы уж как-нибудь сами, – ответил хмурый Королев и взял Вику под локоть: – Идем!

Даня решительно оттер Соколовского с пути плечом. И когда дверь подъезда открылась, Игорь сказал вслед:

– К Ане какой-то мужчина приходил.

– Что? – Вика сразу остановилась и повернулась к нему.

– Соседка сказала. Маргарита Тимофеевна. Милейшая женщина.

– Вика, мы со всем разберемся, – с нажимом произнес Даня и увлек Вику в подъезд.

Соколовский не успел ничего сказать, у него зазвонил мобильник, и пришлось лезть в карман. Когда Игорь увидел, кто ему звонит, на его лице промелькнула довольная и злая улыбка.

– Сейчас же, слышишь, сию же минуту чтобы был у меня! – прорычал в трубке голос Игнатьева. – Ты думаешь, тебе все позволено? Нет, сволочь, я тебе покажу, где твое место!

– Сейчас приеду. И не кричите, Аркадий Викторович. Мужчин за пятьдесят истерики не красят.

Игорь сел в машину, и автомобиль буквально сорвался с места, унося его от дома Вики. Стас смотрел ему вслед из старенькой «Лады Калины» и улыбался одними губами. Игорек, Игорек... Купился как ребенок. Он высыпал себе в ладонь несколько таблеток из пакетика и бросил в рот.

Вика готовила чай и поглядывала на Аню. Сестра выглядела вполне спокойной.

– Ань, а к нам кто-то приходил? – спросила Вика как бы между прочим.

– А что? – равнодушно спросила сестра.

– Ну, не знаю... Так приходил или нет?

– Нет, – удивленно ответила Аня. – Просто кто-то адресом ошибся. Ну, то есть к нам никто не приходил – так, в дверь позвонили.

– Кто?

– Какой-то мужик, Вик. Я не знаю. – Аня начал нервничать, встала со стула и подошла к окну.

– Какой? – продолжала твердо допытываться Вика.

– Я окно открою? – тихо сказала Аня, открывая окно и делая глубокий вдох. – Мужик невысокий, короткая стрижка... Обычный, не знаю, что про него сказать. И не понимаю, почему он тебя интересует.

– Соседка его видела, он ей не понравился, – ответила Вика и тут же бросилась к сестре.

Ее опередил Даня. Оттолкнув Вику, он подлетел к окну, едва успев подхватить Аню, которая начала валиться наружу. Он осторожно опустил на пол ее безвольно расслабленное тело.

Когда они уложили Аню в постель и тихонько вышли, Аня подняла голову от подушки и посмотрела на дверь. Потом прислушалась и достала из кармана халатика телефон.

– Привет... – зашептала она в трубку. – Я тебя прошу, не приходи больше! Тебя соседка видела. Они меня прижали – я еле вывернулась. Пожалуйста, поверь мне, я обязательно что-то придумаю! Она возьмет кредит. Я ее уговорю, обещаю! Пожалуйста, потерпи! Я очень тебя люблю...

Игнатьев стоял напротив Соколовского, с трудом сдерживая бешенство.

– Соколовский, ты совсем охренел? Что это за переговоры за моей спиной?

– Жестокий мир капитала – он такой, – наслаждаясь бешенством своего врага, процедил сквозь зубы Игорь. – Ну, раз уж все вскрылось, скажу прямым текстом: я хочу купить помещения, где располагаются ваши продуктовые магазины.

– Ты не имеешь права! – прошипел Игнатьев.

– Конечно, имею. И закон на моей стороне. Я покупаю, владельцы продают.

– Они разорвут сделку.

– Черта с два, – уверенно усмехнулся Соколовский. – А если вы предложите больше, я предложу еще больше, и вы в итоге спасуете, потому что я – молодой и амбициозный, а вы – жадный и злой! А если вы попытаетесь на них надавить, то это уже будет произвол и уголовщина, так ведь?

– Мальчишка! – стиснул зубы Игнатъев.

– Да, вам повезло. Если бы вас так девчонка сделала... Вот позору-то...

Телефон в кармане запищал, и Соколовский полез за ним.

– Сорри.

На экране красовалась эсэмэска от Кати: «Родители ждут нас вечером на ужин. Торопись и не забудь цилиндр и перчатки». Соколовский улыбнулся, глядя в пышущее гневом лицо Игнатъева.

– Извините, но мне пора бежать.

Игнатъев проводил взглядом выходящего из кабинета Игоря, потом сжал кулаки и сел за стол. Одним движением он в бешенстве смахнул со стола на пол и бумаги, и настольные приборы.

«Катя великолепно водит машину», – подумал Игорь, сидя рядом с ней и наслаждаясь полетом по ночной улице.

– Так где же твой цилиндр? – улыбнулась Катя, не поворачивая к нему головы.

– Цилиндр в чистке, перчатки потерял.

– Ладно, – засмеялась девушка. – И так сойдет.

– Я буду просто мил и приветлив.

Подъехав к воротам, Катя посигналила. Панель поползла в сторону, освобождая проезд. Заснеженная территория с елями была сказочной в свете огней и праздничной иллюминации на фасаде дома. Катя взяла Соколовского за руку и потащила за собой. Они потопали ногами, сбивая снег с подошв, потом сбросили пальто, и Катя привела Игоря в комнату на втором этаже. На столе горели свечи, стояла красивая посуда с легкими закусками, вино, коньяк, водка.

– Мама, мы тут! – крикнула Катя.

– Да, да! Иду, – послышался голос, и в комнату вошла мать Кати. Зрелая женщина с длинными волнистыми волосами и мягкими губами.

– Знакомься, мама, – это Игорь.

– Добрый вечер, Вера Сергеевна. – Соколовский сделал легкий полупоклон и вежливо улыбнулся.

– Игорь. Ну да. Конечно. – Вера Сергеевна сложила на груди руки, сжав кисти. – Очень приятно. Вы... простите, Игорь, но глава семейства немного запаздывает.

– Ничего страшного, – сказал Игорь и посмотрел на Катю.

– Можем начать без него, мы же не в театре. А папа присоединится.

Катя замерла и торжественно подняла указательный палец. И тут же все услышали, как внизу хлопнула входная дверь.

– Пап, мы уже тут! – звонким голосом крикнула девушка на весь дом.

Соколовский повернулся к двери и засунул руки в карманы. Аркадий Викторович Игнатъев вошел и замер на месте с рукой, вытянутой вперед для рукопожатия с женихом дочери. Соколовский широко и приветливо улыбнулся:

– Здравствуйте, папа.

Игнатьев держался хорошо. Игорь видел, как он напряжен, но внешне отец Кати ничем не выдавал ни своей неприязни к Соколовскому, ни даже того, что знаком с ним. Игорь и сам чувствовал сильное напряжение. Трудно было сдерживаться, наружу рвалось желание сказать и сделать что-то дерзкое, хотелось унижить Игнатьева.

– Игорь, а чем вы занимаетесь? – осторожно спросила Вера Сергеевна. – Надеюсь, что-то более серьезное, нежели Катины квесты?

– Мама... – Катя недовольно сморщила носик.

– Хочу закрутить собственное дело, – не сводя глаз с Игнатьева, заговорил Соколовский. – Вот сейчас прощупываю почву, ищу помещения для сети супермаркетов.

– Надо же, – напряженно улыбнулась Вера Сергеевна. – Аркадию как раз принадлежит такая сеть!

– Серьезно? – изобразил удивление Соколовский. – Какое совпадение, Аркадий Викторович. Ведь совпадение же?

– Не верю я в такие совпадения, – медленно проговорил Игнатьев, имея в виду совсем другое.

– Вот и я не верю. Хотя... – Соколовский улыбнулся, хотя его улыбка больше была похожа на оскал. – Интересная штука – жизнь! Может, еще партнерами будем?

– Не нуждаюсь! – слишком резко бросил Игнатьев, отчего жена и дочь с удивлением посмотрели на него.

– Пап, ты... устал, да?

– Виноват! – Соколовский примирительно поднял руки. – Давайте про семейное. Где будем жить, сколько у нас будет детей... – Он повернулся к Кате: – Милая, сколько, как ты думаешь?

– Двое? – с немного натянутой улыбкой ответила Катя.

– Да ну, это неспортивно. Один туда, другой сюда, а потом стакан воды некому подать. Я считаю – семь! А что? Красивое число, сказочное! Семь гномов, семь самураев.

Игнатьев неожиданно поднялся, прервав Соколовского. Он сдернул с коленей салфетку и бросил на стол.

– Может быть, по сигаре? – предложил он, глядя Игорю в глаза.

– К сожалению, не курю.

Вера Сергеевна и Катя непонимающе переглянулись. Они чувствовали, что между мужчинами что-то происходит. Но пока списывали все лишь на тяжелый характер главы семейства.

– Есть тир. Устроит?

– Можно, – согласился Соколовский и тоже поднялся из-за стола.

Уставшая после рабочего дня, Вика не замечала, что сестра слишком напряжена сегодня. Справившись о здоровье Ани, она отправилась заваривать чай и собирать легкий ужин. Аня сидела за столом и рассматривала буклет, который Вика в прошлый раз принесла из банка, когда ходила консультироваться по поводу кредита.

– Слушай... Ну вообще, мне кажется, не очень все страшно, – читая буклет, сказала Аня.

Вика бросила взгляд на сестру, но промолчала.

– Знаешь, – продолжила Аня, – вот есть люди, которые не умеют откладывать, а это даже дисциплинирует – каждый месяц относишь в банк конкретную сумму. Тебе сколько сказали, могут под эту квартиру дать? Шестьдесят процентов от стоимости? Это же где-то пять-шесть

миллионов? Я вот точно никогда не смогу скопить такие деньги. Так как?

– Да никак, – пожала плечами Вика.

Она взяла буклет из рук сестры и бросила в мусорное ведро. Аня, прикусив губу, смотрела, как цветная глянцевая бумажка летит в мусор.

Выстрелы глухо отдавались под сводами тира. Все выпущенные Игнатьевым пули легли в районе «головы» мишени. Чувствовалось, что он нервничает.

– Это и был твой план?! – спросил Игнатьев.

– Или ваш? – вопросом на вопрос ответил Соколовский.

– Я бы... никогда! – резко ответил Игнатьев, выпуская последний патрон, но так и не попав в «голову». – Никогда не позволил бы своей дочери находиться с тобой в одной комнате!

Он швырнул пистолет на столик и отошел в сторону. Соколовский поднял оружие, не спеша зарядил, загнал с лязгом патрон в патронник.

– Ну да... Вы же всегда ни при чем! Машину взорвали – не вы! Иск отозвали – не в себе были! С кем встречается дочь – не в курсе! Не круто через дочку действовать, Аркадий Викторович!

– Мне плевать на все, что ты говоришь! – выпалил Игнатьев. – Но в мой дом ты больше не придешь! И ты больше не встретишься с моей дочерью!

– Вот как? – спокойно спросил Соколовский.

– Так! – рявкнул Игнатьев.

– А вот это мы с Катей решать будем. А не вы. – И, подняв пистолет, Игорь выпустил несколько пуль, уложив их в область «сердца».

Катя с матерью сидели за столом. Дочь крутила в ладонях бокал и задумчиво глядела на огонь свечи. Мать куталась в платок и смотрела с тревогой на дочь, прислушивалась к звукам из подвала.

– Катюша, – осторожно спросила Вера Сергеевна, – ты уверена, что это тот, кто тебе нужен?

– Мне хорошо с ним. Мы на одной волне, понимаешь?

– Наверное, – грустно ответила мать.

Дверь распахнулась, и вошел Соколовский. За ним следом отец.

– Вы быстро, – ловя взгляд Игоря, а потом отца, сказала Катя.

– Не сошлись во мнениях. Спасибо, Вера Сергеевна. Спасибо, папа. Рад был познакомиться с твоими родителями, Катя.

– Ты что, уходишь? – недоуменно спросила девушка, снова глядя то на Игоря, то на отца.

– Скажите ей, – бросил через плечо Игнатьеву Соколовский.

– Пошел вон, – с тихим гневом ответил Игнатьев.

– Папа! – в ужасе воскликнула девушка.

– А, вы хотите, чтобы я сказал? – удивился Соколовский.

– Закрой рот! – повысил голос Игнатьев. – Ноги твоей здесь больше не будет!

– Может быть, вы, Вера Сергеевна? – Соколовский посмотрел на мать.

– В чем дело? – потребовала Катя, оттолкнув стул и поднимаясь из-за стола. – Что ты мне хочешь сказать?

– Катя училась за границей, и мы... – тихо ответила Вера Сергеевна. – Мы ей не говорили...

– Не говорили – что?

– Ничего! – отрезал отец.

– Мой отец был убит по заказу твоего отца, – сухо ответил Соколовский.

– Потому что он заказал меня! – выпалил в гнев Игнатьев.

– А потом я пытался убить твоего отца, – так же сухо добавил Соколовский. – Как видишь, у

меня не вышло.

– Папа! На тебя... было покушение?

Игнатъев молчал, раздраженно потирая пальцем висок, Вера Сергеевна, сжав голову, сидела, глядя куда-то в пол.

– Мне лучше уйти, – сказал Игорь. – А тебе – остаться. Но если что – ты знаешь, где меня искать.

Повернувшись, Соколовский обошел стоявшего столбом мрачного Игнатъева и вышел из комнаты. Катя пристально смотрела на отца.

– И что еще вы мне не рассказывали? – спросила она с плохо скрываемым негодованием.

– Тебе недостаточно? – проворчал отец.

– Все закончилось благополучно, – тихо добавила мать. – Мы не хотели, чтобы ты волновалась!

– Закончилось? – с вызовом спросила Катя. – А по-моему, ничего не закончилось!

– Ты больше не будешь с ним встречаться! – отрезал отец.

– Может быть, для начала вы все мне расскажете?

– Я сказал: ты не будешь с ним встречаться. Нигде и никогда!

– Мне пора, мама.

– Стой! – крикнул отец вслед дочери. – Хочешь знать, как все было? Садись, я расскажу! В деталях!

– Не стоит, – донеслось с лестницы. – Потому что, если ты действительно расскажешь все, как было, боюсь, узнаю еще чего-нибудь, чего не должна знать. Не только об Игоре. Но и о тебе, папа!

Катя и сама не поняла, почему приехала сюда, в Елагин дворец, где они когда-то так романтично ужинали с Игорем. Она села на ступени и стала искать в Интернете статьи о покушении на своего отца. Увидела фотографии Соколовского в качестве обвиняемого. А ведь здесь и не так давно Игорь рассказывал ей о некоем человеке, который убил его отца.

Выставка проходила в загородном доме художницы. Среди приглашенных – только люди из высшего света, только люди с положением, имеющие вес в этом мире. Официанты с бокалами шампанского на подносах неслышно сновали среди гостей. Несколько фотографов из известных популярных изданий проводили съемку картин и самого мероприятия.

Сама Валентина Крылова, надменная ухоженная дама лет пятидесяти, известная бизнесвумен, прохаживалась среди гостей в образе, тщательно разработанном для нее дорогим стилистом. По сценарию, очередной этап съемки должен был проходить возле картины «Одиночество». Одинокое дерево на скалистом утесе вызывало тревогу. И сейчас оператор с журналисткой выбирали ракурс, с которого лучше было снять очередной кусок интервью.

– А эту картину я назвала «Одиночество», – глубокомысленно стала рассказывать Крылова. – Я написала ее довольно давно, после того как в моей личной жизни произошла трагедия. Меня оставил человек, которого я искренне любила...

– И вы нашли утешение в живописи?

– Да, и это стало одним из шагов к моему успеху. Именно поэтому я и решила: людям пора увидеть мои картины. Ведь мой успешный бизнес – это еще не все, я хочу, чтобы перед всеми раскрылся мой внутренний мир, мои переживания.

– Да, сегодняшняя выставка стала неожиданностью для многих, – работая на камеру, заговорила журналистка. – Кто мог подумать, что Валентина Крылова, владелица известной финансовой компании, еще и тонкий, многогранный художник, чьи работы...

Интервью, как, собственно, и порядок в зале, были нарушены странным голым человеком,

пробежавшим по дорожке к дому. Он был с ног до головы вымазан краской и держал в руках небольшие пакетики, наполненные краской. С громкими воплями этот мужчина стал носиться по выставке среди шарахающихся от него гостей. Он прижимался к картинам обнаженным телом, оставляя на полотнах следы краски. В некоторые картины он швырял свои «бомбочки», которые шлепались, разбрызгивая краску.

– Коля, снимай, снимай! – закричала журналистка, поворачиваясь к залу. – Валентина, это перфоманс? Часть выставки?

Взбешенная Крылова отрицательно замотала головой и в ужасе прикрыла рукой рот. Охранники попытались поймать неизвестного, но он успел добежать до забора и перелезть через него.

– Коля, ты снял? – в надежде спросила журналистка у оператора. И когда он утвердительно кивнул, она снова обратилась к Крыловой: – Как вы можете прокомментировать то, что произошло буквально на наших глазах?

– Без комментариев! – злобно бросила Крылова и, оттолкнув направленную на нее камеру, ушла.

Кати не было. Игорь сидел на ступеньках у подъезда ее дома и просто смотрел на улицу. Думать о чем-то не хотелось, не хотелось смешивать Катю и все остальное, но оно смешалось само, и с этим нужно было что-то делать. А что? Достав телефон, Игорь некоторое время смотрел на него, потом попробовал набрать смс. После первого же слова «Катя» он остановился... и стер все.

Прошел вызов, Соколовский, не глядя, снова схватил телефон:

– Катя...

– Игорь? – послышался голос Родионовой. – Нужно сейчас приехать на выставку картин Валентины Крыловой.

– Вик, рабочий день давно закончен, – уныло пошутил Игорь. – А для свиданий я сейчас не в форме. Позвони Дане...

– Игорь, – сдерживая негодование, снова заговорила Вика. – Это вызов. Все уже едут туда. Будь там через тридцать минут.

Убрав телефон, Соколовский посидел еще немного, потом сделал усилие над собой и встал. Отъезжая с парковки от дома Кати, он не заметил, что ее машина буквально через несколько секунд встала на то же место.

Выставка выглядела удручающе. Все было забрызгано краской, даже пол и светильники. Соколовский, осторожно ступая по перепачканным полам, прошелся вдоль картин. Королев беседовал с охранником, Жека допрашивал посетителей. А вон стоят журналистка и ее оператор, с интересом и жадностью оглядываясь вокруг. Эти, наверное, успели запечатлеть все самое интересное. Теперь ждут новую добычу. Увидев поднос с бокалами, Игорь взял шампанское и двинулся дальше, рассматривая картины.

– Приехал? – подошла к нему Родионова. – Я уже успела поговорить с Крыловой.

– Неплохая выставка. Была. Шампанское? – предложил он.

– Нет, – буркнула Вика, которая уже начал привыкать и даже иногда мириться с выходками Соколовского.

– А мне не помешает, – вздохнул Игорь и пригубил бокал.

– Крылова в истерике, – стала рассказывать Вика. – Труд всей жизни...

– Чушь, – спокойно ответил Соколовский. – Труд всей ее жизни – развод с мужем. Единственный случай, когда жена олигарха смогла отобрать у мужа в буквальном смысле все.

Журналистка нашла наконец новую, подходящую для скандального репортажа цель и вместе

с оператором оказалась возле Родионовой и Соколовского.

– Простите, а вы не можете сказать несколько слов для нашего канала?

– Не можем, – ответил Соколовский. – И нам нужно отснятое вами видео.

– Баш на баш, – предложила девушка.

– Ладно, – усмехнулся Игорь. – Вы сами попросили. Снимайте.

Встав на фоне испорченного полотна так, чтобы пятна краски были хорошо видны, он кивнул, что можно начинать. Девушка поднесла Соколовскому микрофон, оператор, держа на плече камеру, начал снимать.

– Что вы можете сказать по поводу акта вопиющего вандализма, – начала интервью журналистка, – который произошел сегодня на выставке работ госпожи Крыловой?

– Очевидно, что госпожа Крылова многих бесит, – откровенно заявил Соколовский.

– И какие версии есть у следствия?

– Например, что выставку можно было обставить с меньшим пафосом, – с самым серьезным видом пояснил Соколовский.

– И какие действия собирается предпринять следствие, чтобы найти вандала?

– Следствие собирается для начала как следует нажраться, – заявил Соколовский и прямо перед камерой осушил до дна свой бокал с шампанским.

Вика замахала Соколовскому рукой, чтобы немедленно прекратил валять дурака, ведь эти материалы могут попасть в какую-нибудь передачу. Журналистка попыталась отобрать у Игоря микрофон, но он продолжал сопротивляться и снова поднес его ко рту.

– А картины, на удивление, не плохи.

И тут над всеми навис мрачный Королев. Предъявив журналистке свое удостоверение, он потребовал:

– Отснятые на выставке видеоматериалы, на электронном носителе, быстро.

Все в отделе с утра спокойно смотрели отснятые оператором кадры, только Жека все время сдерживался, чтобы не прыснуть в кулак.

– И не холодно ему... без штанов? – попытался острить Аверьянов.

– Что с отпечатками? – строго спросила Родионова, показывая, что не склонна сегодня шутить.

– В базе данных таких нет, – ответил Королев.

– А видео с камер наблюдения взяли?

– Я просмотрел. Он везде к камерам... так скажем, спиной. Это вот – лучшее, что у нас есть.

Королев кивнул на стоп-кадр на мониторе. Соколовский попросил еще раз перемотать несколько мест и сделал свой вывод:

– Так он что, знал, где стоят камеры?

– Так, все. – Вика указала авторучкой на Королева: – Даня, ты пообщайся с охраной. Я выясню, кто организаторы выставки. Может, это связано с ними. Игорь, ты едешь к Крыловой, расспросишь, какие у нее версии.

– У нас не самое теплое знакомство, – скривился Соколовский.

– Это я поняла. Работе не мешает. Жека, изучи видеоматериалы. Может, мы что-то упустили.

Когда все вышли из кабинета, Жека с унылым видом отодвинул клавиатуру, погасил экран монитора и достал из выдвижного ящика стола брачный контракт.

Пробка на дороге возникла неожиданно, и пришлось сначала снизить скорость, а потом вообще плестись со скоростью пешехода. Соколовский огляделся на улице и понял, что объехать

этот участок ему тоже не удастся. Снова под руку попался телефон на сиденье. Помедлив, Соколовский нашел в адресной книге «Катя» и нажал вызов.

Катя сидела с эскизами нового квеста и, когда зазвонил телефон, сразу схватила его. Посмотрев на номер абонента, девушка помедлила и нажала отбой. Потом снова взяла его в руку и набрала текст эсэмэски: «Не могу говорить. У меня встреча».

Крылова была строгой и печальной. Сегодня все картины были уже сняты и составлены в одном углу. Несколько уцелевших, испорченных незначительно, стояли отдельно. Соколовский шел рядом с ней, неторопливо рассматривая следы вчерашнего безумства неизвестного человека.

– Валентина Владимировна... – начал было он, но художница поправила:

– Можно просто Валентина.

– Как думаете, кто хотел бы уничтожить ваши картины?

– У меня много врагов, – с той же печалью в голосе ответила Крылова.

– Да, вы многих бесите, – заявил Соколовский и тут же уточнил: – Не я придумал – это я слышал по телевизору.

– Нет ничего отвратительнее зависти.

– Согласен. И все-таки кому могло понадобиться так вас унижить – при большом скоплении гостей и прессы?

– Мой муж? – предположила художница.

– Я немного знаю об Иннокентии – для него это как-то... мелко. Вам не кажется?

– Других подозреваемых у меня нет, – покачала головой Крылова. – Кеша не может простить мне успеха. Именно после его предательства и развода я серьезно взялась за кисть.

Соколовский остановился перед испорченной краской картиной, изображавшей девушку с птицами, вылетающими из головы.

– Скажите, а что означает эта картина?

– Вы сами не видите? – не очень любезно ответила Крылова. – Тут девушка с птицами.

– Нет, я спрашиваю, не что на ней изображено, а что она означает?

Художница неожиданно замолчала, как будто подбирала слова. Потом неохотно заговорила, прикоснувшись пальцами к раме:

– Эта девушка – я. А это мои проблемы. Видите, как их много?

– Вижу.

– То, что произошло с моей выставкой, – это еще одна проблема. Вот вы понимаете, что это означает?

– Птиц в голове прибавилось? – брякнул Соколовский с самым невозмутимым видом.

– Это означает, что вы должны решить эту проблему. Ходите, спрашиваете, а ничего не происходит. Я говорю – это мой муж. Почему ничего не происходит?

– Не сомневайтесь, – пообещал Соколовский. – Произойдет.

Бывшего мужа Крыловой вызвали в отдел для дачи показаний на девять утра. И ровно в девять в дверь ввалился крепкий мужчина в мохнатой шапке, валенках и толстом свитере. Как-то сам собой напрашивался большой овчинный тулуп, но если он и существовал на самом деле, то, видимо, остался в машине.

– Вызывали? – сочным басом спросил мужчина, осматриваясь по сторонам.

– Для Деда Мороза рановато, – оценил Королев колоритный вид гостя.

Соколовский торопливо встал из-за своего стола и пошел навстречу Крылову:

– Иннокентий Семенович, доброе утро. Коллеги, это бывший муж Крыловой.

– Олигарх, – понимающе кивнул Королев.

– Тоже – бывший, – ответил Крылов.

– Скажите, где вы были вчера вечером, Иннокентий Семенович? – спросил Соколовский, усаживая визитера на стул возле своего стола.

– Рыбу ловил, – уверенно ответил Крылов. – У меня и свидетели есть. Сегодня после вас тоже поеду.

– Ну-ну, – с сомнением хмыкнул Королев, не поднимая головы. – Посмотрим. Бывший олигарх – рыболов, прямо картина маслом...

– Что, Валентина на меня указала? – догадался Крылов.

– А вы о чем? – сделал большие глаза Соколовский.

– Ребят, – укоризненно покачал головой Крылов, – вы не ходите вокруг да около. Я телевизор смотрю, в курсе событий. Я к вам сразу приехал, чтобы вы время зазря не тратили. Мотив у меня, конечно, есть – скандальный развод, все в курсе. Но я человек не мстительный. И за Валю только рад.

– Почему тогда на выставку не пришли? – немного язвительно спросил Королев. – Порадоваться!

– Потому что Валя меня на дух не переносит.

– А кто ей, по-вашему, мог желать зла? – снова спросил Соколовский.

– Тут не могу ничего сказать. Отношений у нас с ней сейчас никаких нет, не общаемся, может, и завела врагов...

– То есть раньше у нее таланта не было?

– Художественное училище она окончила, конечно. Пыталась что-то изображать. Потом слезы: «Я – бездарность», – а все неудачные опусы – в топку. А тут – вполне приличные картины вышли!

– А не подскажите, Иннокентий Семенович, – задумчиво спросил Соколовский, – с кем можно про ее ученические годы побеседовать? Может, это привет оттуда?

– Может... Вы попробуйте ее преподавательницу найти. Зовут Еремеева Любовь Ефимовна. Валя в гости ее приглашала, когда за мольберт бралась.

– Спасибо. Найду.

– А вы за стол садитесь, – строго велел Королев, – и все ваши показания изложите письменно. И желательно напишите телефоны тех, кто ваше алиби подтвердить может.

– Раз надо... – нехотя стал пересаживаться Крылов.

– Я уехал, – схватив пальто с вешалки, объявил Соколовский и исчез за дверью.

Королев подсел к Крылову, протянул лист бумаги и авторучку.

– Как же это вы все свои миллионы жене уступили? – спросил он. – И только не надо мне гнилой морали, типа, не в деньгах счастье.

– Счастье в деньгах, безусловно, есть, – степенно и беззлобно ответил Крылов. – Но борьба за них так выматывает... Рыбалка лучше. Точно говорю.

В Художественной галерее готовили выставку, и сегодня здесь допоздна задержались и устроители, и рабочие. Соколовский спросил, где можно найти Еремееву, и ему указали на пожилую женщину, одетую несколько экстравагантно для своего возраста.

– Любовь Ефимовна? – Соколовский подошел и церемонно склонил в приветствии голову. Женщина смотрела на него настороженно. – Я вам звонил. Я из полиции. Интересуюсь работами Валентины Крыловой.

– Я хотела лично вам сказать, – перебила его женщина. – Перестаньте создавать лишнюю рекламу этой бездарии.

Еремеева подошла к стене, поправила картину, сделала шаг назад и с довольным видом кивнула.

– Сурово, – удивился Соколовский.

– Зато без эстетической лжи. Я вообще не понимаю шумихи вокруг ее имени! Я только и слышу отовсюду: Крылова, Крылова, Крылова, Крылова...

– Я не профи, – пожал плечами Соколовский. – Но на выставке были приличные картины.

– Может быть, – неохотно ответила женщина, – хотя я видела только в новостном сюжете.

На выставку меня не пригласили.

– Интересно. Вы же вроде как любимый учитель?

– Учитель – да, но любимый ли? – резко сказала Еремеева. – Я всегда искренно говорила девочке: не пытайся прыгнуть выше своей головы.

– Мне уже интересно. Что же там был за ужас? Где можно найти ее ученические работы?

– Уже искали одни, – проворчала женщина.

– В смысле?

– С полгода назад. Приходили люди. Спрашивали про ученические работы Крыловой. Уж не знаю, зачем им?

– Так где работы? – насторожился Соколовский.

– Хранились в училище. Но теперь их там нет. Скупили все до единой.

– А кто искал ее картины – не помните? – стал уточнять Игорь. – Случайно не мужчина лет тридцати пяти, среднего сложения, темные волосы...

– Нет, приходили разные люди. Правда, никто толком не мог мне объяснить, откуда у них такой интерес к ее картинам.

– Тогда последний вопрос. Пока Крылова училась, у нее были поклонники? Завистники? Любые конфликты на творческой почве?

– Молодой человек. – Еремеева посмотрела на Игоря, как на убогого. – У творчества Крыловой не могло быть ни поклонников, ни завистников, потому что не было творчества. И если на то пошло, она сама завидовала всем подряд.

– Кому? Конкретно?

– Всем, кто рисовал лучше ее. А это практически весь курс. Ну что? Остались у вас еще вопросы?

– Видимо, нет, – улыбнулся Соколовский. – Спасибо.

В отделе Родионова с интересом смотрела, чем занят Соколовский. Игорь закреплял на их демонстрационной доске фотографии картин Крыловой. Отдельно испорченные, отдельно уцелевшие. Обернувшись на Вику, он прокомментировал свою выставку:

– Вот уничтоженные. Вот те, что остались.

– Ты думаешь, это важно?

– Я пока вообще не понимаю, за что уцепиться, – откровенно признался Соколовский.

Жека оторвался от ознакомления с брачным контрактом и, глядя на фотографии, сказал:

– Ну, то есть завистников не было. Муж не в обиде. Но кто-то, с одной стороны, все ее старые картины скупил, а с другой – испортил новые.

– Если это один и тот же человек? – предположил Соколовский.

– Какой-то таинственный поклонник? Который в то же время терпеть ее не может?

– А это нормально, – тихо сказал Соколовский Вике. – Как у нас с тобой, да?

– Почему? – так же тихо, с улыбкой, ответила Вика. – Я же тебя как-то терплю.

В этот момент зазвонил телефон Соколовского на столе. Вика бросила мельком взгляд на экран, где высветилось одно слово «Катя». Улыбка тут же исчезла с ее лица, а голос стал сухим и официальным:

– Тебя. Можешь выйти, если тебе надо поговорить.

– Я сейчас. – Схватив телефон, Соколовский вышел.

В коридоре он несколько раз поднимал руку с телефоном, но так и не решился ответить. Прибавив шаг, Соколовский двинулся в сторону кабинета Пряникова. Андрей Васильевич, державший в руке второй свой телефон – старенькую «Нокию», быстро убрал его в стол.

– Да!

Соколовский вошел, плотно прикрыл за собой дверь и сел перед начальником, нервно облизнув губы.

– Мне звонил Стас, – коротко заявил он.

– Что говорил?

– Понимаете, дело не в том, что он говорил, – хмуро пояснил Соколовский. – Дело в том, что со мной происходит.

– Выкладывай.

– А что, если я его недооцениваю?

– То есть? – удивился Пряников. – Что ты имеешь в виду?

– Я думаю, что он клоун и психопат. А что, если он мной управляет? Я вышел из СИЗО, мой адвокат взорвался. И эти новости... Вы не знаете, но я, оказывается, встречаюсь с дочкой Игнатьева.

– Да? Любопытная версия. И ты считаешь, Стас подстроил вашу встречу?

– Может быть... – неопределенно ответил Соколовский.

– И что еще? Ваши свидания, секс? – прищурился Пряников.

– Вы правы, – несколько нервно улыбнулся Соколовский. – Обычная паранойя.

– Не давай ему себя запугать, Игорь. Он хитрый, но он не всемогущ. Ясно?

– Спасибо. – Соколовский кивнул, встал и направился к двери. Там он остановился, подумал и еще раз кивнул.

Пряников некоторое время посидел, глядя на дверь, за которой только что скрылся Соколовский, потом снова достал свой второй телефон, прочитал сообщение, которое на него пришло, и вышел из кабинета. И уже на улице, на морозе, зайдя за угол здания, он набрал номер:

– Слушаю. Да, он только что приходил, рассказывал. А я что могу? Хорошо. Я понял. Постараюсь.

Аня сидела на кухне, забравшись с ногами на диван и завернувшись в плед. Взгляд то и дело возвращался к мусорному ведру под мойкой, куда Вика бросила буклет. Наконец она вскочила, подбежала к мойке, открыла дверку и вытащила из ведра буклет. Забравшись опять на диван с ногами, Аня набрала номер.

– Вы позвонили в банк «СитиКредит», – ответил женский голос с дежурной приветливостью. – Чем могу быть полезна?

– Соедините меня с кредитным отделом, – попросила Аня.

– Минуточку.

Аня слушала музыку, которую включили на время ожидания, и не могла решиться: то ли закончить разговор и снова выбросить буклет, то ли...

– Добрый вечер, меня зовут Вадим, как я могу к вам обратиться?

– Вадим... Надо же, какие совпадения, – не сдержалась Аня.

– Простите, я не расслышал вашего имени?

– Да. Простите. Виктория Родионова, – ответила Аня. – Смотрите, какая история. Я приходила к вам несколько дней назад, узнавала условия кредита под залог недвижимости.

– Вы хотите уточнить условия?

– Нет. Я подумала и решила, что условия меня устраивают. Что я должна делать?

– Речь идет о залоге недвижимости? – уточнил голос в телефоне.

– Да.

– В таком случае для начала мы должны прислать оценщика. Заодно заполните у него заявку на кредит.

– Когда это может быть? – еле сдерживая волнение, спросила Аня.

– Если вам удобно, то хоть завтра. Когда вам удобнее? В обед или, может быть, по окончании рабочего дня?

– Я сейчас постоянно дома, так что лучше часа в четыре.

– Так и запишу: в шестнадцать ноль-ноль. Всего вам доброго!

– До свидания.

Ошалевшая от собственной наглости, Аня еще какое-то время сидела и смотрела на буклет. Потом встала и выбросила его в ведро.

Весь отдел занимался делом. Пожалуй, только Аверьянов втайне от Вики листал на столе не документы, связанные с делами отдела, а брачный контракт, который ему вручил отец Нины. Соколовский стоял возле доски с фотографиями и рассуждал вслух:

– Единственная странность – что до сей поры Крылова талантами не отличалась.

– Не преступление, – коротко прокомментировал Даня.

– Могла кого-то спровоцировать. На любом курсе всегда есть непризнанные гении.

– По своему опыту знаешь? – снова съязвил Королев.

– Завтра сделаем запрос в училище, – сказала Вика, – возьмем список всех сокурсников. Даня, а ты абсолютно уверен, что охрана ни при чем?

– Да я с каждым из четырех по часу беседовал. Спокойные, уверенные ребята.

Жека поднял голову и внимательно посмотрел на Королеву.

– Чего-чего? С каждым из четырех? – переспросил он. – Даня, их пятеро было!

– Вчера, когда я приехала, их было четверо, – с сомнением сказала Вика.

– Я сегодня весь день изучал видео с выставки. Я там по кадру все выучил. Так что поверьте, охранников было пять.

– Ясно, – нахмурился Королев и полез в карман за телефоном. – Николай Георгиевич? Это вас старший лейтенант Королев беспокоит. Да-да, который сегодня был. Вы какого хрена мне лапшу на уши навешали? Вы серьезно думали, я не узнаю, что охранников на мероприятии было не четверо, а пятеро? Что значит – не знаете? А кто должен знать, где ваш сотрудник? Понятно. Сейчас запишу.

Схватив ручку, Королев стал что-то быстро писать, потом отключился и объяснил:

– Один охранник вчера пропал, сразу после мероприятия. Они сами его найти не смогли. Врет, что хотели вначале сами разобраться. Зовут Константин Артемов.

– Адрес есть? – спросила Вика.

– По московскому адресу его нет. Они ездили. Но известно, что он родом из деревни Симоново. От города час езды.

– Поезжайте втроем. Что он за человек, мы не знаем. Может быть, и вооружен.

Когда все трое вышли из отдела, Соколовский выдернул из рук Жеки контракт, который тот прихватил с собой.

– Спокойно, – остановил Соколовский разволновавшегося Жеку. – Покажу моим юристам, пусть почитают. А ты не отчаивайся. Не получилось с Ниной – найду тебе еще кого-нибудь!

– Не, ну Нина мне нравится как женщина, и вообще...

– Тогда тем более не ной! – улыбнулся Соколовский, глядя, как Даня отдирает примерзшие дворники на своей машине. – Королев! Давай с нами! Одной машиной проще! Сядешь на

бездорожье на брюхо – вытягивать не стану.

Покосившись на внедорожник Соколовского и на свою машину, Даня раздраженно пошел к внедорожнику и залез с независимым видом на заднее сиденье.

Проехать через всю деревню не удалось. Дорога просто кончилась, и Соколовский даже на внедорожнике не рискнул туда лезть.

– Пошли пешком, – предложил он, – так надежнее. Зато не придется в нескольких десятках километров от дома искать ночью трактор.

Они брели по улице по колено в снегу, постоянно сбиваясь с узкой протоптанной тропинки. Жека крутил головой больше всех в поисках номеров домов.

– Ну и какой дом Артемова? – спросил он. – По описанию должен быть вот этот. И окно горит.

Жека решительно пошел первым. Соколовский с иронией смотрел на его геройство, поднял ветку и осторожно потрогал его сзади за шею. Испуганный Аверьянов подпрыгнул от неожиданности.

– Да пошел...

Больше ничего Жека сказать не успел, потому что, повернувшись, уткнулся носом в дуло обреза, который держал какой-то здоровенный бородатый дедок.

– Ваша машина? – спросил старик.

– Его, – с удовольствием кивнул на Соколовского Даня.

– Бандиты? – снова лаконично потребовал дед.

– Менты, – в тон ему ответил Игорь.

– Ладно. – Дед дыхнул свежим алкоголем и повел стволом в сторону двери дома: – Внутрь. Внутрь, внутрь, внутрь!

Переглянувшись, оперативники подчинились и гуськом пошли по скрипучим ступеням через холодные сени в дом. На кухне они увидели накрытый стол со скромной деревенской закуской в виде капусты, огурцов, сала. Там же красовалась большая бутылка чуть мутноватого самогона.

– Дед, что празднуешь? – спросил Даня.

– Поминаем хорошего человека, – ответил дед, не опуская обреза и усаживаясь за стол. – А вам чего надо?

Соколовский посмотрел на своих коллег, которые не торопились отвечать, и шагнул вперед сам:

– Артемова ищем. Константина. Знаете такого?

– Что натворил? – вместо ответа осведомился дед.

– Вот мы у него и хотим спросить. Пока непонятно.

Дед обвел всех троих взглядом, потом решительно выставил на стол еще три рюмки.

– Со мной помяните.

– Мы при исполнении, дед, – покачал Даня головой.

– За рулем, – добавил Соколовский.

– А кого поминаем? – спросил Жека.

– Алену Щеглову, – ровным голосом ответил дед, разливая по рюмкам. – Год назад удавилась.

– Ставь пятую, – раздался мужской голос, и из соседней темной комнаты вышел молодой мужчина.

– Тьфу ты! – расстроился дед. – Я бы их сейчас спровадил!

– Да ладно. Надо же парням рассказать, – подсел на лавку к деду мужчина. – Я Артемов и есть.

– Что вы хотели рассказать?

– У Алены Щегловой брат есть, – подняв пятую рюмку, которую налил дед, сказал Артемов. – Андрей его зовут. Он мне историю и рассказал. Алена художница была. Училище окончила. Только с работой не сложилось. Жила тут, рисовала. А потом приехала какая-то. Предложила картины купить. Алена отказалась. Мол, не на продажу. Через неделю дом обнесли и все картины украли. А еще через неделю и Аленки не стало.

– И кто картины украл? – спросил Соколовский.

– А то вы не догадались, – нехорошо засмеялся Артемов.

Андрей Щеглов лежал на раскладушке в маленькой захлавленной квартире. Стук в дверь среди ночи не сразу его разбудил. Но потом он наконец понял, что это за звуки, и сел, сонно протирая глаза. Кто мог заявиться к нему в такое время суток? А в дверь барабанили уже сильнее. А потом послышался мужской голос:

– Гражданин Щеглов, откройте, полиция.

В одних трусах Щеглов кинулся к окну, прикидывая высоту. За окном было холодно, да и высоковато для прыжков. Но надо было как-то действовать. И тут дверь потряс сильный удар, что-то с треском отлетело, и в комнату ввалились трое мужчин с пистолетами в руках.

– А вот и красочка! – ткнул Соколовский стволом пистолета в сторону многочисленных банок из-под краски.

Щеглов опустил на раскладушку, сложив руки на груди.

– Я сопротивляться не собираюсь, – угрюмо и даже как-то обреченно завил он.

Соколовский сел рядом и обнял Андрея за плечи.

– Алену нам жалко, – сказал Игорь.

– Чего? – Щеглов, не понимая, закрутил головой.

– Она вместе с этой гримзой училась? Крыловой? – спросил Даня.

– Ты можешь доказать, что Крылова украла картины твоей сестры? – Соколовский снова стал тормозить Щеглова, чувствуя, что тот никак не поймет, что происходит.

– Думаете, если бы я доказать мог, то стал бы голым с краской бегать? – с горечью ответил Андрей. – Я дал Крыловой шанс. А потом увидел рекламу выставки и не выдержал. Да еще Артемов наш в охране оказался.

– А чего такой способ странный, для мести?

– Я хотел испортить картины.

– Так они застрахованы, – усмехнулся Даня. – Крыловой хорошие деньги заплатят.

– Но новых-то картин она уже не нарисует. Не умеет.

Повисла напряженная пауза. Потом Соколовский поднялся и с улыбкой шлепнул ладонью Щеглова по спине:

– Ты извини, мужик. Но придется тебя штрафовать.

– За хулиганство, – тоже вставая, заявил Жека.

– Несправедливо, – многозначительно заметил Даня.

– Так, есть идея, – вполголоса сказал Соколовский.

Крылова встретила Соколовского в комбинезоне, забрызганном краской. Этот наряд, видимо, следовало воспринимать как рабочую одежду художницы.

– Простите, что я в таком виде. Я как раз работала над новой картиной.

– Замечательно, – кивнул Игорь. – А я, видите, обещал к вам заехать на днях – и выполнил обещание.

– Неужели поймали этого безумца? И что же? Его нанял Иннокентий, как я и говорила, да?

– Я пока ничего рассказать вам не могу, потому что идет расследование. Но ваш бывший

супруг тут ни при чем.

– Это точно? – с сожалением в голосе спросила женщина. – Ну что ж, главное, что я могу чувствовать себя в безопасности. Ведь так?

– Гарантирую, – заверил Соколовский.

– Так что же вы мне хотели сказать?

– Я хотел заказать у вас свой портрет.

Крылова явно смутилась. Она стала слишком нервно двигать руками, ища, чем их занять. Замешательство длилось не очень долго.

– Это так неожиданно... Вы видели, в каком стиле я работаю?

– Вот именно в таком стиле я и хочу портрет.

Снова повисла странная пауза. Соколовский улыбнулся обворожительной светской улыбкой:

– Ну, только не говорите мне, что внезапно разучились!

– Хорошо. Уговорили, – улыбнулась в ответ Крылова.

– Отлично! Так я вечером приеду? – Соколовский поднялся, ожидая согласия.

– Жду вас в семь.

Соколовский шел к своей машине от дома Крыловой, когда позвонил Игнатьев. Посмотрев на экран и увидев его номер, Игорь удовлетворенно хмыкнул.

– Приезжай ко мне в офис. Прямо сейчас, – потребовал Игнатьев в своей обычной безапелляционной манере.

– С какой стати? У меня куча дел.

– И на каком месте в этом списке моя дочь?

– Хорошо, скоро буду, – после долгой паузы согласился Соколовский.

Игнатьев поднялся навстречу вошедшему в его кабинет Соколовскому со стопкой бумаг в руках.

– Что-то случилось с Катей? – спросил Игорь.

– Да. Она связалась с тобой.

– Повезло. Представляю, какого жениха подобрали бы ей вы, – усмехнулся Игорь. – Это все?

– Нет. Это наши предложения по твоим идиотским искам.

– Значит, не такие они идиотские, раз у вас по ним предложения.

– Мы готовы уступить, – резко сказал Игнатьев. – Не во всем, но по ряду позиций. И своих дрессированных миноритариев можешь успокоить.

– А мы в ответ отзываем иски, я правильно понимаю? – поинтересовался Соколовский.

– Неправильно. Есть еще одно условие.

– Катя? – догадался Игорь.

Игнатьев медленно кивнул и в ожидании уставился на Соколовского.

– Нет, – коротко, но уверенно ответил Игорь.

– Ты дурак, Игорь! – швырнув в бешенстве бумаги, крикнул Игнатьев. – Я больше не стану делать тебе предложений, имей в виду. Я буду действовать иначе. Воспользуйся шансом.

– Аркадий Викторович, вы предлагаете мне сделку, – хмуро ответил Соколовский. – Вы торгуете дочерью, а я так не могу.

В приемной Игнатьева появилась Вера Сергеевна, но помощник остановил ее у двери с виноватым видом:

– Извините, Вера Сергеевна, но туда сейчас нельзя.

– Даже мне? – с возмущением в голосе спросила Игнатьева.

– Аркадий Викторович просил никого не пускать, у него очень важный разговор.

– Я подожду. – Вера Сергеевна стала нервно озираться в поисках, куда бы сесть. – У меня

тоже очень важный разговор.

Аркадий Викторович смотрел на Соколовского, и его бесило то, что этот молодой человек так спокоен, а сам он, не сдерживаясь, уже почти орет во весь голос:

– Моя дочь не понимает, как ты ее используешь! Но я-то понимаю, что происходит! Ты, наверное, счастлив, что наконец получилось меня достать?! Радуйся: да, получилось!

– Я никого не использую!

– А что же ты делаешь? Что? Давай, ответь!

– У нас... – Соколовский никак не мог произнести нужных слов. У него возникло ощущение того, что это кошунственно – подбирать слова в такой ситуации. Это было сверх его сил. Тем более в беседе с человеком, который убил его отца.

– Ну? – орал Игнатъев. – Ну, ты подумай, как называется? Только учти: я тебя раньше не трогал. Но теперь меня ничто не сдерживает.

– Вы мне угрожаете?

Дверь кабинета распахнулась, и в помещение буквально влетела Вера Сергеевна. Помощник не успел ее задержать, и женщина слышала последние слова мужа.

– Здравствуйте, Игорь, – напряженно глядя в глаза Соколовского, произнесла женщина.

– Добрый день.

– Вера, не вмешивайся! – снизил тон Игнатъев.

– Речь идет о нашей с тобой дочери.

– Тебе не надо в это влезать! Я разберусь сам!

– Я хотела, чтобы мы собрались сегодня за обедом – я, ты и Катя, – не слушая мужа, сказала Вера Сергеевна.

Игнатъев устало уселся в свое кресло и стал выжидающе смотреть на жену, на Соколовского.

– И?

– Но пока ты в таком настроении, думаю, ничего хорошего из этого не выйдет.

– То есть это я – проблема?

– Услышь меня, пожалуйста! Катя не твоя вещь! Она сама вправе решать, что ей делать!

– Ну да. Конечно. У тебя все?

– Все, – посмотрев с сожалением на мужа, ответила Игнатъева. – Ты настраиваешь дочь против себя. А это глупо.

Прижав руку к глазам, Вера Сергеевна быстро вышла из кабинета.

– Я люблю Катю, – произнес наконец Соколовский, и ему сразу стало легче. Он повернулся и вышел следом за Игнатъевой.

Вика вышла из такси, расплатившись с водителем, и пошла к своему дому. И тут ей показалось, что на нее кто-то смотрит. Она остановилась и стала оглядываться по сторонам. Ощущение, что на нее пристально смотрят, не исчезало. Прибавив шаг, она дошла до самого подъезда и только теперь увидела припаркованную машину Королева. Даня, неловко улыбаясь, вышел из машины.

– Привет.

– Ты что тут делаешь? – строго спросила Вика.

– Я... Просто хотел убедиться...

– В чем?

Даня растерянно опустил голову, чем очень удивил Вику. Наконец он признался:

– Меня Мажор просил.

– Че-го? – опешила Вика.

– Правда! Он так и сказал: «Будь как можно чаще рядом с Викой». Думает, тебе может

угрожать опасность!

– Более идиотского объяснения ты не мог придумать? – укоризненно произнесла Вика.

– Вика...

– Уезжай, – резко сказала Вика, почти приказала. – И не надо за мной следить. Когда я одна – со мной все в порядке. Ясно?

Помедлив под выразительным взглядом Родионовой, Даня не спеша сел в машину, завел мотор и тронулся, выезжая со двора. Вика проводила его глазами, покачала головой и вошла в подъезд. От темной стены отделилась фигура в темном капюшоне. Дверь не успела закрыться за Викой, когда Стас проскочил следом за ней в подъезд.

Соколовский уже довольно долго сидел в одной позе, пока Крылова делала наброски его портрета. Наконец он поднялся, сладко потянулся и подошел к художнице.

– Пойдите, еще очень рано, я же только в процессе...

– Для меня – достаточно, – перебил он Крылову и под ее недоуменным взглядом достал из кармана телефон: – Моисей Борисович, прошу вас, поднимайтесь.

Соколовский подошел к двери и открыл ее. В квартиру вошли Аверьянов и Шерман. Жека сбросил ткань с трех рам и поставил рядом с незаконченным портретом три картины с прошлой выставки Крыловой: одну со следами краски, которую плеснул Щеглов, другую – уцелевшую и третью – незавершенную.

– Что это такое?! Что вы делаете?! Прекратите сейчас же! – возмутилась Валентина Владимировна и крикнула в сторону входной двери: – Охрана!

– Не кричите вы так, – поморщился Жека. – С охраной вопрос решен. И с полицией. – Жека помахал своим служебным удостоверением.

– Это следственный эксперимент, госпожа Крылова, – заявил Соколовский. – Позвольте представить: Моисей Борисович Шерман, крупный специалист в области живописи, и не только.

Эксперт даже не повернулся, пристально рассматривая через лупу картины.

– М-да... – наконец сказал Моисей Борисович. – Будем разбирать характерные черты художника. Обратите внимание на эти три картины. У меня было время как следует изучить эти работы, принадлежащие, несомненно, одному и тому же художнику. На всех трех полотнах мы видим, – он стал показывать тупой стороной карандаша, – характерные прямые линии – жирные с одного конца и «тающие» с другого. Повторяющийся мотив птицы – в разных вариациях. Характерная манера ретуширования. И примечательна подпись художника. Судя по характеру линий, подпись ставилась «зеркально» – справа налево. А теперь об этой, с позволения сказать, работе...

Шерман повернулся к незаконченному портрету Соколовского, и лицо его приняло разочарованное выражение.

– Тут мы видим формальные попытки скопировать все черты, о которых я говорил. Но вы можете видеть, что прямые линии утончаются неравномерно. Мотив птицы перевернут. Ретуширование сделано с другой интенсивностью.

– А вы почти все предусмотрели, госпожа Крылова, – сказал Соколовский. – Выкупили через подставных лиц свои старые работы из училища. Но зато там остались картины покойной Алены Щегловой. Которая, кстати, покончила с собой из-за вас!

Крылова, не выражая никаких эмоций, отложила в сторону кисти и молча стала вытирать руки от краски.

– Моисей Борисович проведет детальный анализ картин и предоставит полный отчет. Вам придется выплатить компенсацию брату Щегловой.

– Все сказали? – резко бросила Крылова. – Забирайте свои картины и убирайтесь вон.

– Я еще не все рассказал о том, что вас ждет, – ответил Игорь.

– Да ничего мне не будет! – надменно усмехнулась Крылова.

– Ошибаетесь. Вам грозит статья 146 УК РФ. Нарушение авторских и смежных прав.

Исправительные работы до года. Арест до шести месяцев. И штраф до миллиона.

– Спасибо, – качнула головой Крылова, – но мне с вами скучно.

– Нет, я понимаю, – согласился Игорь. – Вы, наверное, от всего отобьетесь. Откупитесь.

Договоритесь. Но я вам гарантирую минимум полгода нервотрепки. Ну и...

С этими словами он подошел к входной двери и взялся за дверную ручку.

– ...публичный позор и плохой сон.

Крылова со скучающим видом промолчала, одарив Соколовского нелестным взглядом. Вздохнув, он открыл дверь и прошептал: «Фас».

В квартиру ворвались журналисты с фотоаппаратами и камерами. На Крылову посыпались вопросы:

– Вы украли чужие картины? Вы завидовали Щегловой и поэтому довели ее до самоубийства? Чем вы займетесь, если окажетесь в заключении? Может быть, напишете мемуары?

Жека собрал оставшиеся картины Алены и следом за Соколовским и Шерманом протиснулся через толпу галдящих журналистов. Соколовский уже на лестнице достал свой телефон:

– Да, Андрей Васильевич?

– Здравствуйте. Госпожа Родионова? – Молодой человек вежливо улыбнулся, стоя на пороге квартиры.

– Да. А вы, наверное, из банка, квартиру оценивать? Проходите, пожалуйста.

Молодой человек вошел, доставая из сумки на плече блокнот, какие-то бланки, и пошел вдоль стены к окну. Он стал простукивать стены, выглянул в окно, осмотрел подоконник.

– Скажите, – спросила Аня, неотступно следовавшая за оценщиком, – а какой кредит можно получить под мою квартиру?

– Обычно не более шестидесяти процентов от стоимости жилья.

– Хорошо. А оформление, всякие бумаги – это долго?

– Не быстро, – улыбнулся молодой человек.

– А можно ускорить? Понимаете, мне срочно нужны деньги. Чем быстрее, тем лучше.

– Если такая экстренная ситуация, мы можем пойти навстречу и провести ускоренную оценку и оформление.

– Давайте!

– Но я обязан предупредить: быстрое оформление возможно только в программах, предусматривающих высокий процент по кредиту.

На мгновение задумавшись, Аня махнула рукой:

– Готовьте договор.

Соколовский подъехал к зданию отделения полиции и увидел, что Пряников уже ждет его на улице у входа. Махнув рукой, Андрей Васильевич открыл дверь и торопливо сел на переднее сиденье, едва Соколовский только притормозил.

– Вы сказали по телефону – есть новости про Стаса? – спросил Игорь, чувствуя, что новости действительно важные.

– Может быть, даже лучше, – ответил Пряников, отдавая Соколовскому свой телефон с включенным навигатором. – Поехали. Нам нужно по этому адресу.

– А что там? – снова выезжая на улицу, спросил Соколовский.

– Ты ведь помнишь, что Стас плотно сидел на героине? Так вот, я сомневаюсь, что после смерти он стал вести здоровый образ жизни. По моему запросу нашли его драгдилера. Ты знал, что у него всегда был один драгдилер?

– Нет, если честно, то не вникал.

– Чего наркоманы не меняют – так это проверенных дилеров.

Когда они поднялись на нужный этаж, то первым делом увидели мужчину лет шестидесяти, с палочкой, который дубасил в дверь нужной им квартиры.

– Выключай свою шарманку! Покою от тебя нет!

– Добрый вечер, что у вас тут за беда? – спросил Пряников.

– Сосед у меня малолетняя сволочь, вот и вся беда! Совсем свихнулся! Да я ему еще вчера предупреждение сделал: не включай свое барахло! А он так посмотрел, вроде как насквозь меня. И послал. Говорит: призраков вижу.

– Призраков? – нахмурился Пряников.

– Вообще тяжело в квартире под такую музыку, – поморщился Соколовский, прислушиваясь к звукам. – А давно она играет?

– Да уже три часа!

– Ну-ка, Игорь, – поднажали! – заторопился Пряников.

После нескольких ударов плечами замок с треском выскочил, и Соколовский с Пряниковым ввалились в квартиру. Музыка орала так, что барабанные перепонки готовы были лопнуть. Вбежав в комнату, Соколовский чуть было не споткнулся о мертвое тело, лежавшее ничком возле дивана.

– Опоздали мы с тобой, Игорь, – выключив музыку, сказал Андрей Васильевич.

– Не мы опоздали, Андрей Васильевич. Это Стас впереди нас.

Когда Соколовский подошел к своему номеру, еле волоча ноги от усталости и напряжения сегодняшнего дня, то в глаза ему сразу бросилась открытка, приколотая к двери. Виды Черногории и надпись: «Рай для влюбленных». Внутри у Игоря все оборвалось. Он решительно открыл дверь, нащупал в темноте аэрозоль для обуви и шагнул в номер. В темноте что-то шевелилось и странно пыхтело.

Свет загорелся так неожиданно, что Соколовский на миг растерялся. Стоя с баллончиком посреди номера, он щурился от яркого света и смотрел на Стаса, который сидел в кресле. У ног Стаса лежала связанная Вика. И пистолет был направлен ей в голову. Игорь видел только ее глаза и черное дуло пистолета возле ее головы.

– Привет, Игорек. Как и обещал – принес тебе счастье.

Стас прижал пистолет к голове Вики и широко улыбнулся.

Когда Соколовский увидел Вику с заклеенным скотчем ртом, лежащую у ног Стаса, у него все сжалось внутри от ужаса, жалости и бешенства. Он непроизвольно сделал шаг вперед. Пистолет в руке Стаса сразу качнулся, и теперь дуло смотрело на Игоря.

– Даже не пробуй, – предупредил Стас. – Я успею первый, а потом ты будешь валяться и смотреть, что я сделаю с ней.

– Вика тут ни при чем, – сказал Соколовский губами, которые вдруг стали чужими, непослушными. – Отпусти ее, и поговорим спокойно.

– А мы и так говорим спокойно, – улыбнулся Стас. – По крайней мере, я не нервничаю.

– Слушай, Стас, у тебя же ко мне претензии. Лично ко мне.

– Дело в сути претензий, Игорек. Ты ведь что сделал? Ты лишил меня сестры. Человека, которого я любил всю свою жизнь. Я и подумал: а лишу-ка и я тебя человека, которого ты любишь. Справедливо, правда?

Соколовский смотрел не на Игоря, а на Вику, в ее умоляющие глаза. «Если этот урод с ней что-то сделает, ему не жить», – подумал Игорь, чувствуя, как бешено колотится в груди его сердце.

– Ты облажался, брат, – сказал Соколовский, стараясь придать своему голосу уверенности.

– Я? – изумился Стас. – Вот как... Почему же?

– Я ее не люблю. Больше того: она замуж выходит. За совсем другого человека. Если ты меня пасешь, ты его знаешь.

Стас вопросительно посмотрел на Вику, повернув ее лицо к себе за подбородок. Вика согласно кивнула.

– Я уж не знаю, кто там у вас за кого выходит, – засмеялся Стас. – Но я не слепой, Игорек. Ты ее любишь. И чем больше доказываешь, что «нет», тем больше я понимаю, что «да».

– Леру убил ты, – жестко сквозь зубы сказал Соколовский. – Если бы у нее был умный, любящий брат, все сложилось бы иначе. Но у нее был другой брат. Наркоман, кретин и эгоист.

– Замолчи! – крикнул Стас.

– Ты никогда не думал о ней, только о себе, – повысив голос, продолжал говорить Соколовский. – О своих таблеточках, порошочках, ампулах. О том, как накидаться в очередной раз и погонять под кайфом по ночной Москве.

Взбешенный, Стас резко вскочил на ноги. На миг он потерял контроль над ситуацией, ослепленный ненавистью к Соколовскому, и Вика этим воспользовалась. Перекатившись по полу, она вскочила на ноги и метнулась в сторону ванной комнаты, до которой было всего пару шагов. Не успев схватить женщину, Стас случайно отвел пистолет в сторону от Соколовского, и Игорь мгновенно прыгнул на него, вцепившись в запястье вооруженной руки. Стас пытался вырвать руку, но Соколовский держал его так, как будто это было сейчас самое важное в его жизни. Он услышал, как щелкнул замок в ванной. Жалко, что у Вики нет телефона: он валяется рядом на полу.

– Стас... – скрепя зубами от напряжения, заговорил Соколовский. – Я знаю, что говорю, я сам был такой! Весь мир у моих ног, а я над ним летаю, как долбаная фея Динь-Динь... Но на самом деле все оказалось не динь-динь. И я остановился. А ты можешь остановиться? Или слабо?

Лицо Стаса было очень близко, его искажала гримаса злобы. Казалось, вот еще миг, и он вцепится зубами в лицо Соколовского.

– Когда я остановлюсь, ты узнаешь об этом первым!

Телефон на полу зазвонил, и Стас пнул его ногой, отчего тот отлетел к стене. Вика металась по ванной комнате в поисках того, что может спасти Игоря, спасти ее. Мысли лихорадочно проносились в голове. На глаза попался пузырек с туалетной водой. Вика повернулась и попыталась взять его руками. Быстрее, потому что из номера слышны звуки борьбы, возгласы мужчин. Пузырек упал на кафельный пол и разлетелся на осколки. Пришлось лечь на спину и на ощупь искать осколки покрупнее. Вика пыталась пилить осколком веревки, но только резала свои пальцы, туалетная вода дико щипала, попадая в ранки. По глазам Вики текли слезы... Господи!

Соколовскому никак не удавалось вырвать пистолет из руки Стаса и свалить его на пол. Но тут из ванной комнаты с окровавленными руками, растрепанная, с горящими возбужденными глазами выбежала Вика. Никто не успел опомниться, как она пустила в лицо Стаса струю из баллончика с освежителем воздуха.

– Сука-а! – закричал Стас, рванулся, и в этот миг грохнул выстрел.

Падая от жгучей боли, Соколовский понял, что не сможет удержать руку своего бывшего друга. И когда он упал под ноги, а Стас скрылся за дверью, Вика увидела, как возле головы Игоря растекается небольшое пятно крови.

Он пришел в себя на полу. В голове гудело, а глаза немного жгло от попавшего в них освежителя. Соколовский вспомнил, как Вика появилась с баллончиком, и подумал, что ей некогда было разбираться, чьи там глаза. «А Стас, наверное, сбежал, раз вокруг так тихо», – понял Игорь. Теперь он почувствовал, что его голова чем-то замотана, чуть саднило над ухом. Вика сидела на коленях возле него и смотрела своими большими глазами.

– Где он? – попытался подняться Игорь, но Вика удержала его.

– Сбежал, – грустно ответила она.

– С тобой все в порядке?

– Да. А у тебя на голове ссадина, пуля срикошетила.

Вика протянула руку и поправила повязку на его голове.

– А я уж думал, убили меня, – улыбнулся Соколовский.

– Пока нет, – кивнула Вика.

– Ты как здесь оказалась? – Игорь все же сел на полу.

– Он напал в подъезде. У меня дома. Кажется, что-то вколол – я очнулась уже тут. Лежи, ты что!

– Со мной все в порядке, – отмахнулся Соколовский. – Отвезу тебя домой.

– Тебе нужно вызвать «Скорую».

– Из-за какой-то ссадины? – улыбнулся Игорь.

Он взял руку Вики и увидел порезы. Вика тоже смотрела на его руки, на то, как он касался ее пальцев.

– Я, наверное, лучше побуду с тобой, – тихо сказала Вика. – Мало ли. Упадешь в обморок, стукнешься...

Игорь посмотрел на Викины голые руки, стащил со своей головы повязку, сделанную из рукавов ее рубашки, потом снял через голову свою футболку и протянул ей.

– Возьми.

– Это лишнее, – смутилась Вика.

– Я же вижу – мерзнешь.

– Спасибо. – Вика взяла футболку Соколовского и, продолжая держать ее в руках, добавила: – Я лягу на диване.

– Нет, лучше я, – помотал Игорь головой.

– Договорились.

– И ничего больше, – добавил он, начиная медленно наклоняться к Вике.

– И ничего больше, – подтвердила она, не отстранившись, когда его губы почти коснулись ее губ.

Футболка медленно сползла из рук Вики, Игорь обнял ее и притянул к себе. Он снова ощутил ее дыхание, тепло ее губ, и мир вокруг медленно закружился и исчез. И была только она, ее мягкие влажные губы, которые жадно хватали его. Были только ее руки, обнимавшие его, ее пальцы, вцепившиеся ноготочками в его спину. Была нежность ее тела, он ощущал грудью ее вздрагивающую грудь, он слышал, как она постанывает и шепчет что-то безумное. И он тонул в ее горячем дыхании, ее горячем желании. Он выныривал, жадно хватая воздух опухшими от поцелуев губами, и снова бросался в море страсти и безумия. Вика... Вика...

Вика проснулась и сразу все вспомнила. Но теперь не было уже страха. Было другое, непонятное. Она села на кровати, завернувшись в простыню. Подняв свой телефон с пола, Вика посмотрела, сколько было пропущенных. Аня, Даня, Даня, Даня, Аня и снова Даня, Даня...

– Я и не знал, что ты такая красивая утром.

Вика подняла глаза на стоявшего в дверях ванной Игоря.

– Лучше, чем вечером?

– Давай проведем день вместе и проверим, – с энтузиазмом предложил Соколовский.

– Проведем. В отделе, – ответила Вика и отвела глаза. Потом она показала на свой телефон: – Аня звонила... А я не слышала.

Не успев предложить завтрак в постель, Игорь наблюдал, как Вика машет рукой, чтобы он замолчал, пока она разговаривает с сестрой. Он, морщась, наклеил свежий пластырь перед зеркалом. Судя по интонации, Аня сообщала, что вчера к ним в поисках Вики приходил Даня. И когда Вика наконец положила телефон, он сел рядом с ней и взял ее за руку:

– Тебе не кажется, что мы с тобой потеряли кучу времени? Между нами все могло быть так с самого начала.

Вика посмотрела на него испытующим взглядом, провела по коротким волосам. Игорь наклонился и поцеловал ее руку, следы порезов на пальцах.

– Давай пока не будем никому ничего говорить?

– Если хочешь, я могу сам всем сказать, – предложил Игорь, пытаясь угадать ход мыслей Вики.

– Нет. Пока не надо. Пожалуйста. – Вика взяла ладонь Игоря и прижала к своей щеке. – Мне нужно время. И знаешь? Будет лучше, если сегодня мы приедем на работу по отдельности.

Поцеловав Игоря в щеку, Вика соскользнула с кровати и заперлась в ванной. Она смотрела на себя в зеркало, проводя пальцами по своим щекам, губам. Выражение ее лица было растерянное. Такой Игорь ее не видел.

Соколовский отъехал от отеля на своей машине. Вика вышла спустя десять минут и села в такси. Королев, сидя в своей машине и положив подбородок на руки, смотрел на Вику. Когда она уехала, он медленно опустил голову, закрыл глаза и прижался лбом к своим сжатым кулакам.

Катя все же приехала сама. Не позвонила, не прислала сообщение на телефон или по электронной почте. Значит, ей важно было видеть его глаза, когда она будет говорить. Это было понятно – он уже неплохо узнал Катю. Он пошел к машине. Девушка вышла ему навстречу и остановилась.

– Привет, – сказал он, пытаясь что-то разглядеть в ее глазах.

– Привет. – Катя выдержала долгую паузу, потом добавила: – Я тебе звонила. Ты не отвечал.

– Я тоже звонил.

– Да. Работа, – скучным голосом произнесла Катя.

– У меня тоже. Работа, – таким же голосом ответил Соколовский.

– Скажи, – Катя внимательно посмотрела Игорю в глаза, – ты познакомился со мной, чтобы досадить моему отцу?

– Нет. А ты?

– А я решила, что это как-то чересчур. Граната, проблемы с бывшей... Теперь еще всплыла эта история между тобой и моим отцом...

– Ты... хочешь сказать...

– Мне нужна пауза, Игорь.

– Пауза? – переспросил Соколовский, но уточнить он не успел. Катя снова заговорила, теперь уже другим голосом. Как-то теплее.

– Да. Мне хорошо с тобой, но... Слишком много всего случилось. Я слишком многое про тебя узнала.

– Хорошо. Я все понял.

– Созвонимся, когда буду готова. – Катя пристально посмотрела в его глаза, и Игорю показалось, что она все знает про эту ночь.

– Договорились.

Старушка, которой было уже, наверное, лет под восемьдесят, растерялась. Она забыла, куда засунула свернутую и припасенную загодя купюру на лекарства. А сзади очередь. Пусть и небольшая – всего-то человека три, а ведь обязательно сердятся. Молодые, они всегда сердятся на стариков. Им все быстрее надо, все торопятся куда-то, свербит у них, что ли, в одном месте.

Наконец купюра нашлась – она просто забилась под носовой платок. Бабушка виновато посмотрела на аптекаршу – молодую румяную девушку со светлыми волосами. Не сердится ли?

– Бабушка, с вас еще три рубля сорок семь копеек, – весело попросила аптекарша.

Не хотелось старушке менять большую денежку. Никому не понять, как она лежит целенькая в кошельке и душу греет. А разменяй ее, она быстро то на хлеб, то на соль разбежится, и не будет ее.

– Сейчас-сейчас, – виновато затахтела бабушка, – хочу мелочью насобирать.

– Дай-ка я, мать. А то мы тут до вечера простоим, пока ты свой корвалол купишь.

Мужчина средних лет в старой, потертой куртке, стоявший в очереди за старушкой, обошел ее, взял морщинистую сухую руку и стал отбирать нужную мелочь. И в этот момент что-то со страшным грохотом ударило в дверь, кто-то закричал, и покупатель, решивший помочь бабушке, выронил ее кошелек, рассыпав мелочь по всему полу. Ахнувшая бабка нагнулась собирать деньги, причитая и ругаясь на незадачливого помощника, которого никто и не просил.

Только одна бабушка не сразу увидела вошедшего в аптеку крепкого мужчину лет сорока пяти с рюкзаком за спиной и зажатым в руке обрезом, сделанным из ружья.

– Все подняли руки, чтобы я видел! – грозно крикнул мужчина и наставил оружие на аптекаршу, предупредив злым голосом: – Если нажмешь на кнопку – лишишься головы. А ну быстро вышла сюда ко всем!

Аптекарша Маша побледнела и засуетилась. Она никак не могла открыть задвижку на двери, отделявшей прилавков от торгового зала. Наконец, справившись, она вышла на негнущихся от страха ногах. И только теперь она поняла, что это был за грохот и крик. У стены лежал охранник. Грудь у него была в крови.

Мужчина с оружием все же отвлекся, тем более бабушка, так ничего еще и не поняв, собирала свою мелочь, сердясь, что ей никто не помогает. И только потом, увидев оружие и страшного мужчину, она перекрестилась и прошептала: «Ой, господи», отходя с другими покупателями к стене.

Развернувшись всем телом на ее голос, вооруженный мужчина увидел, что охранник дотянулся до рации и успел включить «тревожную сигнализацию»:

– Захват заложников, нападающий вооружен...

– Сука! – заорал человек с оружием и изо всех сил ударил раненого по голове. Вытащив из кармана рулон тейп-ленты, он быстро замотал руки охранника и залепил ему рот.

Пряников ходил по кабинету мрачный, как дождевая туча. Соколовский следил за ним взглядом и ждал, когда подполковник примет решение.

– И что мне с вами теперь делать, Игорь? Охрану к тебе и к Родионовой приставлять?

Соколовский отрицательно покачал головой.

– Приставите охрану ко мне или Родионовой – он затаится. Найдёт кого-то ещё...

– Я подумаю, как быть. Родионова на месте?

– Ещё нет, – замялся Соколовский. – Андрей Васильевич, я вам рассказал все, как было. Родионова ещё не вполне пришла в себя. Давайте без допросов?

– Свободен!

Подойдя к двери и проверив, насколько она плотно прикрыта, Пряников продолжал говорить по телефону и морщился, как от зубной боли:

– И все-таки я бы его ликвидировал. – Андрей Васильевич сделал паузу, слушая, что говорит ему собеседник, и качая головой. – Понятно, что давно могли, но он же совершенно непредсказуем! – Снова пауза, снова Пряников качает головой, но не возражает. – Понял. До связи.

Шевеля губами, видимо ругаясь, Андрей Васильевич пошел к своему столу. Теперь там зазвонил проводной телефон на приставном столике. Перегнувшись через стол, он снял трубку.

– Слушаю, – буркнул он и почти сразу начал меняться в лице. Его шея стала наливаться кровью.

Ударив рукой по телефону, Пряников снова стал набирать номер, теперь уже внутренний:

– Родионова, Королев! Зовите всех – у нас захват заложников. Через пять минут все чтобы внизу в бронежилетах. Выполнять!

Топилин только бабушку оставил сидеть у стены на диване, остальных вместе с аптекаршей он привязал скотчем к балке, на которую опирался прилавок.

– Мужик, – подал голос мужчина, недавно рассыпавший старушке ее мелочь. – Я понимаю, у тебя проблемы какие-то, но мы-то тут при чем? Я вообще пришел горчичники купить, теща попросила, чтоб ее!

– Проблемы у всех, – машинально ответил Топилин, снова взяв в руки обреза и осторожно подходя сбоку к окну.

– У меня там в кассе деньги, хотите – забирайте! – испугавшись своей смелости, сказала Маша. – Там, правда, мало...

– Деньги мне не нужны. Деньгами ничего не исправишь, – тихо ответил Топилин и, подойдя к кассе, перерезал ножом телефонный провод.

– Так чего тебе нужно-то? – уже с признаками истерики выпалил нетерпеливый покупатель в куртке, который помогал бабке расплачиваться.

– Сделать мир лучше, – каким-то зловещим голосом ответил Топилин, и вдруг из вялого, угрюмого, медлительного и злого человека он превратился в пружину. Глаза блеснули недобрым огнем, и стало ясно, что это человек жестокий, что разговаривать с ним бесполезно. А может, и опасно.

– Тс-с! Всем тихо! Не дергаться. Иначе убью, – стальным голосом произнес он, прислушиваясь к звукам на улице.

Четыре полицейские машины перекрыли улицу с двух сторон почти на квартал. Полицейские побежали по магазинам выводить покупателей и персонал, чтобы в районе операции не было лишних людей, которые могли пострадать. Из подошедшей машины стали раздавать бронежилеты. Пряников смотрел с другой стороны улицы на окна аптеки с опущенными жалюзи и думал.

– Вика, дозвонилась в аптеку?

– Звонила, не берут трубку. Или отключен аппарат, или отрезан провод.

– Узнайте, кто там сегодня старший в аптеке.

Заложники сидели на полу с поднятыми к балке руками, которые были стянуты скотчем. Топилин ходил от окна к окну, прищурившись и ни на секунду не останавливаясь в оконном проеме. Невольно возникала мысль о том, что он знал, что такое работа снайперов.

Маше стало так страшно, что она уже не понимала, что нужно говорить, а чего бояться. Сейчас в ее представлении было два мира: один – темный – здесь, в аптеке, со страшным вооруженным человеком, который убил охранника, и другой – светлый – за стенами, за окнами, где был ее дом, где ее дочь...

– Отпустите нас, – заплакала Маша, как плакала в детстве – от безграничной обиды, что ее не понимают.

– Замолчи! – грубо оборвал ее Топилин.

– Мне дочку скоро из сада забирать – отпустите, пожалуйста.

– Замолчи, сказал! – снова рывкнул мужчина и вдруг встал и пошел к Маше.

Девушка замерла от ужаса, не зная, чего ожидать от этого страшного человека. Топилин вытащил из кармана рулон скотча, оторвал кусок и заклеил Маше рот.

– Сынок, не бери ты грех на душу, – стала просить старушка с дивана, жалобно глядя на связанных людей. – Отпусти людей. Хочешь, я останусь? Я бабка старая, мне все равно на тот свет пора. А их отпусти.

– Не могу, бабуля, – уверенно заявил Топилин. – Они же мне не верят. Думают, я с ними шутки шучу.

– И что, – глухим голосом спросил мужчина в куртке, – в самом деле убивать нас начнешь?

– Извини, земляк. Иначе никак, – спокойно ответил Топилин.

Даня взял рацию и из машины стал с листка передавать данные:

– Мария Стрижевская, двадцать восемь лет, работает в этой аптеке уже два года, разведена, есть дочка четырех лет. Диктую номер: 89231113073.

Вика снова взяла телефон и набрала этот номер.

Когда у Маши зазвонил телефон, она закрыла глаза. Ведь этот человек мог сейчас убить ее, решив, что она сама пыталась связаться с кем-то за пределами аптеки. Топилин прислушался, потом подошел к девушке и вытащил из кармана телефон.

– Надо же – догадались! – сказал он и нажал зеленую кнопку вызова: – Слушайте меня. Начнете ломать дверь – убью заложников! Начнете стрелять – убьете их сами.

– Никто ничего не ломает, – ответил ему мужской голос. – Я поговорить хочу.

– Ты – это кто?

– Подполковник Пряников. Ты бы тоже представился, а то некрасиво как-то.

– А я не скрываюсь, – почти спокойно ответил мужчина. – Топилин Василий Васильевич, сорок пять лет, прописан – Грибоедова четырнадцать, квартира семь.

Стоявшая рядом с Пряниковым Вика сразу передала Дане по рации, чтобы он пробил этот адрес и фамилию человека.

– И какие у тебя, Василий Васильевич, требования? – спросил Пряников, пытаясь понять, есть у него контакт с этим человеком или нет.

– Привезите сюда министра здравоохранения.

– Может, заместителя будет достаточно? – скрыв свое изумление, предложил Пряников.

– Нет. Только министра. У тебя есть два часа, подполковник. Если министра не привезешь, я начну убивать заложников. Время пошло, – закончил Топилин, положил трубку и сел на стул около окна, наблюдая за действиями полиции снаружи.

Даня подбежал с распечаткой в руках и сунул ее Пряникову. Андрей Васильевич стал быстро читать информацию с листа:

– Майор Топилин, танкист, комиссован. Работает в автосервисе слесарем, так... Соколовский, Аверьянов – быстро в сервис, узнайте, что там за проблемы у этого Топилина, вдруг на работе в курсе. Пулей, Соколовский. Я попробую его заболтать, но хрен знает, получится ли долго...

Топилин спокойно смотрел на улицу, как там бегали люди в гражданском, как полицейские обносили участок улицы напротив аптеки лентой. Смотрел, как собирались зеваки и их оттесняли к соседним домам. Он всего этого ожидал, был спокоен и решителен. Поднявшись со стула, он подошел к убитому охраннику и забрал у него рацию.

Директором автомастерской оказался невысокий упитанный мужчина лет пятидесяти в чистом комбинезоне и с лысеющим черепом, который он все время поглаживал от волнения рукой. Услышав, что натворил его работник, он даже вспотел, но отвечал обстоятельно, без нервов:

– Короче, после того как жена сбежала и оставила его с сыном, Василич пить начал. Так накидывал, что из армии его отфутболили. Он пить-то бросил, а поздно уже... Вот в сервис и устроился. Танкист же, технику знает.

– Нормально себя вел? – спросил Соколовский.

– Нормально – до тех пор пока у него сын не умер.

– Умер? А от чего умер?

– Болел чем-то, ему лекарства прописали, а они не помогли. То ли паленые, то ли еще чего... Василич особо не рассказывал.

– А когда умер сын?

– Да с месяц тому назад.

– Понятно теперь, зачем ему министр здравоохранения, – повернувшись к Жеке, сказал Соколовский. – Быстро выясни, отчего умер сын, какие конкретно лекарства принимал, ну, ты понял. Я свяжусь с нашими, узнаю, что там у них.

К Пряникову подвели щуплого мужчину в коротком пальто и с портфелем в руках. Он странно пригнулся и озираясь по сторонам, как будто каждую секунду ждал выстрелов.

– Мне сказали, вы тут главный, велели к вам идти, – вежливо поздоровавшись, сообщил мужчина и представился: – Я Тюнин, владелец аптечной сети.

– Контрафактом торгуете? – неприязненно взглянул на мужчину Пряников.

– Бог с вами, каким контрафактом? – очень убедительно удивился и даже чуть обиделся Тюнин.

– Нам только что сообщили, что человек, – Пряников ткнул авторучкой в сторону аптеки, – купил в вашей аптеке лекарства для сына, а они не помогли, и сын умер.

– Простите, но я тут при чем? Мало ли людей умирает?

– А это вы объясните отцу ребенка, который как раз взял заложников.

– Я не пойду! Я не могу! – попятился Тюнин, но тут же спиной уперся в грудь Королева и остановился.

– Где вы берете лекарства? – потребовала Вика.

– У оптовых поставщиков, естественно... Есть все нужные бумаги, сертификаты, лицензии...

– Кто их выдает? – чуть толкнув грудью в спину Тюнина, спросил Даня.

– Я все объясню, сейчас, сейчас... – Тюнин стал доставать из портфеля планшет.

Соколовский и Аверьянов вошли в лабораторию и увидели, что навстречу к ним спешит высокий мужчина лет шестидесяти в белом халате.

– Семен Павлович? Мы из полиции. – Соколовский раскрыл свое удостоверение.

– Да, я вас жду, но не знаю, чем могу посодействовать. – Рогалев сделал приглашающий жест в сторону своего рабочего стола у окна.

– Вот список из трех лекарств. – Соколовский протянул лист бумаги. – Они проходили у вас сертификацию?

– Да, проходили, – надев очки и ознакомившись со списком, кивнул Рогалев.

– Какова вероятность, что сертификацию могла пройти подделка? – серьезно спросил Соколовский и тут же нарвался на возмущенный взгляд Рогалева.

– Молодой человек, мы двадцать лет работаем, и до сих пор не было ни одного случая, чтобы...

– Вы ручаетесь? – перебил его Соколовский. – Даете стопроцентную гарантию?

– Э-э... нет, конечно, может случиться всякое, – замялся Рогалев.

У Аверьянова коротко пикнул телефон. Он вытащил его, глянул на экран и показал Соколовскому:

– Игорь... Два часа прошло!

Соколовский застонал от бессилия и полез в карман за своим телефоном.

– Что происходит, вы мне можете объяснить? – тихо спросил Аверьянова Рогалев, пока Соколовский разговаривал по телефону.

– Сейчас из-за вас могут убить человека.

Топилин стоял у окна, наблюдая за улицей, и по телефону Маши разговаривал с Пряниковым.

– Майор, ты же офицер! – давил на него Андрей Васильевич.

– Бывший офицер, – с усмешкой ответил Топилин.

– Офицер всегда офицер. У тебя там гражданские, они ни в чем не виноваты. Отпусти хотя бы половину.

– Где мой министр? – перебил его Топилин. – Время вышло.

– Топилин, – разочарованно ответил Пряников, – ты же понимаешь – что такое министр и что такое я. Я обычный подполковник из райотдела. Это величины несопоставимые. Пока я с начальством связался, пока ему объяснил, пока до начальства дошло, пока они с министерством связались...

– Отговорки, подполковник, – с сожалением ответил Топилин. – Не воспринимаете вы меня всерьез. Придется доказывать.

– Эй, майор! Стой! Давай так: ты всех выпускаешь, а я вместо них! Ну, кто они такие? Случайные люди! А я все-таки полицейский.

– А сына мне ты тоже вернешь, полицейский?

– Твою мать, да разбираются сейчас мои люди насчет твоего сына! – начал горячиться Пряников. – И возьмут за задницу кого надо! Но два часа для этого мало, ты понимаешь? Мало!

– Извини, подполковник, – снова с каким-то сожалением сказал Топилин.

Пряников продолжал кричать в трубку, но там была уже тишина. И можно было только догадываться, что сейчас происходит или произойдет в аптеке. А в аптеке Топилин повернулся к заложникам, поднял свой обрез и навел его на того мужчину, с которым недавно разговаривал. Вспышку и звук выстрела хорошо было видно с улицы даже сквозь опущенные жалюзи.

– Но как же так, как так, – бормотал растерянный Рогалев, – не может быть, чтобы мы могли...

– Семен Павлович, – листая журнал, спросил Соколовский, – я правильно понимаю, вот в этот день ответственным был некто Хвиницкий?

– Да, Денис. Тут ведь все записано. У нас контроль и учет.

– И именно Хвиницкий, как я вижу, за последние три месяца занимался именно тестами лекарств, поставляемых «Докторфарм». Более того, именно теми лекарствами, которые находятся в моем списке.

– Что вы хотите этим сказать, молодой человек? – продолжал хмуриться Рогалев.

– Где этот ваш Хвиницкий?

– Где-то здесь, в лаборатории. Но Денис не мог...

– А вот сейчас и узнаем, мог он или не мог, – не вытерпел Аверьянов. – Игорь, я притащу его сюда?

– Давай.

Снова зазвонил телефон, и угрюмый голос Пряникова раздался в трубке:

– Игорь? Заложник погиб. Что у тебя? У нас еще час, потом я вынужден буду дать команду на штурм. Игорь, еще раз: остался час, уже даже меньше часа. Я надеюсь, что ты знаешь, что делаешь. Поторопись.

Второй мужчина, пожилой, с глубокими складками морщин возле рта, хмуро глядя на Топилина, сказал ему:

– Зря ты, мужик. Еще был шанс все исправить, а теперь капец.

– Я же с самого начала говорил, что я серьезно! С самого начала! Кто-то должен пострадать, иначе толку не будет. Они иначе не понимают, пока кровь не прольется.

– Вот господин Хвиницкий. – Жека втолкнул в лабораторию высокого молодого мужчину в дорогих очках. – Я его по пути поспрашивал – говорит, не в курсе. Просто работал в поте лица.

– Кто вам платит за фальсификацию документов? «Докторфарм»?

– Никто не платит. Я фальсификацией не занимаюсь, – встал в позу Хвиницкий. – Семен Палыч, что у нас творится? Меня хватают, у меня там центрифуга включена, идет процесс! Вы с ума сошли? Я кандидат наук!

– Жека, бери кандидата, едем в «Докторфарм», – забирая журнал дежурств, сказал Соколовский. – Очень быстро едем.

Совещание у главы компании «Докторфарм» было в самом разгаре. Сам глава, господин Дементьев, обрюзгший седой мужчина, говорил своим партнерам и подчиненным в большом зале:

– И про индийские поставки. Нам предлагают целый ряд биологически активных добавок, которые можно впаривать в аптеки при хорошей рекламе. Я думаю, что...

В этот момент двери зала для совещаний распахнулись и Аверьянов буквально втолкнул туда Хвиницкого в наручники. Следом вошел Соколовский. Замыкала процессию возмущенная секретарша:

– Олег Дмитриевич, я не виновата, я сказала, что нельзя, а они не слушают!

– Полиция, – громко и веско объявил Соколовский, подсунув под нос Дементьева удостоверение.

– Вы что себе позволяете? – возмутился глава компании, нисколько не впечатленный документом. – Я сейчас позвоню куда следует!

Дементьев снял трубку, но Соколовский резко смахнул телефон со стола:

– Вы едете с нами. Быстро!

– Я никуда не поеду! – перешел почти на фальцет возмущенный Дементьев.

– Жека, план Б, ответственность беру на себя, – сказал Соколовский.

Аверьянов молча вытащил из кобуры под курткой пистолет и со щелчком взвел курок.

– Вышел и пошел! Хвинецкий все рассказал, – показал рукой на дверь Соколовский.

Пряников с сожалением посмотрел на часы.

– Не успел Соколовский, – прошептал он и поднес к губам рацию: – Вика, вырубайте освещение. Группа захвата выдвигается по моей команде.

В этот момент через оцепление к аптеке вылетела машина Соколовского. Вместе с Жекой они вытащили из машины Дементьева и Хвинецкого.

– Что он делает? – Пряников поднял руку и закричал на всю улицу: – Игорь, назад! Группа захвата, остановить операцию! Немедленно!

Аверьянов держал привезенных Дементьева и Хвинецкого, а Соколовский подошел прямо к дверям аптеки.

– Эй, Топилин! – крикнул он. – Открывай лавочку. Я тебе кое-что получше привез, чем твой министр.

– Оружие бросьте, – велел голос из аптеки.

– У меня нет, – сказал Соколовский и посмотрел на Жеку. Тот помедлил, потом вытащил свой пистолет и положил на асфальт.

Соколовский открыл дверь и втолкнул Дементьева внутрь. Следом Жека затащил Хвинецкого, у которого подкашивались ноги. Пряников услышал только вопль Дементьева: «Помогите», потом дверь закрылась.

Прижатый к стене признанием и документами о сертификации, а тем более напуганный двумя окровавленными трупами, Дементьев не выдержал и стал оправдываться:

– Это же не яд, это безобидные вещества! Глюкоза, мел, красители...

– Но они не лечат, – ледяным тоном сказал Топилин. – И мой сын умер.

– Я не виноват, – тонким голосом выкрикивал Хвинецкий, – он мне платил, я только бумажки подписывал! Я не хотел, чтобы кто-то умер!

– Я готов заплатить любые деньги за моральный ущерб, – почти шепотом стал убеждать Дементьев.

– Заплатишь. За все заплатишь, – пообещал Топилин.

– Эти двое уже никуда не денутся, – сказал Соколовский. – Давай-ка остальных выпустим, а?

– Что? Верно. Идите, идите, – кивнул Топилин.

– Жека, – кивнул Аверьянову Игорь. – И ты давай с ними.

– Ты тоже иди, парень, – посмотрел на Соколовского Топилин. – Я тут сам. А тебя небось накажут. Неправильный ты какой-то полицейский.

– Есть предложение, – сказал Игорь. – Шлепнешь ты этих тварей, и толку? Тебя посадят, через день все забудут. А ведь они тут наговорили много интересного. При свидетелях. И вот еще. – Соколовский вытащил из кармана диктофон и показал Топилину: – Заведут дело, проведут проверки, цепочки интересные потянутся. В то же министерство, не удивлюсь.

– Обещаешь? – после короткой паузы спросил Топилин.

– Обещаю.

Топилин сделал шаг навстречу Соколовскому и протянул ему пистолет рукояткой вперед.

Первыми из аптеки вышли Дементьев и еле живой Хвинецкий. Соколовский и Топилин двигались следом. Вика и Пряников появились из-за машин и направились им навстречу. Дементьев, поняв, кто тут главный, кинулся к Пряникову:

– Ты здесь главный?! Запомни, с вас всех погоны полетят! Я это так не оставлю!

Андрей Васильевич не успел ответить. Он даже не успел ничего предпринять, увидев, как Топилин оттолкнул Соколовского, нагнулся и выхватил из маленькой кобуры под штаниной пистолет. Топилин сделал два выстрела в Дементьева, но Вика успела оттолкнуть главу «Докторфарма» с линии огня.

– Дура, он же откупится! Вы все заодно! – в бешенстве закричал Топилин и повернул пистолет на Вику.

Соколовский, падая от удара ноги Топилина, видел, как пистолет нацелился на Вику, как Топилин нажимает на спуск. Он смотрел на пистолет и не сразу заметил, что из-за спин метнулся Королев в бронежилете и закрыл собой Вику. Один выстрел, второй, потом прозвучала автоматная очередь одного из бойцов спецназа, и Топилин, с окровавленной грудью, повалился на снег. Вика встала на колени, держась за ушибленный локоть, и склонилась над Даней. Тот смотрел в небо и пытался что-то сказать.

Соколовский и Пряников сидели на лавке во дворе клинического городка. Оба устало откинулись на спинку и смотрели на ночной мир уныло и без энтузиазма.

– Знал бы я, не посылал бы тебя. Устроил представление, – проворчал Пряников.

– Андрей Васильевич, у меня не было другого выхода. Время на исходе, доказательства собирать некогда. Вы на штурм пошли, он бы еще кого-то убил. Если не всех. Видно же, мозги выгорели у человека.

Пряников посмотрел на Игоря, а потом сунул руку во внутренний карман и достал фляжку. Отвинтив крышечку, он сделал глоток и молча протянул фляжку Соколовскому. Игорь тоже сделал глоток.

– Признания у нас есть, аудиозапись есть, свидетели есть. Нет, оба, бесспорно, сядут. Но меня руководство по головке не погладит.

Посидев молча, он добавил:

– Зачем же Топилин, дурак, в полицейских стрелял? Списали бы все на аффект. Были прецеденты.

– Просто у всех своя правда, – сказал Соколовский, вспомнив, как он сам стрелял в Игнатьева.

– Когда уже я на пенсию уйду, а? – Пряников сделал еще глоток из фляжки. – Надоело все. Удил бы рыбу, грибы собирал, огурчики в парнике выращивал... на закуску.

Хлопнула дверь в здании, и по расчищенной от снега дорожке к лавке побежала Вика:

– Все нормально! Даже ребра целы, только синяк и контузия! Врачи сказали, через пару часов можно будет домой забрать.

– Так. – Пряников поднялся с лавки, убирая фляжку. – Раз неприятности на сегодня закончились, я вас покидаю. Мне еще отчет писать.

Вика села рядом и замолчала.

– Тебя подвезти? – спросил Соколовский, тоже поднимаясь.

– Я не могу его сейчас оставить, – странным голосом ответила Вика. – После того как он закрыл меня...

Соколовский быстрым шагом, но еле заметно прихрамывая, вошел в зал совещаний, где уже сидели Константин и Васильев.

– Простите, опоздал, был занят. А их что, еще нет?

– Как видите, – пожал плечами Константин.

– Игорь, что-то случилось? – разглядывая шефа, спросил Васильев.

– Да нет, профессиональные трудности. Тяжелый день на службе.

Дверь распахнулась, и в кабинет вошли двое владельцев помещений, в которых располагалась сеть магазинов Игнатьева.

– Здравствуйте, – кивнул один.

– Мы немного задержались, у нас была срочная встреча, – добавил второй.

– Ничего страшного, – устало ответил Соколовский. – Давайте уже подпишем нашу сделку и откроем бутылку шампанского.

– К сожалению, ситуация несколько изменилась. Сделки не будет, Игорь Владимирович. Нас устраивали ваши условия ровно до того момента, как к нам обратился господин Игнатьев.

– Вот как. Я ожидал чего-то подобного, не скажу, что сильно удивлен. И сколько он предложил? – осведомился Соколовский.

– Втрое больше вашего. Причем он выплачивает значительную сумму вперед и уже перевел ее на наши счета. Как вы понимаете...

– Вы не могли отказаться от подобного подарка судьбы и правильно сделали. Я на вашем месте поступил бы так же, – заверил Соколовский.

– В таком случае мы пойдем?

Когда визитеры ушли, Соколовский откинулся на спинку кресла и расстегнул воротник рубашки, потер шею.

– По-моему, это успех.

– Не торопитесь, Игорь, – вставил Константин.

– Мы знаем, сколько Игнатьев им заплатит?

– Судя по объему выпущенных им на бирже облигаций – гораздо выше реальной стоимости. Вы здорово его разозлили! – ответил Васильев.

– В этом я мастер, – вздохнул Соколовский и поднялся, посмотрев на часы. – Я помню. Но сегодня был очень тяжелый день. И я подумаю об этом завтра.

Вика вошла, молча включила в прихожей свет, сбросила сапоги и надела тапочки. Она вздрогнула от неожиданности, когда увидела, что в дверном проеме комнаты стоит Аня, сложив руки на груди, и смотрит на нее недовольно.

– Слава богу, явилась.

– Это еще что за тон? – устало нахмурилась Вика.

– А кто вчера на целую ночь пропал и ничего мне не сказал?

Вика не успела ответить. На столике зазвонил домашний телефон.

– Алло?

– Госпожа Родионова? – раздался в трубке незнакомый женский голос.

– Да, – ответила удивленная Вика.

– Добрый вечер. Сообщаю, что вы можете завтра приехать и подписать кредитный договор, так как все документы по оценке вашей квартиры уже готовы, как вы просили.

– Погодите, это какая-то ошибка. Я же отказалась от проведения оценки.

– Минуту... Нет, все верно, вот ваше заявление на ускоренное оформление документов. Так во сколько вы завтра сможете приехать и подписать кредитный договор?

– Простите, я вам перезвоню.

Вика положила трубку и недоуменно посмотрела на Аню. Сестра повернулась и ушла на кухню, а через секунду оттуда послышался ее плач. Вика постояла немного, потом пошла следом.

– Так, закончили рыдания? – без всякого сочувствия спросила Вика.

– Я не знаю, как я на это решилась, но ты ведь уже сама обо всем договорилась!

– И все отменила, – напомнила Вика. – Ладно, хватит истерик. Ничего страшного и не случится. Потому что никакого кредита мы брать не будем. А твою выходку я тебе прощаю только потому, что уверена: это не твоя идея, а выдумка твоего Вадима!

– Вадим тут ни при чем, – замотала головой Аня. – Я сама!

– Отлично. Тогда мне и подавно пора с ним познакомиться, чтобы рассказать, что ты творишь без его ведома. Может быть, ты к нему прислушаешься, если слова старшей сестры для тебя ничего не значат.

– Он... – замялась Аня. – Он сейчас занят и, кажется, вообще не в Москве.

– Какой неуловимый Вадим! – усмехнулась Вика. – Но он же вернется? А вот когда вернется, сразу же и встретимся. И по-семейному решим все вопросы.

Вика снова взяла телефонную трубку и под испуганным взглядом сестры набрала номер банка:

– Алло? Это Родионова, вы мне недавно звонили. Я хотела сказать, что договор о кредите подписывать не стану, так как обстоятельства изменились. Прошу прощения за беспокойство.

Вика положила трубку и пошла в комнату переодеваться. Аня насупилась и принялась молча ходить за ней, как хвостик. Вика сначала делала вид, что не обращает на нее внимание, но тут Аня вдруг сказала:

– Ты не должна была отказываться! Мне очень нужны эти деньги, а ты... ты все испортила!

– Я сделала так, как считала нужным, – холодно ответила Вика.

– Ты ничего не делаешь для себя, ну так и живи, как знаешь! Одна, как дура, в четырех стенах! Но почему ты для меня ничего не хочешь делать?

– Анька, ты с ума сошла? – опешила Вика. – Что ты городишь?!

– Ничего! – сердито буркнула Аня, направляясь в прихожую и снимая с вешалки пальто и шапку. – Пойду подышу свежим воздухом!

Вика устало выдохнула, медленно опустилась на диван и закрыла глаза, откинувшись на спинку.

Аня шла по двору, кутаясь в воротник пальто. Когда она дошла до конца дома, рядом с ней притормозила машина. Передняя дверь с пассажирской стороны открылась, и мужской грубый голос приказал:

– Быстро, села.

Аня замерла на миг, потом сделала нерешительный шаг к машине. Мужчина перегнулся через спинку пассажирского сиденья, схватил Аню за рукав и рывком заставил сесть. Машина сорвалась с места и свернула за угол дома.

Соколовский приехал сразу, как только Вика ему позвонила. Не было еще и восьми утра, но спать Вика, наверное, не могла. И не ложилась всю ночь.

– Хорошо, что ты приехал, – сразу сказала она, когда Игорь только появился у нее на пороге. – Я ее вчера обидела, она ушла, и ее до сих пор нет!

– погоди расстраиваться. – Соколовский погладил Вику по плечу и прошел с ней в комнату.

– А если это Стас? – со страхом заглядывая ему в глаза, предположила Вика.

– Я не думаю, что это Стас. Зачем ему Аня? Хотя...

– Я позвоню Жеке, Дане, Пряникову. – Вика схватила телефон, но Соколовский поймал ее за руку и отобрал трубку.

– Подожди. Не будем поддаваться панике. Куда она могла пойти? Подумай!

– Ну... У нее есть этот Вадим, – задумалась Вика.

– Вот. Уже теплее, – ободряюще улыбнулся Соколовский. – Где живет?

– Вроде бы в другом городе. Такое впечатление, что Аня его от меня скрывает, что ли.

– Значит, он живет не в другом городе. И она, скорее всего, сейчас у этого Вадима, а ты здесь мечешься.

Соколовский снова обнял Вику за плечи и чуть прижал к себе. Она подалась ему навстречу, посмотрела снизу вверх в его глаза.

– Спасибо, что сразу приехал.

– Как же иначе. Мы ведь с тобой... – Соколовский помолчал, но так и не смог сразу подобрать слово, которое бы определило, а кто они друг другу. – Мы с тобой не чужие люди. Так?

Попросив остановить такси возле дома, Аня вышла не сразу. Она достала бутылку водки и под взглядом изумленного водителя глотнула из горлышка, потом набрала в ладонь и чуть побрызгала на себя. Из машины она вышла, уже пошатываясь, и неторопливо двинулась к подъезду. Отперев дверь ключом, Аня буквально ввалилась в квартиру.

– Ой, Игорь. Приве-ет! – С пьяной улыбкой Аня пошатнулась и оперлась рукой о тумбочку, уронив сумочку.

– Ну вот, – усмехнулся Соколовский. – Возвращение блудной сестры. А ты волновалась.

– Так. Умываться и спать, – строго сказала Вика, но по ней было видно, что она облегченно вздохнула. Все могло быть намного страшнее.

– Мне, кстати, этот тоже больше нравится. Чем тот, другой, – пробормотала Аня, ткнув пальцем в сторону Соколовского.

Аня дошла до ванной, закрыла за собой дверь и включила воду.

Вика покачала головой, подняла с пола сумочку сестры, откуда выпала банка из-под лекарств.

– Лекарства у Ани кончились, – разглядывая баночку, сказала она. – Надо будет купить по дороге. Она ведь их каждый день пьет.

– Да. Ну что, жертв и разрушений нет? – весело сказал Соколовский.

– Нет. Разбудила тебя ни свет ни заря, – грустно, но с ноткой облегчения ответила Вика.

– Ничего, у меня все равно этим утром дело есть. Тоже своего рода семейное.

– Тогда увидимся в отделе?

Соколовский кивнул, потом неожиданно наклонился и поцеловал Вику в щеку. Игорь ушел, а Вика осталась стоять, прижав ладонь к щеке и прислушиваясь к шуму воды.

Соколовский пришел в дом Нины вместе с Аверьяновым. Отец Нины посмотрел на

контракт в руках Игоря, хмыкнул и пригласил молодых людей в гостиную за стол. Он сложил руки, сплел пальцы перед собой и деловито спросил Жеку:

– Ну что, Евгений, внимательно ознакомился с документом?

– Мы решили, Виталий Семенович, отдать контракт в руки профессионалов, – заговорил Соколовский. – Мои юристы поправили несколько пунктов. Если вас устроит, то, как говорится, совет да любовь.

– Да? Ну-ну. – Отец Нины сделал приглашающий жест. Жека сидел как на иголках и все не мог избавиться от ощущения, что разыгрывается какой-то фарс, комедия положений, а сам он чуть ли не в роли Петрушки.

– Пункт 2.15, – начал излагать Соколовский, – о том, что супруг в случае развода отдает жене половину имущества, нажитого как в браке, так и до него. Виталий Семенович, ну вы на него только посмотрите – он же мент, откуда у него имущество? Дальше... Пункт 5.2 – супруг обязуется, что первый ребенок будет мальчик...

– Это даже не обсуждается, – протестующе поднял ладонь Виталий Семенович.

– Ладно, тогда вот еще – 7.14. Первенца родители обязуются назвать Володей – в честь президента. Виталий Семенович, давайте будем реалистами. Лет через десять...

– Вряд ли. И я настаиваю на подписании контракта в том виде, в котором он существует.

– Какой же контракт без притирки сторон? – примирительно заметил Соколовский.

И тут Жека, который сидел рядом, как бедный родственник, опустив глаза и ожидая результатов переговоров, вдруг решительно встал. Виталий Семенович и Соколовский изумленно посмотрели на него. А Жека вдруг взял авторучку, вытащил из рук Игоря контракт и размашисто расписался на последней старике.

– Я Нину люблю, – заявил он. – И готов на все. Я так решил.

Соколовский медленно отклонился на спинку стула и посмотрел на Аверьянова с большим уважением. Виталий Семенович тоже посмотрел Жеке в глаза, встал с контрактом в руках, а потом неожиданно бросил его в корзину для мусора. Он схватил руку ошалевшего Аверьянова и стал трясти ее.

– Круто! – с улыбкой кивнул Соколовский.

К счастью, в аптеке совсем не было очереди. «Ну, вот и успею, – подумала с удовольствием Вика. – Пусть и маленькая помощь, а все равно Аньке будет приятно, хоть какую-то заботу будет чувствовать. А то вон обижаться стала, что с работы прихожу поздно, на всю ночь задерживаюсь. Бедная девочка!»

– Мне, пожалуйста, вот по этому рецепту.

– Извините, но по этому рецепту я вам ничего не могу продать, – с извиняющейся улыбкой вернула ей бумагу девушка в рецептурном отделе.

– Как? Я, может, что-то не понимаю, – нахмурилась Вика. – Это лекарства не для меня, а для моей сестры.

– Девушка, это не имеет никакого значения. Просто рецепт не действителен.

– И давно? – спросила Вика, хотя теперь начала все понимать.

– Года два.

– Ясно. То есть... по этому рецепту уже два года нельзя купить лекарства?

– Совершенно верно.

Родионова развернулась и поехала домой. Сейчас все было не так важно. Пряников голову оторвет, надо бы позвонить. Но ведь не поймет же никто, как объяснить? Вика почти бегом поднялась на свой этаж, доставая на ходу из сумочки ключ. И только остановившись возле двери,

она увидела щель. Дверь была не заперта, и из квартиры хорошо были слышны голоса. Голос Ани и еще какого-то мужчины. Вика стала прислушиваться.

– Зачем ты пришел? – сердито сказала Аня. – Я же просила здесь не появляться!

– А не фиг было телефон отключать! – резко заявил ей в ответ мужской голос.

– Он разрядился!

Вика достала свой мобильный и, продолжая прислушиваться, не глядя сняла блокировку.

– Ты не понимаешь! – злился неизвестный мужчина. – Ты сидишь тут в тепле, сестра вокруг тебя хлопочет: ах, Анечка, ах, заболела! А меня каждый день прессуют! Ты что, не хочешь мне помогать?

– Хочу, конечно, но... – промямлила Аня.

Вика больше не стала ждать и вошла, осторожно, без скрипа, открыв дверь.

– Короче. – Голос мужчины был наглым, самоуверенным. – Квартиру надо в любом случае заложить, нужны быстрые деньги. Раз ее уже оценили – пойдешь в банк и скажешь, что ты – это она.

– Но мы совсем не похожи с Викой!

– Твою мать, – взорвался негодованием мужчина, – все равно надо что-то делать, а не сидеть на жопе! Я сказал, что ты сделаешь, и, значит, сделаешь! Иначе меня прикончат!

– Отпусти! – вдруг закричала Аня.

Вика, выхватив пистолет и сжимая в руке телефон, вбежала в комнату.

Соколовский, когда у него зазвонил телефон, посмотрел на экран, потом на Королеву, сидящего за своим рабочим столом. Если Вика звонила ему, значит, что-то случилось!

– Вика?

Даня поднял голову, стиснул зубы и стал подниматься из-за стола.

– Я смотрю, звонит она тебе.

– Вика? – крикнул Соколовский в трубку, отмахиваясь от Королева. Теперь он услышал в трубке фоном еще и другие голоса. Игорь сунул телефон под ухо Королеву: – Даня, слушай!

– Может, познакомишь нас? – спросила Вика.

– Это Вадим, – уныло ответила Аня.

Вадим схватил Аню за волосы и притянул ее голову к себе, приставив к виску девушки ствол пистолета.

– Вадим. – Вика старалась держаться спокойно, но пистолет, наведенный на мужчину, не опускала. – Давайте начнем с того, что вы отпустите мою сестру.

– Вадим, ты охренел? – Аня начала вырываться. – Отпусти меня!

Ей удалось вырваться из рук Вадима, и теперь она стояла между ним и сестрой, как раз на линии огня у обоих.

– Какого черта ты приперлась? – неприязненно проговорил Вадим.

– Потому что это моя квартира, – спокойно ответила Вика. – И опустите, пожалуйста, пистолет. Я сейчас посчитаю до трех. И вы спокойно кладете оружие на пол. Хорошо?

– Вадим... – Побледневшая Аня не знала, к кому кидаться и что делать. – Пожалуйста, убери пистолет!

– Ты не сделала того, что я просил, – не двигаясь с места, сказал Вадим.

– Я повторяю. – Вика не сводила глаз с мужчины, держа палец на спусковом крючке. – Положите оружие на пол.

– Я все сделаю! – пообещала Аня, явно впадая в истерику.

– Уже не сделаешь, – со злостью ответил Вадим, продолжая целиться в Вика.

– Я еще раз повторяю. Опустите оружие, или я буду вынуждена стрелять.

– Ну, значит, постреляем! Меня прессуют, мне ноги оторвут из-за вас!

– У меня кончается терпение! – предупредила Вика. – Я считаю до трех!

– Вика – нет! – почти завизжала Аня.

– Сама виновата, – сквозь зубы процедил Вадим. – Кто тебе мешал просто пойти и взять кредит в банке?

– Раз... Два...

– Сука!

Соколовский и Даня хорошо слышали все, что говорилось в квартире Вики. Игорь гнал машину и чудом не избежал аварии. В телефоне, установленном на громкую связь, прогремели два выстрела.

– Вика! Вика! – заорал Соколовский.

Когда они втроем ворвались в квартиру, то увидели какого-то мужчину в луже крови и забившуюся в угол, рыдающую в истерике Аню. Соколовский отбросил ногой пистолет, лежавший возле мертвого человека.

– Где Вика? – крикнул он.

Аня махнула рукой в сторону кухни. Оперативники бросились туда и увидели Вику, лежавшую в крови на полу. Рядом валялись раскуроченная аптечка, бинт. Даня опустился на колени рядом с Викой, и она открыла глаза.

– Вот... Пыталась себе первую помощь оказать. Но голова кружится... – прошептала Вика и потеряла сознание.

Старичок лет семидесяти с типичной внешностью профессора стоял рядом с небольшим телескопом и что-то рассказывал группе людей, то поправляя очки, то теребя узкую бородку клинышком.

– Сегодняшнее лунное затмение особенно редкое, ибо включает слияние трех событий: полнолуния, затмения Луны, при котором Земля препятствует попаданию солнечных лучей на Луну, и лунного перигея, при котором...

Какая-то женщина слишком близко подошла к телескопу и нечаянно толкнула профессора, едва не задев телескоп.

– Извините, отодвиньтесь, пожалуйста, чуть дальше. Так вот, Луна находится в наиболее близко расположенной к Земле части своей орбиты. В прошлом веке такие явления происходили всего пять раз. – Старичок посмотрел на часы и заторопился: – Простите, кажется, начинается!

Все, кто стоял рядом, сразу задрали головы. Кто-то принес с собой бинокль, остальные встали в очередь у телескопа. И снова та женщина навалилась на докладчика. Старичок оттолкнул ее возмущенно:

– Женщина! Что вам, места не хватает?

Но женщина вдруг повалилась навзничь. Кто-то закричал, что женщине плохо. Старичок нагнулся к ней, пытаясь помочь подняться, но тут увидел, что его ладонь в крови.

Постояв на улице возле госпиталя и посмотрев на небо, Соколовский поспешил внутрь. Королев сидел в коридоре на диванчике и дремал.

– Не спи – замерзнешь, – толкнул Соколовский Даню и протянул ему кофе.

Королев открыл глаза, недоверчиво посмотрел на кофе, но взял стаканчик. В конце пустынного коридора появился врач. Он шел к ним неторопливо, спокойно. Это внушало некоторый оптимизм.

– Сидите, бойцы? – улыбнулся врач. – Ну, все нормально с вашим капитаном, угрозы жизни нет, пуля прошла навылет. А вы, Королев, таблетки принимаете? Как ваше самочувствие?

– Нормально все. Принимаю.

– Ну, идите домой, идите. Сегодня новостей не будет. Думаю, Родионова неделю полежит у нас.

Пока Даня доставал из кармана таблетки, про которые напомнил врач, Соколовский ответил на вызов. Запивая таблетки кефиром, Королев насторожился, глядя на Игоря.

– Да, Андрей Васильевич? Даня тут. Со мной. Понял. Слушаюсь.

Даня проглотил таблетки и вопросительно качнул головой:

– Что там?

– Убийство.

Место преступления обтянули яркой лентой. В другое время и при других обстоятельствах старичок со своим телескопом и бородкой смотрелся бы комично посреди этой площадки. Он стоял и скорбно смотрел то на тело женщины, лежащей с раскинутыми руками, то на эксперта, который ее осматривал.

– Уважаемый, кто что видел? – спросил Пряников профессора. – Какие-то разговоры были, когда она упала? Может, кто-то комментировал происшествие?

– А кто мог что видеть? – вздохнул старичок. – Все на затмение смотрели, вся улица носами кверху.

Стоя на коленях возле тела, эксперт наконец разогнулся и посмотрел на Пряникова:

– Ну, кое-что начинает проясняться. Дамочка-то у нас с дырочкой, в правом боку.

Пряников вместе с оперативниками подошел к Илье поближе.

– Видите? – показал он, задрав свитер на теле. – Вот это маленькое отверстие. И никаких других повреждений. Так что, думаю, ранение в печень.

– Ясно, – сказал Пряников. – При таком ранении человек не сразу понимает, что с ним. Живет еще две-три минуты. – Он повернулся к старичку: – Вы убитую знали?

– А вы что, не знаете, кто это? – вместо старика ответил Аверьянов. – Это ж эта, Аглая! Вы что, телевизор не смотрите? Гадалка... У них там шоу такое, про гадалок. Разных. Ну... и...

– Евгений. Я поражен. – Соколовский изобразил на лице разочарование.

– Нет, ну... Там реально интересно! Они штуки разные проделывают, там... Картинки угадывают. Мысли... Судьбу предсказывают... Эта тетка там самая лучшая была.

– А скажи мне, любитель реалити-шоу, – спросил Соколовский, – там, на этом шоу, может, и призы победителям раздавали?

– Ну да. Деньги.

– На мотив потянет, Андрей Васильевич, – подсказал Королев.

– Может быть, – торопливо ответил Пряников и повернулся к эксперту: – С вас, Илья, отчет по предполагаемому оружию убийства. До конца дня справитесь? Соколовский, Королев, допросите всех, кто тут был. И нужен полный список. Убийца был тут. И его все видели.

Пряников вошел в отдел Родионовой, когда на часах было почти девять вечера. Он постоял посреди кабинета, засунув по обыкновению руки в карманы, потом объявил:

– Мне звонили, у Родионовой все стабильно. Спит. – Потом Андрей Васильевич посмотрел на сыщиков: – Есть результаты? Соколовский?

– На улице были только жители ближайших домов. По крайней мере, так все помнят.

– Аверьянов? Изучил вопрос?

– Андрей Васильевич, ну почему я должен все эти форумы читать?

– Ты же у нас специалист по сверхъестественному. Что ее клиенты пишут?

– Да разное, в принципе, – неопределенно пожал плечами Жека. – Половина хвалит,

половина проклинаят. Один тут ее называет наместницей дьявола на земле. Ее и ее мужа.

– Мужа? – переспросил Пряников.

– Гражданского, – пояснил Королев. – Я с ним общался. Он вроде как на улицу не выходил.

– Вроде как? – удивился Пряников. – А точнее?

– Мы потом всех по отдельности расспросили, – вставил Соколовский. – На улице его действительно никто не помнит.

– Так, Аверьянов, выясни, кто там их наместниками дьявола считает – пусть тебе пробьют, что за человек. Соколовский, Королев, изучайте список тех, кто был на улице. Думайте над мотивом.

Телефон зазвонил, когда Соколовский ехал в машине по ночному городу.

– Аркадий Викторович?

– Мы ждем тебя в офисе, Игорь, – холодно отозвался в телефоне голос Игнатьева.

– Мы – это кто? – попытался уточнить Соколовский.

– Я и мои юристы. Есть один вопрос, касающийся развития компании. Требуется твое присутствие. Прямо сейчас.

Соколовский свернул и поехал к офису Игнатьева. Значит, вот так, ночью? Теряете терпение, Аркадий Викторович.

Когда Соколовский вошел в кабинет, Игнатьев сидел за столом, просматривая документы. Двое его юристов что-то обсуждали у приставного стола. Все трое одновременно подняли головы. Игнатьев выпрямился, глядя на подходившего к нему Соколовского.

– Не садись. Это ненадолго, – небрежно сказал он.

Соколовский молча уселся в крайнее кресло у стола Игнатьева и стал смотреть на него.

– Стоимость моей компании, – заговорил Аркадий Викторович, – с учетом последней сделки выросла. Я имею в виду покупку недвижимости. В связи с увеличившейся стоимостью компании я принял решение довыпустить акции. Как у тебя с математикой, в уме хорошо складываешь?

– Не жалуюсь, – спокойно отозвался Соколовский.

– Новый пакет акций составил двадцать процентов от прошлого объема. Таким образом, те семь процентов, которые у тебя были, превратились в шесть с небольшим. На нашем профессиональном языке это называется «размыть». Тебя «размыли».

Игнатьев взял папку с документами и пустил ее по полировке стола к Соколовскому.

– Можешь наглядно убедиться в том, что я говорю. Но не здесь. Потому что владение шестью с половиной процентами акций не дает тебе права находиться в этом кабинете. И присутствовать на собрании совета директоров.

Соколовский взял папку двумя руками и сидел, все так же молча глядя на нее.

– Я обязательно доведу до сведения миноритариев, к чему ты пришел, представляя их интересы, – с вежливой улыбкой предупредил Игнатьев. – Я, пожалуй, скажу тебе спасибо, Игорь. И до свидания. Если, конечно, ты не намерен потратиться еще и докупить недостающий пакет акций, хотя... – Игнатьев посмотрел в бумаги на своем столе и постучал по ним пальцем. – Как я выяснил, чтобы купить тот изначальный пакет, тебе пришлось заложить отцовскую фирму?

– Было дело, – нехотя признался Соколовский.

– Если у тебя есть вопросы, мои юристы с удовольствием тебе все разъяснят.

Соколовский поднялся и пошел к выходу с папкой в руках, которую ему передал Игнатьев. У двери он остановился и повернулся к хозяину кабинета:

– Один вопрос. Вы готовы раскаться?

– Пошел вон, – поморщился Игнатьев.

Соколовский пожал плечами и вышел, не сказав больше ни слова. В коридоре он набрал номер телефона Константина:

– Константин, это Игорь. Все случилось, как мы и планировали.

– Дай я угадаю. Тебя наконец «размыли»?

– Надо действовать.

– Да, – после паузы ответил юрист. – Я позвоню через пару часов.

Илья успел многое сделать до конца дня. И когда Пряников пришел в отдел Родионовой, там собрались все.

– Уверенно можно утверждать, что это заточка, – говорил Илья.

– Да уж, какие теперь сомнения, – соглашается Пряников.

– И не простая, а серебряная. При вскрытии обнаружился отломанный кончик. Серебро – металл мягкий, а человеческая кость – субстанция твердая.

– Жека, – Соколовский повернулся к Аверьянову, – а кто там, на форуме, что-то об отродьях дьявола писал? Заточки, как и пули, просто так из серебра не делают. Правильно?

– А я бы с другой стороны зашел, – сказал Королев. – Заточка – оружие специфическое. И владеть им учатся обычно в местах не столь отдаленных.

– То есть гадалку убил отсидевший?

– Я бы сказал – человек, знакомый с местами лишения свободы, – уточнил свою мысль Королев.

– Гражданский муж ее из сидельцев, – оторвавшись от списка свидетелей, сказал Пряников. – Поезжайте к нему. Есть повод.

Салон Аглаи представлял собой довольно мрачную комнату, почти полностью задрапированную. Повсюду были развешены амулеты, не обошлось здесь и без черепа на столе и большого хрустального шара. Специфический интерьер. Гражданский муж Аглаи – Геннадий – сидел на диване в майке, демонстрируя все свои наколки. Худой, жилистый, он для своих пятидесяти лет выглядел еще моложаво, если бы не глаза. Глаза выдавали и возраст, и сроки отсидок, и страсти, которые одолевали хозяина.

– Вы, товарищи начальники, зря по мою душу пришли. Я уже шесть лет как на свободе, – монотонно гудел Гена. – Грехи юности были, скрывать не стану. Потом завязал – как отрезал. Опять же, Глашу встретил.

– А почему не женились? – поинтересовался Королев.

– Гражданский брак в Российской Федерации не запрещен же? Вот и жили, как нравилось, – ухмыльнулся Гена и, взяв со стола колоду карт, эффектно перетасовал, пустив колоду веером. – Я ей в ритуалах помогал, бухгалтерию вел, ну и вообще.

– А с покойной часто ссорились?

– Как любой мужик с бабой, – пожал Гена плечами.

– А вот соседи говорят, вы из-за денег частенько ругались, – хмыкнул Жека. – А еще говорят, заявляли, что имеете право на половину доходов. Давай лучше колись, где ты был вчера ночью в районе десяти часов?

– Да тут вот спал. Меня, товарищ начальник, природные явления не трогают.

– Ну, то есть нет алиби? – удовлетворенно заявил Жека.

– У нас с Глашей все ровно было. Какой резон ее убивать? – улыбнулся Гена. – Я, начальник, чистый. Как божий ангел. Так что зря вы приехали ко мне.

Благообразная пухлая старушка лет шестидесяти пяти, в чистеньком платочке под большим пуховым платком, открыла дверь и плавно вошла, почти вплыла в кабинет.

– Благослови вас Господи, – сказала женщина, поднеся руку ко лбу, чтобы осенить себя крестом, но так и не нашла иконы.

Покрутив головой, она обратилась к присутствующим:

– Кто тут главный, сыночки?

Все трое оперативников переглянулись. Даня, с недоумением глядя на старушку, буркнул из-за своего стола:

– Ну, допустим, я. Что вы хотели, мамаша?

– Видение мне было, – с ходу объявила старушка.

– Упс! – хмыкнул в кулак Аверьянов. – А вы кто?

– Матушка Наталья, – чуть наклонив голову, доложились женщина.

– Ладно, подробности опустим, – сказал Соколовский. – И что привиделось?

– Кровь привиделась. Глашка ко мне ночью приходила.

– Аглая? Убитая? – уточнил Жека.

– Во сне. И за собой повела. Показала, где кровушка ее схоронена.

– Так, все! – Королев схватился за голову. – Мать, говори толком, что за кровь, какая кровь?

Где кровь?

– Ну как где, – немного изумилась вопросу матушка Наталья. – На орудии убийства.

– Вы знаете, где орудие убийства? – удивился Соколовский.

– Так о чем я вам толкую-то, – уверенно подтвердила женщина.

– Идемте, бабушка, покажете, – решительно поднялся из-за стола Соколовский. Жека вскочил следом, Даня вставал нехотя, с недовольным видом.

Матушка Наталья привела оперативников в подъезд дома, где жила Аглая. Становилось все интереснее и интереснее. Неужели она укажет куда-нибудь под диван, где Гена спрятал свою заточку? Но женщина остановилась на лестничной площадке у окна и заявила, что здесь ее сон закончился, что покойница Глаша во сне довела ее до этого самого места, а потом она проснулась.

Сыщики почесали в затылках, озираясь по сторонам. Спрятать оружие на лестнице, даже если это и обычная заточка, было сложно. Под перила, скотчем? Нет. Под ковриком соседской квартиры? То же нет.

– Парни. Тут что-то есть, – вдруг позвал Жека, открывая оконную раму, – что-то там висит.

За окном действительно висела какая-то старая тряпка. И когда Жека ее вытянул, то на пол со звоном упала блеснувшая серебром заточка с обломленным носиком.

– Так, матушка, – Даня присел на корточки возле самодельного оружия, – спасибо тебе. Дальше мы сами.

Матушка Наталья с опаской посмотрела на заточку, перекрестилась и пошла вниз по лестнице.

– Илья, вы на месте? – набрал эксперта Соколовский. – Нужна срочная экспертиза. Проверить предмет на отпечатки пальцев, взять образец крови... Да, по делу убитой Аглаи. Спасибо. Завезем.

– Ну что? Есть повод пообщаться с сожителем, – снова заворачивая заточку в тряпку, предложил Даня.

Гена сидел в центре кабинета Пряникова, сложив руки на коленях, и смотрел ленивым взором в окно за спиной подполковника.

– Очень скоро с экспертизы придут пальчики, – заверил Андрей Васильевич. – И шансов на добровольное признание не останется.

– Было бы в чем признаваться, – все так же с ленцой в голосе ответил Гена.

– Орудие убийства возле твоей квартиры нашли! – напомнил Даня.

– И? – Гена даже не взглянул на него.

– Вышел. Пырнул. Скрылся в подъезде. Да она еще жива была, когда ты заточку прятал!

– И я сейчас зарыдать и покаяться должен?

– Не видно, чтобы вы сильно по покойной скорбели, – сказал Соколовский.

– А настоящий мужик на людях скорбеть не должен, – повернув голову к Игорю, сказал уголовник. – Что у меня на душе – мое дело. И ничье больше.

– Хорошо. Но помочь вы можете? Кто мог убить вашу жену?

– Не знаю, начальник. Хоть убей.

Допрос прервал телефонный звонок. Пряников взял трубку:

– Слушаю. Так. Так. Понял. Спасибо.

Положив трубку, Пряников посмотрел на Гену и недовольно сказал ему:

– Значит, так, пока свободен. И чтобы уехать не вздумал!

– Ну что вы, товарищ начальник, – спокойно кивнул Гена, вставая со стула. – Мы люди с понятиями. Разбираемся.

– Не его отпечатки? – догадался Соколовский, когда Гена вышел.

– Вообще отпечатков нет. Предъявить не получится. А чем дольше будем давить без фактов, тем больше он будет уверен в своей безопасности. Я этот тип знаю. А анализ крови еще не готов.

– Мне вот все покоя не дает вопрос, – задумчиво сказал Соколовский. – А почему заточка серебряная? Версии есть?

– Ну... – Жека покрутил пальцами в воздухе. – Типа, как пуля? Типа, чтобы нечистую силу – того...

– Или кто-то так маскируется, – добавил прагматик Королев. – Чтобы мы психа искали. Еще вопрос: откуда бабка узнала, где спрятана заточка? Я в вещие сны не верю.

– Главная беда, что у нас мотива нет, – потирая шею, сказал Пряников. – Думайте. Появится мотив – выстроим логику. А за логикой и убийца подтянется.

Когда наутро Соколовский и Жека вошли в отдел, Королев был уже там. Он коротко кивнул им и заявил:

– Не раздевайтесь. Сейчас к сожителю поедem. Пришел анализ крови – принадлежит покойной.

– То есть реальное орудие убийства, – обрадовался Аверьянов. – Это прогресс.

– Реальное. В двух шагах от их квартиры. Пряник считает, он точно что-то знает.

Дверь открылась, и показалось лицо Пряникова.

– Андрей Васильевич, мы с Аверьяновым и Соколовским готовы ехать, – застегивая куртку, доложил Королев.

– Я с вами еду, – недовольно сказал Пряников.

– Да ладно. Попробуем сами разговорить.

– Уже не разговаривайте, – покачал Пряников головой.

В салоне Аглаи все было разбросано, стол перевернут. И среди всего этого беспорядка лежал труп Гены.

– Все перевернуто, но ничего не взяли, – наблюдая за работой эксперта, сказал Пряников. – Может, и взяли. Мы же не имеем представления о том, что здесь является ценностью, а что нет. А точно уже никто не скажет.

Илья встал на ноги и показал зажатый в пинцете осколок серебристого металла.

– Серебро? Опять? – удивился Даня.

– Конечно, проверить надо, но... – ответил Илья, разглядывая кусочек через лупу. – Думаю, серебро.

– Серийник какой-то. Псих, – проворчал Даня.

– Но если в шкатулке были деньги... И за ними и охотился убийца, то... – стал размышлять вслух Соколовский, расхаживая по квартире. – Убил Аглаю на улице. Может, это было еще и послание мужу. А муж не испугался. Тогда ему заточку подкинул, чтобы мы его забрали. А мы не забрали. Тогда пришел и убил.

– погоди. – Даня потер лоб. – А мы про заточку от бабки узнали?

– Бабка, кроме как про свой вещий сон, ничего нам больше не сказала и не скажет, – уверенно заявил Пряников. – Упертая, в своем мире фантазий живет.

– Нам не скажет? – задумчиво спросил Соколовский. – А может, ее и не надо спрашивать?

– Что ты имеешь в виду, Игорь? – не понял Пряников.

– Пусть сам покажется тот, кто в ее снах фигурирует и про кого она нам рассказать не хочет. Надо походить с ней по дворам тех домов, откуда жильцы приходили на лекцию к профессору про лунное затмение. И громко всем говорить, вот, мол, живет у вас тут главный свидетель, вы ее берегите, присматривайте за ней, как бы ненароком беды с ней не случилось.

– И что дальше? – спросил Жека.

Даня, а потом и Пряников повернулись к нему и стали смотреть так, как будто что-то прикидывали. Соколовский улыбался и кивал.

– Ребята? Вы чего? – заморгал Аверьянов.

Матушка Наталья заперла входную дверь, накинула цепочку. Тишина ночи не нарушалась никакими звуками, даже машин за окном было сегодня мало. Женщина лежала, завернувшись в одеяло на своей постели, когда дверная ручка входной двери тихо повернулась. Еле слышно щелкнул замок, дверь приоткрылась, и рука с резинкой просунулась в узкую щель. После недолгой возни с помощью хитроумного рычага резинка наделась на головку дверной цепочки. И когда неизвестный снова закрыл дверь, цепочка соскочила и повисла.

Темная фигура двигалась по квартире неслышно. Вот и спальня матушки Натальи. Неизвестный подошел к ее постели, прислушался к мерному дыханию спящей, потом в темноте еле заметно блеснул металл заточки. Темная рука взметнулась вверх, и глухо прозвучал удар. Кончик заточки сломался, ударившись обо что-то твердое. И мгновенно загорелся свет, с двух сторон подбежали Соколовский и Королев, хватая мужчину за руки и выворачивая их за спину. На постели, сбросив одеяло, сидел Жека. Он стащил с себя бронежилет и отбросил его в сторону. Жарковато в нем, да еще под одеялом.

– Имя? – строго спросил Пряников мужчину, сидящего посреди его кабинета с руками в наручниках.

– Соловьев. Александр Сергеевич.

– Обвиняешься в покушении на убийство. А также в убийстве гадалки Аглаи и ее мужа, Геннадия Попова.

Соловьев только пожал плечами.

– Матушка Наталья дала показания, – добавил Соколовский. – На этот раз по-настоящему.

– Тогда чего вам от меня? – снова пожал плечами Соловьев.

– Что тебе надо было в той квартире? У Аглаи с Поповым?

– Я с Геней на одной зоне два года кантовался, – нехотя сказал Соловьев. – Потом он жить

пошел. А я остался там. Вышел. Пожил. Нашел его. Пришел как к человеку. Говорю, давай делиться. Бабу твою даже по ящику показывают! А он меня на хер послал. Вот так. После того, как я на зоне его отмазывал. Даже после того, как баба его померла! До чего жадность человека доводит.

– Почему заточки из серебра? – поинтересовался Соколовский.

– Чтобы вы порадовались. Психа чтобы какого-нибудь искали, – ухмыльнулся своей задумке Соловьев.

– Мы порадовались, – согласился Пряников. – И нашли психа.

Соколовский заглянул в палату. Вика смотрела куда-то в сторону, и он залюбовался ее профилем, странным взглядом. Может, она о нем сейчас думает?

– Привет.

– Привет. – Вика повернула голову к двери.

– Как ты сегодня? – Соколовский вошел и сел у ее кровати на стул.

Вика не успела ответить. В палату вошел Даня, неся перед собой на вытянутых руках ведро с цветами.

– Вот, лучшей вазы у них тут нет... – начал он, но тут же замолчал, с неудовольствием увидев Соколовского.

– Может, нам уже составить расписание? – усмехнулся Игорь.

– Не смешно, – огрызнулся Даня.

– А я и не смеюсь.

– Ну все. Хватит. Надоело! – Даня прошел к окну и со стуком поставил ведро на подоконник.

– Даня, – тихо позвала Вика.

– Потому что это цирк какой-то! Мы взрослые люди. Мы что, не в состоянии сказать друг другу правду? – распалялся Даня.

– В состоянии, – подтвердил Соколовский.

– Вот что, – тихо, но очень строго заявила Вика. – Уйдите. Оба.

– Вика...

– Пожалуйста. Вы можете хотя бы дать мне возможность встать на ноги? Неужели я слишком много прошу?

Соколовский поднялся со стула, постоял, глядя на Вику, потом, кивнув, вышел. Даня чуть помедлил и вышел следом.

Игнатьев сидел в своем офисе, хмуро глядя на стакан и бутылку виски. Вошедший юрист чуть кашлянул, чтобы привлечь внимание шефа.

– Аркадий Викторович, мы проанализировали иски, которые подавал Соколовский. Я имею в виду проблемы с миноритариями.

– Опять Соколовский? – грохнул по столу кулаком Игнатьев. – Я больше не хочу ничего о нем слышать!

– Поверьте, это очень важно! Мы проанализировали иски и заметили, что к ним имела доступ ваша помощница Яна. Которую загадочно убили, и притом рядом с гостиницей, где живет Соколовский.

– Дальше.

– У нашей службы безопасности есть опасение, что она могла передать Соколовскому не только информацию о миноритариях, но и информацию гораздо более щекотливую.

– Могла?! Или передала? – Игнатьев поднял на юриста тяжелый взгляд.

– Мы еще должны проверить.

– Так проверяйте! Какого хрена ты ко мне притащился, если ничего толком не знаешь?

Пошел вон!

Подумав в тишине, Игнатьев потянулся к телефону и набрал номер:

– Узнаешь меня? Вот и пришло твое время. Садись в машину и приезжай, куда я сейчас скажу.

Через час Королев сел в машину Игнатьева на пустынной набережной.

– Ну что, Данила? Помнится, я говорил, что у меня найдется для вас дело, – произнес Игнатьев, мрачно глядя в лицо Королеву.

– Было такое.

– Дело нашлось. Хорошо оплачиваемое дело. Справишься?

– Для начала скажите, что от меня нужно.

– Нужно убрать одного человека, – с плохо скрываемым бешенством сказал Игнатьев. – Одного плохого человека.

Он достал из кармана фотографию и протянул Дане. Тот взял фото и повернул так, чтобы свет близкого фонаря осветил лицо. С фотографии на него смотрел Игорь Владимирович Соколовский.

– Номер сбит. – Игнатьев протянул Королеву пистолет. Потом подал пакет, завернутый в полиэтилен: – Здесь аванс.

Даня сидел, глядя на оружие и деньги. Потом молча протянул руку и взял.

– Привет. Можно к тебе? – Катя заглянула в палату.

– Хорошо, что ты приехала. Нам есть что с тобой обсудить, – ответила Вика. – Садись.

– Если честно, то я ненадолго.

– У нас непростой разговор, – сказала Вика.

– Ну... Знаешь, я решила, что пусть как раз будет все просто. Я ведь тоже много думала. Я знаю, что ты и Игорь... Я вижу, как вы относитесь друг к другу. И знаю, как отношусь к нему я, так что... – Катя неловко улыбнулась. – Я решила, что пусть будет, как будет. Как само сложится. Не могу больше ни о чем париться.

– То есть... тебе не важно?

– Наоборот. Мне очень важно. Но... по-моему, сколько бы мы ни старались, мы не можем ни на что повлиять. Все уже как-то решено, мы просто пока этого не понимаем.

В палату вошел врач, кивнул Кате и посмотрел на Вику:

– Здравствуйте, девушки! Как вы, Виктория Сергеевна?

– Я пойду, – поднялась было Катя, но Вика ее остановила:

– Подожди. Мы не договорили.

– Я ненадолго, – улыбнулся врач. – Просто пришел порадовать. Рана чистая. Инфекции нет. И главное, что плод не задет – это особенно радует.

– Плод? – Вика уставилась на врача.

– Да. В смысле... ну... ребенок.

– Какой ребенок? – Ошарашенная, Вика стала приподниматься на кровати.

– Ты беременна? – спросила Катя.

– А вы что? Не знали? – смутился врач. – Ну, значит, я вам вместо одной хорошей новости сразу две принес. Вы общайтесь, а я еще попозже загляну. Все обсудим.

– А какой срок? – спохватилась Вика, когда врач уже открыл дверь.

– Шесть недель минимум.

Врач еще раз ободряюще улыбнулся и вышел. Вика лежала, глядя прямо перед собой, потом

повернула голову к Кате и улыбнулась через силу:
– Вот все и сложилось.

Вика сидела на кровати и смотрела перед собой. Более непонятного ощущения себя у нее еще не было в жизни. Радоваться ребенку? Но ведь для этого очень многое нужно понять... Господи, неужели нельзя быть просто счастливой, неужели для этого нужно что-то понимать, ощущать...

Дверь палаты распахнулась, и с привычной деловитостью вошел лечащий врач, внимательный и добрый. Но даже он не мог помочь.

– Доброе утро! Как себя чувствует наша будущая мама?

– Нормально. – Вика посмотрела на доктора так, что обычная благожелательная улыбка сошла с его лица.

– Никаких жалоб нет? – на всякий случай спросил доктор.

– Скажите, вы могли ошибиться в сроке беременности? Может, не шесть недель? Меньше?

Врач понимающе улыбнулся, взял стул за спинку, поставил рядом с Викой и уселся на него.

– Со сроком все совершенно точно, – сказал врач, потом внимательно посмотрел Вике в глаза: – Простите, если лезу не в свое дело – я так понимаю, есть сомнения по поводу отцовства?

– Теперь точно нет, – покачала Вика головой.

В дверь постучали, и тут же в проеме появилось улыбающееся лицо Соколовского:

– Привет! Доктор, как наш больной?

– Идет на поправку, – бросив взгляд на Вику и пряча улыбку, ответил врач.

– Мне попозже зайти? – глядя то на доктора, то на Вику, спросил Соколовский.

– Давай чуть-чуть погуляем тут, во дворе. Мне ведь можно, доктор?

– Мне кажется, вам это даже нужно.

Снег скрипел под подошвами, а в парке клиники было очень тихо. И как-то даже спокойно. Как будто находишься в другом мире. Здесь хотелось тихо бродить и думать о хорошем и спокойном.

– Что говорит врач, скоро я смогу тебя забрать? – прервал затянувшееся молчание Соколовский.

– Забирать не надо.

– Хорошо, я могу переехать к тебе – у тебя очень хорошая палата, – чувствуя напряжение Вики, попытался пошутить Игорь.

– У меня будет ребенок, – решила наконец Вика. – От Дани.

И ничего не произошло, не рухнуло небо, не вспыхнул Игорь, не кинулся истерично кричать, что я тебя любил, а ты... Вообще ничего. Только молчаливая пауза. А потом его спокойный голос:

– Даня уже знает?

– Я хотела, чтобы вначале узнал ты.

– Я сам просил тебя сделать выбор. Даня знает?

– Нет. И не говори ему. Я сама.

Соколовский взял ее за руки и посмотрел в глаза:

– Так точно, товарищ капитан.

– Не надо так...

Королев смотрел на них из машины, напряженно щуря глаза. Стоят так близко, Мажор держит Вику за руки. Рука Королева сама тянет пистолет с глушителем из бардачка, а потом сует его за пазуху. Даня взялся за ручку двери, когда Соколовский вышел за ворота парка клиники, но

тут Мажор кого-то увидел и замахал рукой.

– Твою мать... Ладно, не сейчас...

Соколовский перебежал проезжую часть и нагнал девушку.

– Аня, стой! И куда спешим?

– Оставь меня в покое, – обернувшись, резко бросила Аня, но в глазах у девушки была боль и одиночество.

– Ты к сестре? – попытался помочь ей Соколовский.

– Не важно, – уже не так агрессивно ответила Аня.

– Все равно приехала – почему не зайти?

– А если я не знаю, как мне теперь с ней разговаривать?! Привет-привет! Как ты? Отлично!

А ты? А я во сне вижу, как ты убиваешь моего парня!

– Ясно. Пошли. – Соколовский взял Аню за локоть и повел к своей машине. – Только не к ней. Я хочу тебя кое с кем познакомить. Поверь, тебе это надо. – Игорь посмотрел в глаза Ане и негромко добавил, усаживая ее на сиденье: – Плохо тебе? Я знаю. Будет легче.

Прежде чем сесть в машину, Соколовский достал телефон, постоял, размышляя, как будто чувствуя, что Даня где-то рядом. Потом решительно набрал его номер. Объявив для начала, что у Жеки намечается мальчишник по поводу предстоящей свадьбы, он сразу без предупреждения попросил Даню зайти к Вике. Обязательно.

Соколовский заехал во двор дома и остановился. Аня молча стала смотреть по сторонам, но он уже подошел к ней и подал руку, помогая вылезти из машины.

– И куда ты меня привез? – наконец спросила Аня.

– Здесь живет Маргарита, – не выпуская Аниной руки, сказал Игорь. – Ее муж был игроком. Он специально летал в Вегас, в Монте-Карло, в Макао. Продал свою компанию ради денег и времени на игру. Он влез в огромные долги, а потом его нашли в лесополосе на Минском шоссе.

– Зачем ты мне все это...

– Потому, – перебил ее Соколовский, – что выяснили про твоего Вадима. Он в своем Волгограде знаешь сколько проиграл? И кому? Поговори с Ритой. Послушай, как она это пережила. Как хотела покончить с собой. И как она не сломалась.

– Я Вадима любила! Ты ничего не понимаешь! – в последний раз попыталась сопротивляться Аня.

– У тебя простой выбор. Либо выслушать человека, который смог выжить в похожей истории. Либо всю жизнь бегать. От родных. От друзей. От своих воспоминаний. – Игорь выпустил руку Ани и отошел на шаг назад, как будто отпускал ее, как кораблик весной по ручью. – Выбор за тобой. Квартира сорок два. Она тебя ждет.

Игорь повернулся спиной к Ане и пошел к машине. И сквозь скрип снега под ботинками он все же услышал характерный писк домофона. Он медленно обернулся и увидел только, как за Аней закрывается дверь.

В отделе Соколовскому пришлось с утра успокаивать разволновавшегося Аверьянова. Стало понятно, что отпускать его одного в дальнейшее «плавание» к берегам будущего семейного счастья с Ниной рано. Курировать придется до самого алтаря.

Королев вошел, неприязненно глянул на Соколовского и стал раздеваться.

– Ты был у Вики?

– Не успел, – сухо ответил Даня. – Завтра.

Соколовский так и не придумал, как намекнуть Дане, чтобы он навестил Вику именно сегодня. У него зазвонил телефон, и пришлось уйти за свой стол и ответить. Звонила старая знакомая, Вера, с которой он не общался тысячу лет.

- Привет, – ответил он. – Неожиданно.
- Игорь, – немного нервным голосом спросила Вера, – ты ведь теперь в полиции?
- Не знал, что я настолько знаменит, – с привычной иронией отозвался Соколовский.
- Видела тебя по телевизору, когда был скандал вокруг Крыловой. То есть это правда, да, Игорь?
- Служу силам добра и света. А что нужно?
- Мне нужна помощь полиции. Но чтобы об этом никто не узнал. – Голос Веры звучал как-то устало, даже уныло. – И кроме тебя... не знаю, кому я могу доверять.
- Мне можешь доверять. Только голос у тебя как на поминках...
- Потому что я боюсь, Игорь.
- Чего боишься, что случилось, Вера?
- Не знаю. За себя. За свою жизнь.
- Так. – Соколовский стал серьезным. – Ты сейчас дома? Мы скоро приедем.

Вера встретила их в прихожей. Соколовский вошел первым, представив Веру, а ей своих коллег: Даню, Жеку и эксперта Илью.

– Проходите, ребята. – Вера повела рукой, приглашая в гостиную. – Спасибо, что так быстро приехали.

Соколовский, чтобы не терять время, взял Веру под локоть и повлек в гостиную, усадив там на диван. Жека уже глазел по сторонам, разглядывая мебель, женские безделушки на стенах. Даня, по-прежнему мрачный, шел следом, ни на кого не глядя. Вера, усевшись на диван, стала рассказывать:

– Все началось четыре месяца назад. Незадолго до этого я перенесла нервный срыв, ходила к психологу, только-только начала вылезать и...

– Началось-то что? – как обычно минуя эмоциональную часть, сразу перешел к фактам Даня.

– Проще показать, – сказала Вера. – Вы посмотрите на фотографии на стенах. – В гостиной действительно было много фотографий с различных мероприятий: концертов, туров, каких-то вечеринок или корпоративов. И почти на всех фотографиях лицо Веры было вырезано. – Это не все, дальше в спальне. Пойдемте со мной.

Соколовский и Жека следом за Верой вошли в спальню и сразу увидели, что под потолочным светильником свешивались на нитках те самые овалы с лицом Веры, которые были вырезаны с ее фотографий.

– Жуть... – тихо произнес Жека. – И так четыре месяца?

– Не все время... И не совсем так... Я сейчас вам покажу.

Соколовский увидел, что у Веры немного трясутся руки. «А ведь все очень серьезно, – подумал он. – Я Веру давно знаю, и характер ее знаю прекрасно. И если уж она действительно боится, то дело серьезное».

– Вот смотрите, – Вера показала оперативникам экран своего телефона. – Я фотографировала... Раньше у меня тут был аквариум.

Оперативники увидели на фото аквариумных рыбок. Они были разложены прямо на столике в гостиной. Мертвые, с открытыми ртами.

– Горничную проверили? – первым делом спросил Даня.

– Уволила, если честно. Даже не разбиралась. И замки сменила. Но потом... – Вера снова стала листать фотографии. – Вот смотрите. Это мои концертные костюмы, платья.

На фото был манекен, установленный посреди комнаты, а на нем клочьями висели остатки обгоревшей одежды. Даня посмотрел на фото, покачал головой и спросил:

– Что ж вы полицию сразу не вызвали?

– Я не хотела скандала, и потом... это больше не повторялось почти два месяца. Я только-только начала спать спокойно.

– Разрешите, заберу – проверю пальчики? – попросил фотографии Илья.

– Конечно, берите... Только... Я вас очень всех прошу: я не хочу, чтобы об этом узнали. Я и так еле держусь, боюсь опять сорваться. Снова психолога вызвала. В общем, Игорь, я очень надеюсь...

– Не волнуйся. Анонимность – не проблема. Мы сейчас тут все посмотрим, а заодно и вспомним каждого, кто к тебе ходит. Значит, постоянно у тебя тут только домработница и повар?

– Да. Хотя... Есть еще один мальчик, стилист. Он меня понимает, дает правильные советы. Иногда встречаемся тут. Не чаще чем раз в месяц.

– И ты никого не подозреваешь? – спросил Соколовский, заставляя Веру сосредоточиться.

– Игорь, если бы я знала, я бы не стала вас звать. Я же не паникер, ты меня знаешь.

Неожиданный звонок снизу прервал разговор. Вера спохватилась и прикусила губку:

– Психолог пришел... Совсем из головы вылетело! Вы же все посмотрели и все спросили?

– Да-да. Можем отчаливать, – поспешно кивнул Даня.

– Извините, что так получается, но... это для меня важно.

– Хорошо, я позвоню, когда будут результаты, – сказал Соколовский и чуть задержался, взяв Веру за локоть. – Скажи, а может, психолог...

– Нет, ну... – Вера покачала головой: – Он тут бывает раз в две недели. И я слишком хорошо ему плачу, чтобы он хотел отправить меня в психушку.

Соколовский вышел вместе со всеми на улицу и обернулся, глядя на дом снизу.

– Получается у нас следующее, – сказал он. – У кого-то есть ключ от ее квартиры. И она об этом не знает.

– Да точно кто-нибудь из ее холопов, – раздраженно махнул рукой Королев.

– Не клеится, – возразил Игорь. – Прислуга с ума сводить не станет – так и без работы легко остаться. Интересно, он просто пугает или реально опасен? Что, если сегодня ножичком по горлу на фотографии, а завтра вживую попробует? Давайте так: незаметно покатаемся за ней до конца дня и у квартир подежури́м?

– Ага, и заночуем на коврике, – проворчал Даня.

– Уверен: тот, кто за ней следит, делает то же самое, – проигнорировал шутку Королева Соколовский.

– Я согласен, – ответил Жека.

– Ну и отлично. – Соколовский достал из кармана ключи от машины. – Даня, ты давай на своей, а мы с Жекой на моей.

Ехать пришлось не очень далеко. Вера отправилась в торговый центр. Предстояло нелегкое испытание – наблюдать, как женщина выбирает себе одежду или белье. Соколовский, чтобы всем троим не мозолить глаза, расставил Даню и Жеку по разным сторонам на этаже, а сам пошел за Верой, стараясь держаться за спинами покупателей и витринами с рекламой.

Вера встрети́лась с элегантн́ым молодым человеком, они коротко дружески прижались щеками и отправились в кафе у лифтов. Видимо, это и был тот самый стилист, судя по прическе и одежде парня. Парочка уселась за столик в кафе, и знакомый Веры стал что-то увлеченно показывать ей на планшете. Они очень энергично что-то там обсуждали, а Соколовский смотрел на телефон Веры, который лежал на столе возле ее локтя... А еще он обратил внимание, что и стилист поглядывает на телефон своей знакомой.

Пока Соколовский следил за Верой, Жека и Даня спорили о женщинах, большей частью о богатых и избалованных. И Даня откровенно уговаривал Жеку не связываться с Ниной и дамами

ее круга.

– Але, – в телефоне Аверьянова раздался голос Соколовского. – Вера ушла из кафе, а ее знакомый стащил у нее телефон. Давайте ко мне быстрее.

Когда оперативники подросли, за столик стилиста уже подсел парень с видом типичного хипстера. Стилист вытащил телефон Веры, и оба принялись присоединять его проводом к ноутбуку. Пока они стучали по клавишам и что-то обсуждали, Соколовский с коллегами прошли в кафе и встали вокруг парней. Парни удивленно уставились на незнакомцев. Соколовский достал удостоверение и решительно захлопнул крышку ноутбука.

Вера шла торопливым шагом по торговому центру, когда неожиданно увидела Соколовского, подпиравшего плечом стену возле бутика.

– Игорь, привет! – улыбнулась Вера.

– Обнаружила, что нет телефона? – поинтересовался Соколовский.

– Ты откуда знаешь? – удивилась Вера.

– Я же мент. И, возможно, мы его поймали. – Игорь показал на вход в кафе, откуда Даня и Жека выводили стилиста с его другом.

– Славик? – опешила Вера.

– Ты сама говорила, что он приезжал к тебе домой.

– Да, но... – Вера с укором смотрела на стилиста. – Мне казалось, что мы друзья почти...

– Возьми, – Соколовский протянул Вере телефон. – Они пытались скачать оттуда твои контакты с целью их коммерческого использования.

– Что? Да, спасибо... – растерянно ответила Вера.

Мальчишник они начали в отделе, куда Соколовский пригласил трех стриптизерш в кожаных костюмах, стилизованных под американскую полицию. Обалдевший от неожиданности, Жека даже чуть испугался. Но когда вошел в раж и когда Соколовский организовал звонок Нине, предупредив, что сегодня ее жених на мальчишнике, Жека разошелся на всю катушку. Потом они пригласили Пряникова и отправились вместе в бар.

Игнатьев сидел с закрытыми глазами в большом домашнем кресле, не сняв костюма и просто ослабив узел галстука. Если бы кто-то сейчас посмотрел на его осунувшееся лицо с глубоко запавшими глазами и обострившимися чертами, то подумал бы, что Аркадий Игнатьев умер.

Включился селектор, и мужской голос прошелестел:

– Аркадий Викторович, к вам приехал господин Деркач.

Игнатьев протянул руку, нажав кнопку:

– Впусти.

Игнатьев не пошевелился. В этом было все его отношение к визитеру. Как, впрочем, и к большинству людей на этом свете. Вошедший мужчина, лет сорока, в форме полковника таможенной службы, с портфельчиком, даже и не попытался пожать Игнатьеву руку. Он, видимо, хорошо знал привычки и манеры этого человека. Полковник уселся на стул напротив Игнатьева.

– Приветствую, Аркадий, – бодрым голосом сказал он. – Надеюсь, не отвлек? А где супруга?

– На курорте, – сухо отозвался из кресла Игнатьев. – Что надо?

– Ну как же. Ты что, не слышал последнее выступление президента? У нас на таможене кресла кое под кем сразу зашатались.

– Не надо вот так издалека, Руслан. Говори уже, зачем пришел.

– Работать стало сложнее, Аркадий, – с сожалением сказал Деркач. – То, что ты везешь через границу, привлекает ненужное внимание. Пока я в силах это уладить, но рано или поздно

информация может просочиться выше, а там... – Полковник многозначительно покачал головой.

– И чье внимание привлекает?

– Фамилия Соколовский тебе что-нибудь говорит?

– Говорит, – заметно скрипнув от злости зубами, ответил Игнатьев.

– Так вот, от него и копают. И накопают при желании. Ты знаешь, я всегда на твоей стороне.

Но меня нужно... мотивировать, да.

– Сколько? – глухо спросил Игнатьев.

– Я не зверь, Аркадий. Пусть будет обычная полугодовая сумма единовременно. Разумеется, остальные расчеты – как всегда. Это такой форс-мажор, если угодно.

– Сиди, жди, – перебил полковника Игнатьев, затем поднялся рывком и вышел из комнаты.

В кабинете он открыл сейф, не глядя собрал всю наличность, которая там была, и вернулся в холл. Деркач с удовольствием смотрел, с чем в руках вернулся Игнатьев.

– Вот. Тут даже больше, – швыряя деньги на стол, сказал Игнатьев и снова сел в кресло. – Чтоб не кланчил на непредвиденные расходы.

– Отлично. Спасибо, Аркадий. Я знал, что ты поймешь, – торопливо заговорил полковник, сгребая деньги в свой портфельчик. – И на будущее, Аркадий: если дела пойдут совсем плохо, никакая мотивация уже не сработает. И уж тогда извини.

Деркач молча ждал, что ему ответит Игнатьев, но тот сделал лишь одно движение подбородком, которое означало: убирайся. Полковник вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Веселье в баре получилось. И Андрей Васильевич разговорился. Выпив, Пряников оказался вполне приличным дядькой. Он принялся рассказывать Соколовскому о своем детстве и своей юности, а потом удивил всех тем, что в молодости хорошо танцевал брейк. Соколовский смотрел на своих подвыпивших коллег и думал о том, может ли все это стать его семьей? К этому он стремился? Сможет ли он сродниться с этими людьми? Ну, не именно с этими, а вообще, с миром вот таких людей.

Достав телефон, Соколовский прошелся по записной книжке и задержался на контакте «Катя». Потом, неожиданно поднявшись, он пошел в глубь бара. Соколовский не видел, что в этот момент в дверях появился Королев, который проводил его взглядом, а потом двинулся следом.

Игорь стоял на улице под чуть сыпавшим мелким снежком и держал телефон возле уха. Длинный гудок. Еще. Не ответили. Соколовский опустил руку с телефоном и поднял голову, глядя в ночное морозное небо. А за его спиной Даня медленно поднимал руку, сжимавшую пистолет с глушителем. Никого вокруг, никто и не узнает. Только нажать на курок – и все. Лучше момента и не придумаешь. И множество проблем решится сразу.

Соколовский снова набрал номер на телефоне и приложил его к уху. И почти сразу за его спиной в кармане Королева зазвучал вызов. Соколовский повернулся, увидев Даню, который засунул руку за спину под куртку.

– О! Доехал? – улыбнулся Соколовский.

Вика сидела на кровати и прижимала трубку к уху.

– Не могу сейчас говорить, – отозвался Даня.

– Выслушай меня, я быстро, – заторопилась Вика, боясь, что Даня сейчас отключится, – иначе мы никогда не поговорим. У нас будет ребенок.

– У нас? – переспросил Даня и замолчал.

– Да! У нас с тобой. Я считаю, что все остальное не важно. Мы будем считать, что всего остального просто не было. – Вика всхлипнула и вытерла тыльной стороной руки слезу. – У нас

будет ребенок, Даня.

Музыка давно не играла, официанты убрали со столов, бар опустел, и даже свет в большей части зала погасили.

– Надо проводить девочек. – Соколовский показал на трех мирно спящих девчонок, которых он приглашал для Жеки.

– А я провожу мальчика. – Пряников поднялся и взял за плечо Жеку.

– А я попробую к Вике, – заявил Даня.

– Пошли. Я с тобой, – поднялся следом Соколовский.

Даня одернул брюки, незаметно поправив под ремнем пистолет с глушителем.

– А тебе со мной не надо. Не сегодня, – сказал он и, отсалютовав всем, направился к выходу.

– Помирились бы вы уже, – сказал Пряников.

– Теперь помиримся. Предсказываю, – пообещал Соколовский.

Илья достал папку и выложил ее на стол. Соколовский с интересом ждал результатов исследований эксперта. Жека откровенно клевал носом после вчерашнего мальчишника. Даня снова был за своим столом, снова отгородился от всего мира, как в улитка в панцире. Пряников, с неизбежными бумажками на местах порезов во время бритья, в ожидании барабанил пальцами по столу.

– Отпечатков много, – рассказывал Илья. – В основном двух человек – уборщицы и самой хозяйки.

– У стилиста с его приятелем отпечатки взяли? – подал голос из своего угла Даня.

– Взяли. Совпадений нет. Но предположу, что наш клиент отпечатков не оставляет. И обратите внимание, что каждый его поступок сразу попадал в цель. Приводил к нервному срыву. Расшатывал нервы.

– Это значит, – снова вставил Даня, – что неизвестный потерпевшую хорошо знает?

– Общается с ней, – задумчиво произнес Соколовский. – В курсе ее жизни. Стилист, похоже, отпадает. Какой-то друг?

– Да уж, какой там друг – придурок! – утрюмо сказал Жека.

– Бывают и такие друзья, – ответил Соколовский, вынимая из кармана зазвонивший телефон. – Привет! Как раз говорим о тебе.

– Игорь, – каким-то странным ледяным тоном сказала Вера, – у вас там компьютер есть? Тогда я тебе сейчас эсэмэской сброшу адрес для поисковика. Посмотри один любопытный ролик и перезвони мне.

– Конечно.

Через минуту Жека нашел ролик под названием «Как звезда наказывает фанатов – оперативная съемка». Во всей красе был кем-то снят и выложен в Интернете процесс захвата Соколовским с коллегами стилиста Веры с его дружкой в кафе торгового центра. Соколовский быстро набрал Веру:

– Это не мы слили.

– Да? И как ты это докажешь?

– Никак, – вздохнул Соколовский.

– Игорь, – укоризненно сказала Вера, – я об одном просила. Чтобы все было тихо.

– Я понимаю...

– Нет. Очевидно, не понимаешь, – зло бросила Вера.

– Давай, я приеду, мы поговорим.

– Нет. Зря я тебе доверилась. Не нужно было никого вызывать.

– Подожди! – Соколовский даже повысил голос. – Ситуация странная. Надо разбираться. Ты

правильно сделала, что обратилась. Мы как раз говорим о том, что это кто-то, кого ты хорошо знаешь, кому рассказываешь о своих переживаниях...

– Не надо меня накручивать!

– Я приеду. Прямо сейчас.

– Нет. Не надо. Ко мне сейчас мой психолог придет.

– А после? – настаивал Соколовский.

– Что я буду делать после, вас не касается.

Гудки... Игорь опустил руку с телефоном. Все смотрели на него.

– Ладно. Чего мы голову ломаем? Дело с возу, отделу легче, – сделал вывод Даня. – Да и вообще. Мало ли кто нас снимал. Там было полно народу!

– Не-не-не, – запротестовал Соколовский. – Она отдельно просила – чтобы все было тихо.

Для нее это был принципиальный момент. И в тот же вечер кто-то это выкладывает... Не похоже на случайность! – Он снова стал отматывать запись назад. – А в чем у него отдача?

– Какая еще отдача? – не понял Пряников, отрываясь от чтения результатов экспертизы.

– У клиента нашего. Столько усилий прилагает. Проникает в чужую квартиру, следит, устраивает сложные инсталляции... В чем кайф? В процессе? – Соколовский отрицательно покачал головой.

– Я бы предположил, они общаются, – вставил Илья.

– То есть он ее доводит, а потом жилеткой работает? – съязвил Даня. – И кто тогда этот хмырь? И как он в торговом центре так вовремя оказался?

– Проследил за ней, вот как... – заявил Жека.

– Судя по видео, следил он не за ней, а за нами, – возразил Соколовский. – Значит, он пасет ее квартиру. Там и сел нам на хвост. Но почему он поехал за нами, а не за ней? Это странно. Ну не мог же он знать, что мы собираемся за ней следить! А что, если он был рядом с ней в тот момент, когда я расспрашивал ее о планах на вечер? И, скажем, она сама ему рассказала, что обратилась в полицию?

– И кому она могла вот так просто все выболтать? – подсказал Даня.

– Ну... – неуверенно добавил Жека после паузы, повисшей в комнате, – а она вчера после нас к своему психологу поехала. Нет разве?

Вера сидела на диване в своей гостиной с красными от слез глазами. Молодой психолог смотрел на нее участливо.

– Послушай, – сказал он. – Мне кажется, я разгадал твоего преследователя.

– Серьезно? – уставилась на него Вера.

– Вначале были рыбы. Рыбы, вынутые из воды, задохнулись. Лишились самого ценного. То есть ты, уехав из родного города, потратила самое ценное, свой дар, на потребу публике. Дальше, твои концертные платья. Их сожгли, но огонь – это и очищение. То есть это призыв очиститься, отказаться от концертной суеты.

– А вот это, последнее, – Вера кивнула на спальню, – фотографии?

– Но ты сама сказала, что пострадали только концертные фотографии. Так что это просто. Речь идет о том, что ты лишилась своего лица, своей индивидуальности.

– И что мне делать? – Вера уставилась на психолога непонимающим взглядом. – Уехать домой? Отказаться от концертов?

– Если честно... Тебе не стоит быть одной.

– Это в каком смысле? Я не поняла.

– Одинокие женщины привлекают таких сумасшедших. Замужних они просто не замечают.

У Веры зазвонил телефон. Она посмотрела на экран и сбросила звонок.

– Игорь названивает. – Вера с сомнением посмотрела на психолога: – Ответить?

– Ты внятно дала ему понять, что не нуждаешься в посторонней помощи.

– Сплю совсем плохо, – вздохнула Вера.

– Есть отличное средство. Я выпишу рецепт. И подумай над тем, что я тебе сказал. Про одиночество.

Вера улыбнулась и кивнула в ответ. В этот момент ей на телефон пришло сообщение. Она просмотрела его и о чем-то задумалась.

– Не сдастся? – сочувственно спросил психолог. – Ну, ладно, мне пора.

– У меня сейчас встреча в городе. – Вера посмотрела в глаза психологу: – Тебя куда-нибудь подбросить?

– К ближайшему метро, если не трудно.

– Конечно, не трудно, – ответила Вера, задержавшись на диване и набирая кому-то сообщение.

Когда они вышли на улицу и Вера подошла к своей машине, психолог задержался, общаясь с кем-то по телефону.

– Послушай, – догнал он Веру. – Я пешком. Надо по дороге зайти в магазин.

– Хорошо. Завтра увидимся. С тебя таблетки для сна.

Вера села за руль, завела мотор, и через несколько секунд ее машина скрылась за углом. Психолог меньше минуты шел вдоль дома, но потом развернулся и направился назад, к подъезду, в котором жила Вера.

Несколько раз щелкнул замок, и дверь квартиры открылась, пропуская в прихожую немного света из общего коридора. Мужчина довольно уверенно прошел в темноте через гостиную, надевая на руки тонкие пластиковые перчатки. Он двигался не спеша, было слышно даже, как он глубоко дышит. Или вдыхает аромат квартиры Веры? Наслаждается атмосферой? Кончиками пальцев он касался предметов, мимо которых проходил. Мужчина вошел в спальню, открыл шкаф и достал концертный костюм. Подвинув стул, он повесил его под светильник так же, как раньше подвешивал туда вырезанные из фотографий лица. Он поднял рукава рубахи и прикрепил их к воротнику. И сразу костюм стал похожим на человека, страдающего от удушья.

За спиной раздался щелчок. Мужчина обернулся, и тут же в квартире загорелся свет. Соколовский, стоя с телефоном, на который он только что сфотографировал психолога, с веселым видом говорил в трубку кому-то:

– Убедилась? Теперь убедилась?

Вера приехала и вскоре снова сидела на своем диване. Психолога в наручниках посадили на стул посреди гостиной.

– Вот на хрена? – развел руками Даня. – Можешь ты это объяснить?

– Потому что я ее люблю!

– Саша, что ты вообще говоришь такое? – выпалила Вера.

– Мы с тобой жили в одном городе! На соседних улицах! Ты еще была никем! И в упор меня не замечала. Потом переехала... А я следил, как ты поднималась... – Он говорил, и на его лице появилось мечтательное выражение. – Газеты, журналы – везде ее фотография... Никуда от нее не деться... Выучился на психолога. Потому что хотел в себе разобраться. А потом понял: это же не случайно!

– Говори-говори, – поторопил психолога Соколовский, видя, что тот с головой ушел в воспоминания.

– Переехал за ней. Выяснил, что у нее уже есть психолог. Им же всем всегда психолог нужен! Перехватил.

– Мой предыдущий психолог упал на лестнице возле своей квартиры... Обе ноги

переломал, – задохнулась от возмущения Вера. – Так это – ты?!

– Та-ак, вот уже и нападение нарисовалось, с нанесением телесных повреждений, – сказал Жека, видя, что психолог опустил голову и не стал отвечать.

– Тебе ведь со мной спокойно было, – вдруг сказал он тихо Вере. – Зачем ты ментов позвала?

– Спокойно?! Ты ходил в мою квартиру, пугал меня до смерти!

– Потому что, когда у тебя все было хорошо, тебе было на меня плевать! Хоть раз ты мне позвонила просто так?! Как дела, спросила?!

Соколовский открыл камеру телефона психолога и покачал головой.

– А у него все ваши сеансы записаны. – Соколовский повернулся к молодому человеку и спросил: – А что ты с ними потом делал, а? Пересматривал дома?

– Даже думать об этом не хочу. Игорь, – сказала Вера, – у меня есть огромная просьба...

– Понимаю. Не волнуйся. Заявлений для прессы не будет.

Королев размашистым шагом пересек комнату от двери до стола Игнатьева и положил перед ними пистолет и пачку денег, полученных не так давно в машине.

– Заказ аннулируется, – коротко сказал Даня.

– Э нет, господин Королев, – угрожающе прищурился Игнатьев. – Я же не пиццу с анчоусами заказывал. Такие заказы, как мой, не аннулируют.

– Еще как. И не забывайте, что я мент.

– Интересно, – удивленно посмотрел на него Игнатьев. – И что из этого следует?

– То, что я могу вам припаять покушение на убийство. Зачем вам такие хлопоты?

– А ты сложнее, чем я думал, – задумчиво произнес Игнатьев. – Или проще. Смотря как подойти. Хорошо, иди. Свободен, свободен, наконец-то свободен! Знаешь, кто так говорил?

– Нет, – буркнул Даня.

– Мартин Лютер Кинг. А знаешь, как он закончил?

– Нет, – все так же буркнул Даня.

– Плохо, – серьезно ответил Игнатьев.

Королев посмотрел бизнесмену в глаза, повернулся и решительно вышел из кабинета, даже не закрыв за собой дверь. Игнатьев с усмешкой выдвинул ящик стола и бросил туда пистолет и деньги.

– Что за экстренная встреча? – Соколовский прошел к своему столу и уселся в кресло. – Все пропало?

– Почти, – ответил Константин.

– Игнатьев «закрыл» тему с нарушением ввоза санкционных товаров, – добавил Васильев.

– Совсем закрыл? – помрачнел Соколовский.

– Совсем.

– Теперь у вас нет повода, чтобы объявить эвент оф дефолт, – добавил Константин.

– Какие предложения?

– Предложений пока нет. Но если мы не найдем новый повод для эвент оф дефолт, весь ваш крестовый поход рухнул.

– И получается, Игорь, что ты глупо разорил компанию своего отца.

Соколовский задумчиво посмотрел на Константина, на Васильева. Положение серьезное, и так вот просто решения не найти. Очень не вовремя зазвонил мобильник. Соколовский недовольно взял телефон и посмотрел на экран. Номер не определен. С досадой он поднес трубку к уху.

– Ты не в тему, – сказал он.

– А, ну извини, – ответил голос Стаса. – Только не вздумай положить трубку! Иначе кое-кого завтра весь день будут показывать в новостях.

– Что ты сделал? – Соколовский резко поднялся из кресла.

– Тебе любопытно?

– Отвечай! – зло потребовал Соколовский.

– Ну, подумай. Все ли у тебя под контролем. Главное – не вешай трубку. Я хочу слышать, как ты охреневаешь от ужаса!

Соколовский поднялся из-за стола и быстро пошел из кабинета. Игорь услышал, как его окликнул Васильев, но не ответил. Он спустился на улицу к своей машине.

– Не вздумай трогать Вику. Я клянусь...

– Ну что ты, – перебил его Стас. – Я никогда не повторяюсь. Включи мозги, Игорек! Кого ты сейчас не контролируешь?

– Только не вздумай ей звонить!

Соколовский сел в машину и включил программу слежения. Красная точка, изображающая машину Кати, перемещалась по карте. Игорь включил телефон на громкую связь:

– Где Катя?

– Сообразил? – одобрительно ответил Стас.

– Где она?

– Догони – и узнаешь! – посоветовал Стас.

Соколовский стиснул зубы и нажал на газ. Машина сорвалась с места и понеслась по ночному городу. На этом участке машин было мало, и Игорю удавалось обгонять, перестраиваться и почти не терять при этом скорость. Стас не отключался.

– Не трогай ее!

– Вику трогал, а ее не трогай? – удивился Стас. – Не справедливо!

– Она ни при чем! – Соколовский поглядывал на экран, видя, что машина Кати выполняет какие-то странные замысловатые маневры.

– Игорек, – усмехнулся Стас, – все, о ком ты печешься, при чем! Спорим, Игорек, ты себя не простишь! Не-е-ет, не простишь!

– Я тебя урою! – прохрипел Соколовский, чувствуя, что его руки на рулевом колесе стали влажными.

– О! Нотки здоровой агрессии! А ты не конченный еще парень! Разгоняйся, Игорек! Разгоняйся!

Игорь вылетел на пустырь и сразу же увидел стоявшую там машину Кати с включенными фарами. Он резко нажал на тормоз.

– А теперь из машины вышел и ножками! – велел голос Стаса в телефоне.

Соколовский открыл дверь, остро ощущая себя безоружным. У него даже никакой палки не было в руке. Стиснув зубы, он вышел на снег и двинулся к машине Кати, стиснув зубы и кулаки. Он даже весь подался вперед, как будто шел грудью на ветер.

– Какие мы грозные... Ближе, Игорек. Ближе.

Чего ждать? Что он увидит Катино тело? А может, взрыва, выстрела? В салоне было пусто. Соколовский обошел машину: на заднем сиденье тоже пусто. Он подошел к багажнику, постоял почти минуту и открыл его. В багажнике снова было пусто.

– Жаль, что ты себя не видишь, это же сдохнуть можно! Герой! Да расслабься ты, я пошутил!

Соколовский оглянулся по сторонам.

– Пошутил, сука? – хрипло спросил он.

– Повежливей! – с укором прозвучал голос Стаса в телефоне.

– Выходи! Поговорим! Вежливо!

– Я не могу девушку одну оставить.

– Где она? – заорал Соколовский.

– Лежит тут, мычит что-то... Катюш, что мы Игорю скажем?

Соколовский отчетливо слышал в телефоне звуки, похожие на человеческое мычание, как если бы кто-то пытался говорить с завязанным ртом. Нервы сдали, и он закричал:

– Катя... Катя, я тут! Я что-нибудь придумаю...

– Игорек. – Стас снова изобразил мычание, потом бульканье. – Ты бесподобен. Даже жалко с тобой прощаться.

– Иди сюда! – с угрозой сказал Соколовский.

– Не-не. Рано. Я еще не наигрался. А ты еще мало мучился. И кстати, Катя все-таки у меня.

– Дай мне с ней поговорить, – устало попросил Соколовский.

– Или нет... Или я что-то путаю? Знаешь, я тут распробовал такую мощную хрень, вытирает не по-детски и реально стирает грани между мирами! Я и тебе оставил – там, в Катиной машине. Давай, задвинься!

Соколовский подошел к машине Кати, открыл дверь. Присев на край сиденья, он открыл бардачок. Там действительно лежали какие-то ампулы, шприц.

– Мой подарок!

– Иди в жопу, – огрызнулся Соколовский, вытирая вспотевший лоб.

– Невежливо человека с подарком в жопу отправлять! Он ведь и обидеться может. А ведь мы с тобой так и не выяснили, у меня Катюша или не у меня!

В кармане Стаса заиграла мелодия Катиного телефона. Он достал его с улыбкой.

– Только вот вопрос: если у меня телефон, то где же сама Катюха?

– Где она? Говори! Где?

Ответить Стас не успел, потому что его сильно ударили по голове. Он упал, и тут же его подхватили под руки двое здоровенных парней и потащили к другой машине. Стянув руки веревкой, они бросили Стаса в багажник большого внедорожника. Соколовский прикрыл глаза руками, потому что на пустырь, слепя его фарами, влетело несколько машин с проблесковыми маячками на крышах.

– Отойди от машины! – крикнул один из полицейских.

– Я свой! Вы чего? – Соколовский достал удостоверение и протянул его первому, кто подошел к нему.

– Машина в угоне, – стал объяснять полицейский. – По спутнику нашли!

– А кто в угон заявил?

– Владелица.

– Так с ней все в порядке? – Соколовский чуть ли не схватил полицейского за руку.

– А я знаю? Нам сигнал поступил – мы погнали!

Черный внедорожник летел по шоссе. Один из похитителей Стаса напевал под мелодию из приемника, второй откровенно зевал, сидя за рулем. В багажнике послышалась возня, потом слабый голос Стаса:

– Эй... народ... это че... Где я? Это что за на хрен!

– Заглохни! – гаркнул один из похитителей. – Не надо было трогать Соколовского.

– Так вы что? Вы его? – отозвался Стас. – Поговорите со мной!

Катя ежилась от холода. Наконец во двор лихо влетела ее собственная машина и остановилась на излюбленном месте парковки у подъезда. Из машины вышел Соколовский, объявивший с улыбкой:

– Доставка угнанных автомобилей.

– А украденные телефоны не возвращаете? – спросила Катя с улыбкой.

– У тебя украли телефон?

– Может, потеряла. Не уверена. И знаешь, больше всего мне было жаль твоего номера.

Наизусть я его не выучила.

– Кажется, я только что все исправил.

– Не знаю. Но я приняла одно важное решение.

– Расскажешь? – Соколовский подошел к девушке вплотную. Катя взяла из его руки ключи от машины, Игорь взял ее за руку.

– Будь что будет, – тихо сказала Катя. – Пока нам хорошо вместе – будем вместе. И все.

– А нам хорошо? – наклонившись к ее лицу, тихо спросил Игорь.

– Не знаю, – так же тихо ответила Катя, чувствуя губы Игоря.

Стаса выволокли из машины в лесу при свете фар. Его руки были связаны за спиной. Один из парней толкнул Стаса в спину, заставляя идти дальше, в лес.

– Ребят, – не переставал говорить Стас, – вы чьи, Соколовского? Он вам что? Платит? Блин, вы скажите сколько... У меня ведь есть! Правда!

Парни молчали, каждый держал в руке маленький автомат «узи».

– Ну не молчите! Что вы, не люди? – взмолился Стас. Повернувшись к ним лицом, он стал пятиться задом и говорить. – Сколько хотите? Лям? Два ляма? Два ляма каждому? Ну, ребя-та!

Парни старались не смотреть ему в лицо, на эту гримасу ужаса, мольбы, боли.

– А давайте я сбегу? Я не вернусь, честно!

– Нам платят не за то, чтобы ты сбежал, – ответил один из парней.

– Ох, блин... – не меняя интонации, сказал Стас. – Ну, жаль мне вас, ребята...

Ободрав на запястьях кожу, Стас все же выдернул руки из веревок. И тут же резко поднырнул под руку первого похитителя, который совершенно не ожидал такого фокуса. Стас схватил второго за руки, не давая использовать оружие. Первый крутился, целясь из автомата, но стрелять он не мог, потому что Стас буквально слился с его товарищем. Стас перехватил руку второго парня, и автоматная очередь свалила его дружка. Второй наконец оторвал от себя Стаса и тоже получил очередь из автомата. Обессиленный, Стас упал вместе со своей жертвой в снег и тяжело задышал.

– Мощная хрень... – вспомнил он про наркотик. – Зря Игорек отказался.

Стас потряс головой, встал на четвереньки и посмотрел на убитых парней. Потом он поднялся, подобрал оба автомата.

– Ну все, Игорек. Скоро увидимся.

Прихрамывая, Стас подошел к машине своих похитителей, завел мотор и, развернувшись, поехал назад к шоссе. Два тела остались лежать на белом снегу на опушке леса.

Вот и все. Вика смотрела на свою палату, в которой провела последние дни, и думала о том, что возвращается она уже не в прежний мир. Теперь многое вокруг изменилось. И люди будут вроде бы и те же, но внутренне они другие. И она сама другая. «Нет, не так, – поправились Вика. – Я теперь не одна. Нас теперь двое. А с Даней уже трое».

Вика посмотрела на врача и спохватилась, что он ведь что-то говорит, дает напутствия перед выпиской:

– Самое главное, гуляйте, спите и проводите вместе как можно больше времени. Лучший момент супружеской жизни – не упустите.

– А какие-нибудь рекомендации, что можно, чего нельзя? – попросила Вика.

– Дорогие мои! Беременность – не работа. Рождение ребенка – не подвиг. Это счастье. И чудо. Доступное каждой семье. Поэтому идите уже отсюда и наслаждайтесь.

Даня и Вика озадаченно переглянулись и с улыбкой неуверенно пожали врачу руку.

– Кое-что вам действительно нельзя, – понизил врач голос, делая вид, что собирается поведать Вике на ухо большую тайну. – Беременным категорически запрещено бегать за преступниками. Вот теперь – до свидания.

Даня не повез Вику домой. Таинственно отмалчиваясь, он привез ее к новому дому и потащил по лестнице вверх. Пустая квартира, серые стены без отделки, но на полу в натуральную величину выложены эскизы будущей мебели. Обнимая Вику за плечи, Даня водил ее по комнатам, показывая, где будет гостиная, где их спальня, где комната для гостей. А то вдруг, например, Жека засидится допоздна? Он взахлеб рассказывал о своем видении квартиры, отмахнувшись на вопрос Вики про ипотеку. И только насытившись рассказом, Даня опустился перед Викторой на колени, обнял ее и прижался лицом к ее животу.

Вика стояла, и по ее щекам текли слезы. То ли слезы радости, то ли слезы предвкушения новой жизни, то ли слезы потери...

Соколовский промышал что-то нечленораздельное и, не открывая глаз, начал ощупывать рукой постель. Телефона рядом не было, до стула Соколовский не мог дотянуться, и пришлось сесть. Найдя в кармане брюк телефон, Игорь открыл наконец глаза и, посмотрев на номер, приложил его к уху.

– Убью тебя, Евгений, – простонал Соколовский. – Я все помню. Свадьба как свадьба, все через это прошли! Ладно – не все. Кстати, ты не против, если я приду не один? Все, отбой.

Бросив телефон на стул, Игорь почувствовал, что Катя за его спиной пошевелилась и поднялась, потягиваясь.

– С добрым утром. – Игорь опустил голову на колени Кате и посмотрел на нее снизу вверх. – Мы с тобой приглашены на свадьбу к моему доброму другу Евгению.

– Прямо сейчас? – прикрывая рукой позевоту, спросила Катя.

– Завтра. Но ты должна там быть!

– Почему?

– Это мой личный проект, – гордо заявил Соколовский и сел.

– Свадьба?

– Конечно. Я еще и сваха. Так идем?

– Посмотрим, – повела Катя плечиком.

Игорь мгновенно встал перед ней на колени с торжественным выражением на лице.

– Стоп. Ты что, собрался делать мне предложение? – засмеялась девушка.

– Конечно да! – отрицательно помотал головой Соколовский. Но после продолжительной паузы, в течение которой Катя недоуменно смотрела на него, он продолжил: – Я предлагаю тебе позавтракать вместе. Пока работа не разлучит нас.

– Кофе в постель будет достаточно.

Улыбнувшись, Соколовский соскочил с кровати и ушел на кухню. Катя упала на спину, потянувшись и стала смотреть в потолок, задумчиво покусывая край простыни. Когда зазвонил ее телефон, Катя тоже не сразу нашла его под кроватью, но увидев, кто звонит, она села, глядя на экран, и ответила не сразу.

– Доброе утро, папа, – холодно отозвалась она наконец.

– Я думал, ты не ответишь, – сказал Игнатъев. – Нам нужно поговорить. Но не по телефону.

– Прости, но пока я не вижу в этом смысла.

– Я признаю, что был неправ. Точнее, не во всем прав. Мы не слышали друг друга, поссорились, я... я, наверное, перегнул палку и слишком сильно на тебя надавил. Именно поэтому я не хочу сейчас обсуждать все по телефону. Нужно встретиться. Завтра вечером.

Соколовский вошел с подносом, на котором аппетитно дымились две чашечки кофе, и замер возле кровати.

– Завтра? Извини, пап. Завтра вечером я занята, – сказала Катя, глядя на Игоря.

– Уверен, ты сможешь поменять планы ради отца.

– У меня свадьба, – коротко объяснила Катя.

В разговоре повисла пауза. Игнатъев явно был ошарашен таким ответом и понял его однозначно. Соколовский поставил поднос на край постели и поднял большой палец вверх.

– Что? – наконец переспросил Игнатъев.

– Не бойся. Не моя. Пока что.

– Катя, если ты думаешь, что все шуточки...

– В том-то и дело, пап, что между нами все слишком серьезно. Мне пора бежать. Поговорим позже. Пока.

Аверьянов навтыжку стоял в кабинете Пряникова со смущенным и разочарованным видом. Андрей Васильевич сидел за своим столом, мрачный и раздраженный, устраивая Жеке разнос.

– Это уму непостижимо, что творится, – ворчал Пряников. – Одна, считай, полностью из оперативной работы выпала, теперь и другой намыливается! Медовый месяц, надо же!

– Положено ведь, товарищ подполковник, – сделал Жека слабенькую попытку.

– Кем положено? – сразу вспылil Пряников. – Куда положено? Нет, я тоже не зверь, конечно. Все понимаю. Но месяц!

Жека виновато опустил голову.

– Короче, Аверьянов, – посмотрел на него Андрей Васильевич и сжалился: – Не прямо сейчас и не месяц. Но чемоданы помаленьку собирать можешь.

Жека заметно повеселел и даже заулыбался.

– Куда собрался-то?

– Мы с Ниной еще не решили. Я хочу на Мальдивы, а Нина говорит – уже была, скучно.

– М-м. – Пряников понимающе кивнул: – Да. Дело хорошее. Мы вот с супругой, помню, в Туапсе были...

– Хорошо отдохнули?

– Ага, как в сказке. Почти весь месяц дожди, мы снимали у одной бабки домик, крыша протекала... А нам с женой было все равно. – Пряников вздохнул, потом снова посмотрел на Аверьянова: – Чего стоишь? Иди плавки покупай! На Мальдивах небось дождя не будет.

Соколовский перестал целовать Катю и повернулся на бок снова в поисках телефона. Что за настырный абонент, который звонит третий раз подряд, видя, что ему не отвечают.

– Майк? – Соколовский удивился, полагая, что этот номер он давно уже удалил. – Слушаю.

– Игорь, мне нужна помощь! – взволнованным голосом заговорил Майк. – У меня машину угнали!

– Звони в полицию, – посоветовал Соколовский.

– Там одни мудаки сидят! Второй день говорят: ищем, а я же чувствую, что ни хера не делают! Тачка новая, «Бентли»...

– Майк, от меня конкретно что нужно?

– Ты же сам мент! Ну позвони, кому надо, пусть отнесутся с пониманием! Объясни там, кто я! Ведь не у быдла какого-нибудь «жигуль» сперли!

– Извини. Не мой район.

– Ты охре...

Соколовский нажал отбой и бросил телефон на кровать. Повернувшись с улыбкой к Кате, он небрежно сказал:

– Извини. Один модный фотограф. Очень нервный тип.

Телефон снова начал настырно трезвонить. Соколовский, не меняя снисходительного выражения лица, дотянулся до него и ответил, глядя на Катю:

– Майк, твое счастье, что я с девушкой и не могу тебя обматерить...

На этом месте Игорь поперхнулся и стал серьезным:

– Извините, Андрей Васильевич. Слушаю. Понял. Буду через двадцать минут.

– Не фотограф? – засмеялась Катя.

– Труп в лесополосе нашли, – надевая штаны и застегивая ремень, ответил Соколовский.

Чтобы не мешать эксперту, оперативники пока не стали подходить к трупу. Но даже с расстояния в несколько метров было видно, что это девушка. Соколовский смотрел на автотрассу, где проносились машины. Едут, и никто даже не подозревает, что вот здесь, в нескольких десятках метров от шоссе, закончилась жизнь человека, которому бы еще жить и жить. Жека что-то снова пытался сказать о своих сомнениях и предстоящей свадьбе, но вовремя понял, что не время и не место.

Наконец к ним подошел Илья, держа перед собой пакет с деньгами и студенческим билетом.

– Задушена, – уверенно заявил эксперт. – Двух мнений быть не может.

– Городецкая Юлия, – прочитал Королев в студенческом билете. – Деньги были в карманах, так что ограбление сразу исключаем.

– Убили не здесь? – спросил Соколовский, осматривая снег вокруг тела. – Вокруг никаких следов борьбы.

– У покойной оборвано несколько пуговиц на одежде, – подсказал Илья. – Что немного странно.

– А чего странного? – спросил Жека.

– Ну, если предположить, что убийца пытался ее задушить, а она сопротивлялась, то пуговицы рвать ей ни к чему. Если же предположить, что пуговицы оторваны в попытке раздеть жертву, то странно, что дело на пуговицах и закончилось. Больше добавить пока нечего. Посмотрю в лаборатории, нет ли следов под ногтями жертвы.

– И еще у нас есть следы машины, – показал рукой Соколовский.

Игорь подошел и присел возле хорошо отпечатавшегося участка резины. Даня и Жека подошли тоже.

– Свежие, – сказал Жека.

– Скорее всего, на ней и привезли, – показал Даня рукой. – Вот тут она остановилась, выбросили тело и поехали дальше. Что тут еще машине делать?

– Широкая резина, – заметил Жека. – Необычная.

– «Винтер Пирелли», – сказал Соколовский. – Под сотню штук каждая, на что попало их не ставят... Например, «Роллс-Ройс». Или... – И тут он замолчал.

– Или что? – спросил Даня.

– Или «Бентли». Интересно... Мне час назад звонили по поводу угнанного «Бентли». Угон зафиксирован в другом отделе. Владелец – Михаил Белов.

– Думаешь, та же машина? – задумался Даня. – А угнали когда?

– Два дня назад.

– Тело тут лежит не больше суток, – добавил эксперт. – Так что все может быть.

– Ладно. – Даня сделал себе пометку в блокноте. – Свяжусь, узнаю детали про угон и про владельца.

– Про владельца я и так все знаю, – сказал Соколовский, проходя немного дальше по следу машины. – Владелец, конечно, отморозок. Но не убийца. Правда, я больше двух лет с ним не общался.

– Люди меняются, – усмехнулся Королев. – Слышь, Мажор. Думаю, «Бентли» в этом районе примерно как пингвин в Африке. Если кто видел – наверняка запомнил. Пройдись по району, местного участкового привлеки – нам нужны свидетели.

– Сделаю.

– А я в институт съезжу. – Жека взял из рук Дани студенческий билет. – Узнаю, кто друзья, с кем гуляла – все такое.

– Узнай, может, ее с Михаилом Беловым видели, – посоветовал Соколовский, возвращаясь к телу. – Его между собой зовут Майклом. Он так любит... Слушайте, а у нее одной сережки не хватает.

– Ну, вот и признаки борьбы, – сказал Даня, подходя и разглядывая девушку.

– Осталось понять, где эта борьба случилась, – фотографируя сережку, добавил Соколовский.

Уже сильно стемнело, когда Соколовский начал обходить третий поселок в том районе, где нашли убитую девушку. Его внимание привлекли двое мужиков, копошившихся возле «шестерки» с поднятым капотом. Один из них совал другому резиновый автомобильный коврик. То, что Игорь услышал, заставило его остановиться.

– Да ты забодал уже, видишь, тут же написано: «Бентли»!

– Так в Китае и не такое напишут, Толян. А то ты не знаешь.

– Какой Китай?! Он при мне эти коврики из «Бентли» вынул!

– Ну, все теперь, твоя «шаха» сразу облагородилась, шо звездеч.

Соколовский подошел к мужикам, быстро оценив их как местных работяг, да еще и сильно перебравших вчера.

– Где коврики брали? – с интересом спросил Игорь.

– Там больше нету, – неприязненно отозвался Толян.

Соколовский достал удостоверение и показал сначала одному, потом второму мужику. А затем снова повторил свой вопрос.

– Допокупался? Шумахер, блин, – хмыкнул второй мужик.

– Да тут, рядом, – качнул Толян головой. – Могу показать!

– Нет, мы сделаем по-другому.

Самая тяжелая минута была позади. Самое страшное – первая минута, когда ты приходишь в дом и заявляешь, что вашей дочери больше нет в живых. Истерика, крики, иногда даже ступор, близкий к помешательству. Люди реагируют по-разному, ведь горе неожиданно обрушивается на семью. Если это приличная, самая обыкновенная семья. Семья Городецких и была самая обычная.

Они сидели в комнате. Отец погибшей девушки держал ее мать за руку. Глаза у женщины были потухшие, но она уже могла отвечать на вопросы.

– Мы только начинаем свою работу. Я буду держать вас в курсе, – пообещал Даня.

– Но вы уверены, что ее... что это не несчастный случай? – снова с затаенной надеждой спросила мать.

– Знаю, сложно принять. Но мы уверены.

– Какой кошмар... – Женщина снова закрыла лицо руками.

– Я должен задать несколько вопросов.

– Да-да. Конечно, – ответил отец.

– У Юли был какой-нибудь молодой человек, друг?

– Да, конечно, был кто-то, – вытерев лицо, с обреченным вздохом ответила мать. – Юленька же у нас красавица. Но она нам с отцом не говорила, а мы и не настаивали.

– Они ссорились?

– Нет, – покачал отец головой. – Юлия никогда ни с кем не ссорилась, она светлая, добрая девушка... была.

– Любая мелочь поможет, – сказал Даня. – Неужели ни с кем никаких конфликтов?

– Был один разговор, – вдруг вспомнила мать. – Станный. Может быть, мне даже послышалось. Она с кем-то говорила и сказала что-то вроде: «Купец меня достал, а послать на фиг в лицо страшновато».

– Купец?

– Я думала, может, я не так услышала. Но, может быть...

– Может быть, это уже что-то, – делая пометки в блокноте, сказал Даня. – Я вот вам оставлю свой номер телефона. Если вы еще что-нибудь вспомните или просто захотите узнать, как идет расследование, то звоните. Звоните в любое время.

Второй мужик, друг Толяна, назвавшийся Саньком, согласился помочь по двум причинам. Во-первых, этот странный мент сразу отстегнул премиальные за помощь следствию. А во-вторых, надо же наказывать крохоборов, которые наживаются на честных трудящихся. Святое дело!

Они с Соколовским подошли к железному ангару, в котором размещался автосервис. Возле ангара стояло несколько машин, пригнанных на ремонт, валялись покрышки. У самого входа была большая бочка с отработанным маслом. Соколовский отошел за угол, а к Саньку вышел из ангара кавказец лет пятидесяти в спортивном костюме.

– Здоров! Ты Толику коврики классные продал?

– Больше нету, – ответил кавказец и развел руками.

– А мне и не надо. Мне бы зеркала, – Санек понизил голос, – того же типа.

– Деньги есть? – недоверчиво спросил кавказец.

– Обижаешь. – Санек вытащил из кармана небольшую пачку денег, которую ему дал Соколовский.

– Не здесь, дурень, – спохватился кавказец и принялся озираться по сторонам. – За мной давай.

Кавказец привел Санька к гаражам и остановился возле одного из них – неприметного, с виду даже заброшенного. Забрав деньги, он старательно пересчитал их, сунул в карман и только потом открыл гараж. Блеснула металлом машина со снятыми номерами.

– Проходи, смотри.

– Смотреть я буду, – подойдя вплотную к кавказцу сзади, заявил Соколовский и сунул под нос удостоверение. – Где взял тачку?

– Нашел, – недовольно пробурчал хозяин автосервиса.

Соколовский встал так, чтобы кавказец не смог сбежать, проскользнув мимо него к выходу из гаража, и, достав телефон, набрал Королева:

– Даня, с родными поговорил? И что? Понятно. А у меня есть кое-что. Машина. Адрес: проезд Ковалева, четыре, гаражи за домом.

Зеваки собрались быстро, несмотря на позднее время. Полицейские лентой обтянули территорию возле гаража. Соколовский вместе с Королевым осматривал машину под аккомпанемент возгласов хозяина автосервиса:

– Честное слово, не знаю ничего! Купил-продал, дело маленькое!

– А говорил – нашел? – напомнил Соколовский, не отвлекаясь от осмотра.

– Недорого взял, считай, даром!

Даня почти по пояс залез в багажник с фонариком, чтобы изучить внутренние поверхности. Потом он попросил пинцет и пластиковый пакетик.

– Вот, – вылезая и поворачиваясь к Соколовскому, протянул он пакетик. – Несколько женских волос. Отдадим на экспертизу, проверим, совпадают ли с волосами жертвы.

– Готов поспорить, что совпадут, – заявил Соколовский. – Посмотри, что я в салоне нашел. – Игорь протянул Дане пуговицу. – Один в один, как и на ее одежде.

– Покажи, где пуговицу нашел.

– Не знал ничего, веришь? – снова начал убеждать полицейских хозяин автосервиса. – Какие волосы, откуда волосы? Я багажник не открывал даже, веришь?

– Кто машину пригнал?

– Леха и Витек, – с готовностью ответил кавказец. – Местные. Плохие люди! Бездельники, в тюрьме сидели.

– А ты, значит, хороший человек? Когда они машину пригнали?

– Позавчера!

– Мажор! – позвал Даня.

Соколовский подошел и наклонился к нему в салон.

– Пуговица была на полу. Следов борьбы в салоне нет. Скорее всего, было так: села по доброй воле, куда-то завез, там уже силой вытащил из салона, а когда рванул, пуговицы и посыпались. Вытащил, удушил. Положил в багажник. Отвез в лес и выкинул.

– Стоп, раз по доброй воле села, значит, знала убийцу? – предположил Игорь.

– Так что скажешь, Мажор? Этот твой Майк – мог он убить? Или не мог?

Соколовский постоял, задумчиво глядя на машину, потом неопределенно пожал плечами. Королев набрал номер отдела:

– Андрей Васильевич, докладываю! Нашли машину, в которой перевезли тело. Я вам сейчас VIN отправлю – пробьете? И если владелец Михаил Белов, его надо срочно на допрос. Это какой-то приятель Соколовского, чокнутый.

– Товарищ начальник! – снова влез в разговор кавказец. – Пойдем, покажу, кто машину пригнал! Они то и дело во дворе болтаются! Ей-богу, мне скрывать нечего!

– Ага. Кроме скупки краденого? Показывай, хороший человек, у кого машину взял. И

молись, чтобы они твою версию подтвердили.

Леху и Витька привезли в отдел и посадили посреди кабинета на расстоянии метра друг от друга. Было им лет по сорок пять, но оба выглядели какими-то потасканными, побитыми жизнью. У обоих на руках были зоновские татуировки, а в глазах – молчаливое согласие снова топтать на зону, раз попались.

– Начальник, – Леха развел руками, будто ситуация была самая обыденная, повседневная, – ну сказали же мы тебе: стояла тачка на пустыре, дверь открыта, ключи на месте, вокруг никого!

– О-од-назначно, – старательно борясь с заиканием, подтвердил Витек.

– Вы и решили навариться, – согласился Соколовский.

– Не, ну а чего? – снова стал жестикулировать Леха. – Не мы, так другой бы кто аппарат прибрал.

– П-п-поодписываюсь п-п-под каждым с-словом.

– Тело в багажнике не смутило? – усмехнулся Даня.

– Так мы... поехали в лесополосу и там оставили на видном месте. Небось не звери, девку-то, поди, ищут, плачут по ней.

– Святые люди! – согласился Даня. – Чем позавчера занимались?

– Так это... – Леха напряг извилины. – Бухали!

– Это в-в-вечером. А д-днем не п-п-поолюдски, – уточнил Витек.

– А, ну факт! Днем работали, – согласился Леха. – Канаву рыли. На трассе заправка, нас и попросили канаву вырыть, типа водосток. Мы весь день и пахали, как Карлы, а ихний пахан с нами честно рассчитался – два литра и закусон. Даже шпроты были!

– Вы п-проверьте – все п-правда, даже шпро-оты.

– Проверим, – пообещал Соколовский. – А убитую вы раньше не видели?

– У н-н-нас круг о-общения другой, н-начальник.

В дверь сунулась голова Аверьянова. Он кивнул и одними губами беззвучно сказал:

– Там Белова привезли.

– Ну, пошли – полюбуемся на твоего Майка, – начал вставать Королев.

– Дань, будет лучше, если я с ним один поговорю, – предложил Игорь.

– Ладно, как скажешь. Эй, на выход, бухарики!

Майк опешил, когда в кабинете, куда его привели, увидел Соколовского. В его глазах мелькнули радостные огоньки, но после первых же вопросов он насупился и начал бегать по кабинету, психованный и злой. Соколовский сложил руки на груди и стал наблюдать за Майком. Долго так продолжаться не могло.

– Я понял! Это месть, да? Ты мне мстишь? – наконец сделал гениальный вывод Майк.

– Сдался ты мне, – парировал Соколовский.

– Но я никого не убивал! – метал громы и молнии Майк. – Зачем меня притащили в ваши застенки? Я же заявил об угоне машины!

– Отвел подозрения.

Майк буквально упал на стул и умоляюще посмотрел на Соколовского:

– Игорек, ты же меня знаешь, ну разве я похож на убийцу?

– Ты знаешь Юлию Городецкую? – вместо ответа задал вопрос Соколовский.

– Кого?

– Да или нет?

– Нет! – чуть помедлив, ответил старый приятель. – Первый раз слышу!

– Откуда тогда в твоей тачке пуговицы с ее одежды?

– А я знаю? – снова взвился Майк. – Это с позавчера не моя тачка, я не ответчик за то, кто в

ней ездил, кого возил!

– У тебя есть алиби?

– Чего?

– Что ты делал позавчера? – снова стал терпеливо спрашивать Соколовский. – Кто тебя видел? Кто может подтвердить, где ты провел тот вечер?

– Ты издеваешься? – возмутился Майк. – Я сам тебе позвонил!

– Кто может подтвердить, что в момент убийства Юлии Городецкой ты был в другом месте?

Майк замолчал, опустив голову. Потом спокойно, с усталостью в голосе, завил:

– Ладно, хватит, Игорь. Я уже позвонил своему адвокату. Он скоро будет. При нем и поговорим.

– Говорить можем хоть при Гаагском суде. Но правда все равно всплывет.

Соколовский встал и вышел из кабинета. Майк со стоном уронил голову на руки и замер, сидя на стуле.

В кабинете Пряникова уже сидел Аверьянов и что-то рассказывал, показывая на какой-то ноутбук на столе.

– Признался? – тут же спросил Андрей Васильевич, увидев вошедшего Соколовского.

– Нет. Говорит, не знал Городецкую.

– На. Почитай. – Жека подвинул Игорю ноутбук. – Я в общаге узнал, что убитую видели в ночном клубе. Незадолго до того, как она на звонки родителей перестала отвечать. В клубе она была с Олегом Шелестом – это сокурсник ее. Так вот этого сокурсника тоже никто не видел с тех пор, как она пропала.

– Это он – «Олежек»? – показал Соколовский пальцем в текст переписки на экране.

– Ну да. У них типа был роман – у него с Городецкой. Это его ноут. Он в общаге жил, мне его комнату открыли, ноут на столе стоял. Я посмотрел почту – и вот.

– Ну что? Пойдем, вместе с Майком пообщаемся? – предложил Королев.

Все втроем они вернулись в кабинет. Майк поднял голову и взглядом мученика посмотрел на Соколовского.

– Я спрошу еще раз, – открывая на столе ноутбук, сказал Соколовский. – Ты знал Юлию Городецкую?

– Игорь, ты в ментах совсем тупой стал? Я говорить буду только с адвокатом!

– Ты ее знал?

– Нет! – почти выкрикнул Майк.

– Читай! Читай и пойми, что ты мне уже дал ложные показания, что само по себе уже преступление – триста седьмая статья. А теперь читай! Вслух!

– «Милый Олежка, ты знаешь, как я тебя люблю». – Майк наклонился к ноутбуку. – Что это за хрень? Я не знаю никакого милого Олежки!

– Дальше читай! – велел Соколовский.

– «Меня достал уже этот Белов»... Это подстава какая-то!

– Читайте, гражданин Белов! – рявкнул сзади Даня.

– «Он предложил мне сняться в интервью, я согласилась, а он сначала намекал на ню, потом начал приставать, хватать, я ему заехала по роже». Я не буду читать, это херня какая-то!

– И не надо, – покачал Соколовский головой. – Я бы на твоём месте не читать, а писать начал. Признательные показания. В убийстве Юлии Городецкой.

– Ничего я писать не буду! – заорал Майк. – Я выйду отсюда, а вы все сядете за произвол и подставу! Думаешь, у меня в вашей полиции больше знакомых нет? Везде есть! И в Следственном комитете, и в ФСБ! Капец тебе, Игорек! И тебе, хрен лысый!

Даня и Соколовский молча двинулись к выходу. Майк наконец осознал, что ситуация

серьезная и факты складываются не в его пользу. Он вскочил со стула и кинулся за оперативниками:

– Стойте, парни! Слушайте, ну свои же люди... Я заплатить могу, если надо! Я не убивал, правда! Ну схватил я ее за сиськи, с кем не бывает?! Она и не против была, потом чего-то закозлила в последний момент. Да что я объясняю, ты же знаешь, как оно! Ты сам такой, Игорь! Мало тебя отец отмазывал после всякого. Все мы люди, все человеки! А этот ее Олежка – мудака, студент, ничтожество из деревни!

– Ничтожество, да? – спросил Даня, выслушав длинный монолог. – А ведь он тоже куда-то исчез. Ты не в курсе?

– Твари, – снова разозлился Майк, – вы и его на меня хотите повесить?! Да пошли вы! Никогда вы ничего сделать не можете, никого не находите, только продаетесь и покупаетесь! Пошли на хрен отсюда!

Королев вытащил из кармана наручники и подошел к Майку. Тот попятился к стене, непонимающе глядя то на Соколовского, то на его напарника. Но в этот момент в кабинет вошел Жека с несколько обескураженным видом.

– Там... это... отпустить его надо, – кивнул Жека на Майка. – Его адвокат сейчас у Пряника.

– Ну что, а? – заорал довольный Майк. – Поняли? Я уже с журналистами встречаюсь, я расскажу, что у вас тут творится!

– Флаг в руки, – спокойно ответил Соколовский.

Как Жека ни переживал, но свадьба прошла замечательно. Волновался он страшно. А когда в ЗАГСе была произнесена заветная фраза: «Объявляю вас мужем и женой!» – Жека расслабился. Удивительно поладили между собой гости и родственники с обеих сторон. И Нине понравилась мама Жеки – Лариса Евгеньевна. А потом подарки, подарки... Самым ценным и приятным был подарок отца Нины, который через стол бросил молодым ключи от квартиры.

И снова поразил Жеку Соколовский. Мажор сделал подарок в своем непредсказуемом стиле. Когда мама Жеки при всех преподнесла ему альбом со всеми его детскими фотографиями, которые она только смогла сохранить, жених немного сконфузился. Конечно, на фоне подаренной квартиры, охотничьего карабина «Сайга» и сертификата на двухлетнее посещение массажного салона подарок мамы как-то...

Но вот немного притушили свет, загорелся экран на дальней стене ресторана, и на эстраду вышла Вера в черном концертном платье. И она запела, а на экране стали проходить Жекины фотографии – одна за другой. Шоу получилось великолепным.

Игнатьев спустился на парковку бизнес-центра, но сел не в свою машину, а в другую – с затемненными стеклами, стоявшую напротив. Человек, сидевший внутри и ждавший Игнатьева, приподнял руку, поправляя воротник рубашки под пиджаком. Блеснула в полумраке запонка с гравировкой в виде буквы «F».

– Я не люблю такие randevu, – сказал человек в машине.

– Ситуация вышла из-под контроля, – угрюмо ответил Игнатьев. – Тебе не кажется?

– Уточни.

– Я забрал заявление, как мы и договаривались, и он вышел. Но на все остальное я не подписывался!

– Твои предложения?

– Я его снова посажу! – резко бросил Игнатьев.

– Никого ты сажать не будешь. Я знаю: у тебя проблемы. Постараюсь тебе помочь, но и ты должен соблюдать правила.

– Но моя Катя... – проворчал Игнатъев.

– А что Катя? – спокойно возразил мужчина. – Ей не двенадцать лет, она без тебя разберется.

– Если я должен терпеть – я хочу знать, ради чего все это!

– Скоро узнаешь. Это все?

– Все, – вынужден был ответить Игнатъев.

– Тогда не будем тратить ни мое, ни твое время.

Выйдя из машины, Игнатъев посмотрел, как она резко рванула с места и скрылась на пандусе выезда из подземной парковки. Стиснув челюсти, Игнатъев с большим трудом сдерживал бешенство.

И уже в самом конце праздника, когда даже Соколовский забыл о тревогах сегодняшнего и предыдущих дней, к их столу подошел Пряников:

– Простите, парни, что отрываю от веселья. Но Аверьянов у нас теперь счастливый женатик, а вот нам придется попахать. Есть новые данные по исчезнувшему гражданину Шелесту. Год назад привлекался за торговлю курительными средствами. Проходил под кличкой «Купец».

– Так это он – «Купец»? – задумчиво переспросил Даня. – Дело в том, что мать Городецкой слышала, как дочь кому-то говорила: «Купец меня достал, а послать на фиг в лицо страшновато».

– Завтра утром первым делом едете в общежитие, – приказал Пряников. – И проводите повторный обыск его комнаты. А сегодня – гуляем!

Пряников вернулся за столик к жене. Соколовский проводил его взглядом, а потом посмотрел на экран. Там было финальное фото клипа – фотография счастливых Жеки и Нины. Вера поздравляла молодых. А потом Игорь поймал взгляд Кати. Катя смотрела с какой-то легкой тревогой.

Обыск в комнате общежития был несложным. Да и что можно спрятать в маленькой комнате, имевшей минимум мебели, у хозяина, имевшего минимум одежды? Даня и Мажор пролистали все учебники и книжки. Тщательно проверили все полки, ящики шкафа на предмет тайников. В ящике стола Даня нашел какие-то квитки.

– Посмотри-ка, – показал он Соколовскому, – билет на электричку. Неделю назад катался. До платформы «Семьдесят шестой километр».

– Предлагаешь поехать туда? – прощупывая зимнюю куртку хозяина, спросил Соколовский.

– Рано. Продолжаем искать.

Не прекращая поисков, Соколовский приложил к уху телефон:

– Слушаю, Илья Сергеевич.

– Игорь, – голос Васильева был заметно напряженным, – к сожалению, пришло время для таких звонков.

– Начало так себе, – не оценил Соколовский.

– Мы начинаем выплачивать по кредиту. И я вынужден напомнить: если вам не удастся найти причину, чтобы объявить господину Игнатъеву эвент оф дефолт, то все усилия были зря.

– Я понимаю, – ответил Игорь, присев на корточки и глядя, что блестит в трещине между плашками старого паркета.

– Рано или поздно он начнет обо всем догадываться. И тогда все пропало.

– Я понимаю, понимаю, – ответил Соколовский, вставая на колени и разглядывая странную блестящую штучку.

– Может быть, вам постараться поискать среди сотрудников Игнатъева слабое звено? Кого-

нибудь, кто согласится дать информацию о незаконных тратах в обход совета директоров?

– Илья Сергеевич, я все знаю. – Соколовский поднялся в поисках чего-то острого. Увидев на полке отвертку, он взял ее и снова вернулся к паркету. – Я думаю об этом все время, но... но сейчас я об этом думать не могу. Проблему я понял. Буду решать. До свидания.

– Что там у тебя? – подошел Даня.

Соколовский осторожно подцепил плашку паркета отверткой, и со второго раза у него получилось. По полу покатила женская сережка. Найдя в телефоне фото сережки, которая была на убитой Городецкой, он показал Королеву.

– Абсолютно одинаковые, – сказал Игорь. – Вот теперь нам точно надо ехать на «Семьдесят шестой километр»!

– Ну ладно, – согласился Даня, прихватив с полки фотографию, на которой Городецкая стояла в обнимку с Олегом Шелестом.

Соколовский и Даня шли по поселку. Надо было как-то понять, где искать Шелеста. Или понять, зачем он сюда приезжал. Даня пространно стал говорить, что в работе оперативника главное не умение руку выкрутить подозреваемому, а умение войти в доверие свидетелю. Соколовский указал рукой на тетку лет шестидесяти с большой лопатой, расчищавшей возле дома дорожку от снега. Даня усмехнулся и подошел к женщине.

– Бог в помощь! – излучая позитив и благодушие, сказал он.

– Чего надо? – обернулась тетка и смерила Даню неприязненным взглядом.

– А что так не приветливо? – попытался улыбнуться Даня, но тетка взяла лопату на изготовку, как винтовку со штыком, и угрожающе посмотрела на него: – Чего надо, говорю?

– Мы из полиции, – уже без улыбки сказал Даня, мельком глянув на Соколовского и предъявляя тетке удостоверение. – Вы вот этого человека здесь в последние дни не видели?

Он протянул фотографию Шелеста, и, к огромному удивлению Дани, женщина почти сразу кивнула:

– Видала, – уверенно заявила она. – В магазине водку брал. Он вон там живет, где старые дачи. Снимает, видать, там их почти все сдают.

– А показать можете, в какой именно? – оживился Соколовский.

– Да вон, она отсюда видна, – махнула женщина рукой. – С острой крышей.

Сыщики прошли по почти пустынной улице в дальний конец поселка. Здесь снег уже не чистили централизованно, да и улицей это место можно было назвать с натяжкой. Старые дома, деревянные заборы, запущенные фруктовые сады. Идти пришлось, утопая в снегу.

Домик, на который показала женщина, стоял особняком, от забора остались одни воспоминания. Сам дом выходил одной стороной на небольшое озеро, и этот факт значительно увеличивал его ценность. Из трубы вился дымок – на это оперативники сразу обратили внимание.

– Что делать будем? – спросил Соколовский своего более опытного в задержаниях коллегу.

– Там пацан-студент, а не серийный убийца, – хмыкнул, высокомерно глянув на Соколовского, Даня. – Пошли.

Поднявшись на крыльцо первым, Королев постучал в дверь. Потом для солидности еще и пару раз ударил ногой:

– Шелест, открывай!

Неожиданный выстрел из дома выбил кусок древесины из дверного косяка рядом с головой Королева. Соколовский рванул Даню на себя, и они оба рухнули в снег.

– «Там пацан-студент», – передразнил Соколовский.

– Я сзади зайду. Отвлекай! – вытаскивая из кобуры пистолет, велел Даня, зло нахмурившись.

Соколовский дождался, пока Королев скроется за углом. Потом отошел от двери в сторону и закричал:

– Олег! Выходи! Не будь кретином!

Изнутри снова раздался выстрел, и в верхней части двери появилось несколько отверстий. «Дробью стреляет», – подумал Игорь. И вдруг внутри что-то с грохотом опрокинулось, зазвенело разбитое стекло, упала какая-то мебель. Соколовский бросился к двери, выбил ногой то, что от нее осталось, и влетел внутрь. Шелест лежал на полу в очень неудобной позе, а навалившийся на него сверху Королев заламывал ему за спину руки и надевал наручники.

– Вы меня лучше застрелите! Скажите, что сопротивлялся! – со злостью выкрикивал Шелест.

– Щас! – усмехнулся Соколовский, помогая Королеву поднять парня на ноги и усадить на стул посреди кухни. – Искали тебя, искали, а теперь застрелите.

– Я все равно жить не буду.

– Из-за Юли, да? – наклонился к нему Игорь. – Рассказывай. Учти, что мы много знаем. Мы у тебя в комнате ее сережку нашли. И мы знаем: она у нее выпала, когда ее убивали. Так что давай разговаривать, парень.

Олег сидел, уставившись в пол. Потом решился и начал говорить, глядя куда-то в окно на заснеженный лес:

– Она меня бросила. Ей фотограф по вкусу пришелся, хоть она его и не любила, но у него, видите ли, перспективы, а у меня...

– У кого у него? – тихо спросил Соколовский.

– У Майка! – зло ответил Шелест.

– И поэтому ты...

– И поэтому я ее задушил! – с вызовом, громко, сказал Шелест. – Нет, я не хотел, так получилось, я вроде как отключился! А потом понял, что сделал, ну и решил – получай, сволочь!

– Угнал тачку, закинул в багажник труп. Решил подставить?

Шелест кивнул, покусывая от напряжения губы. За спиной он то сжимал, то разжимал кулаки.

– А теперь совесть замучила?

– Нет. Не совесть. Просто я ее любил. И мне без нее тошно...

– Ладно. – Королев поднял Шелеста со стула. – Поехали. Закрыли дело.

Майк стоял на улице, закуривая. Зажигалка никак не хотела гореть. Скорее даже дело было не в ней, а в том, что от злости у Майка не слушались руки. Соколовский подошел к нему и встал рядом.

– Ну и что ты от меня хочешь? Опять арестуешь, да?

– Нет. Хочу принести свои извинения. Ты чист, – спокойно ответил Соколовский. – Мы взяли убийцу. Ты ни при чем.

– Да пошел ты, придурок! – огрызнулся Майк. – Думаешь, извинился – и все?! Тема закрыта?

– Спасибо за понимание.

Майк от злости не нашелся что сказать дальше, только зло сплюнул на снег и ушел. Соколовский пожал плечами и пошел к своей машине.

Они сидели с Даней за стойкой бара и смотрели друг на друга.

– За что выпьем? За удачное завершение дела? – спросил Королев.

– Нет. Я хочу выпить за то, чтобы впредь было еще много раскрытых дел, – ответил Игорь.

– Почему бы и нет. – Даня опрокинул в рот виски и, шумно выдохнув, стал крутить по столу

свой стакан. – Ты ведь знаешь, что я тебя ненавижу?

– Знаю, – кивнул Соколовский.

– Из-за папы твоего с баблом. Из-за того, что у тебя все сразу на блюде было. Ну и из-за твоих крутых тачек.

– Ненавижу? В прошедшем времени? – поинтересовался Игорь.

– Я знаю, что она приезжала к тебе, – вдруг сказал Даня. – В отель. Вика. Вот только не надо ничего говорить. Ясно? Никогда. Я ничего не хочу знать.

Сделав бармену знак повторить, Даня снова заговорил:

– А знаешь, за что я тебя ненавижу больше всего? Я видел, что Вике с тобой будет лучше.

– А с тобой?

– А когда Вика со мной, лучше мне. Она делает меня лучше, понимаешь? Точно. Я уже меняюсь. Так что...

Они подняли наполненные широкие стаканы из толстого стекла.

– Давай за то, чтобы все нашли свои половинки и не теряли, – предложил Даня. – Чтобы дети у нас были что надо и чтобы гоняться за бандитами никому не пришлось.

– Потому что не будет никаких бандитов и все мы будем жить долго и счастливо, правильно?

– Правильно, Игорь.

– Мир? – спросил Соколовский.

– Мир, – пожал Даня протянутую ему руку. – А поехали к Вике? Скажем, что у нас теперь все равно. Она обрадуется, знаю.

– Поехали.

Вика взяла трубку и грустно улыбнулась, увидев на экране «Даня».

– Вика! Мы теперь с Игорем друзья! – услышала она в трубке громкий голос Королева.

– С кем? – удивилась Вика.

– Да с Мажором! – пьяно засмеялся Даня. – Мы сейчас приедем! Я люблю тебя, слышишь? Люблю! Скоро буду!

Растерянная, Вика опустила руку с телефоном, не зная, как относиться к тому, что сказал сейчас Даня. То, что у них, может быть, теперь не будет вражды, конечно, хорошо. Телефон зазвонил снова.

– Вика! – раздался в трубке голос Королева. – Я подумал: все-таки назовем Игорем, если родится сын!

– Так вы что, накатались? – дошло до Вики.

– Мы с Даней теперь одной крови! И одной водки...

– Вы сумасшедшие!

– И это здорово! И все будет здорово! Выгляни в окно: мы уже подъезжаем!

Не опуская телефона, Вика подошла к окну. Она увидела, как во двор ее дома заехала большая черная машина Соколовского. И тут же с противоположного конца двора тронулся большой внедорожник. И он ехал навстречу Игорю, его машине.

– Игорь! – закричала Вика, сама не понимая, чего испугалась. – Игорь!

В трубке была тишина. Вторая машина, разогнавшись, вдруг притормозила и встала прямо возле машины Соколовского. Опустилось стекло, и из чужого внедорожника показались две руки с зажатыми в них маленькими автоматами «узи». Две очереди били прямо в окно со стороны водителя. Стекло машины Соколовского разлетелось от пуль, а Стас все стрелял, разряжая оба магазина. Тело человека, сидевшего за рулем, обмякло, окровавленное лицо опустилось на руль.

Даже на улице было слышно, как наверху в квартире у окна страшно закричала Вика...

Это было как сон, заставивший проснуться в холодном поту. И когда Соколовский услышал выстрелы, то мгновенно протрезвел, и перед его глазами пронеслось все, что случилось совсем недавно. И то, как они, выйдя с Даней из бара, поговорили с ним о машинах, и как он подарил Дани на свадьбу свой большой новый «Гелендваген», бросив ему ключи. И как он забрал у Дани ключи от его «корыта». И потом они неслись рядом по пустынным ночным улицам, врубив на всю громкость музыку, с воплями и восторженным смехом.

А потом Даня нажал на газ и ушел вперед. И Соколовский на старой машине не смог его сразу догнать. И во двор дома он въехал только тогда, когда Даня уже притормозил у подъезда на «Гелендвагене». Игорь сразу увидел, как с дальней части двора тронулся большой черный внедорожник. Как, набирая скорость, он вдруг притормозил возле «Гелендвагена», как в кабине внедорожника опустилось стекло и появилось лицо Стаса.

Самое страшное было то, что ничего сделать уже не успеешь. Соколовский закричал, вдавил в пол педаль газа и понесся на внедорожник Стаса. А оттуда уже показались руки с зажатыми в них автоматами «узи». И тишину двора разорвали автоматные очереди. И полетели осколки автомобильного стекла.

Стас увидел несущуюся на него машину и стал стрелять в водителя. Игорь упал боком на сиденье, чтобы не попасть под пули, и не отпускал педаль газа, ожидая удара. Но удара так и не получилось. Стас успел вывернуть руль, избежав столкновения, и пронесся к выезду со двора, пока Соколовский, лежа на сиденье, его не видел. Старенькая машина влетела в детскую площадку. Соколовский выскочил и побежал к «Гелендвагену».

Он вытаскивал окровавленное тело из машины, бормоча себе поднос:

– Сейчас, Даня, сейчас, погоди...

Телефон выскользнул из окровавленных рук Соколовского, снег вокруг тела Дани стал пропитываться кровью. И только теперь Игорь понял, что Даня лежит с открытыми глазами и смотрит в небо. И на его лицо тихо падает снег. Даня был мертв.

Рядом на снег упала на колени Вика. Она схватила руками безжизненную руку, пытаясь согреть ее своими губами:

– Даня! Данечка!

Игорь смотрел на лицо Дани, потом протянул руку и закрыл ему глаза. И тут Вику прорвало. Из ее глаз хлынули слезы.

Сержант обтянул яркой лентой часть двора, где произошло убийство. Потом он тщетно пытался оттеснить жильцов дома от ограждения. Вика боком сидела в машине «Скорой помощи» и невидящими глазами смотрела в снег за открытой дверью машины. Врач делала ей уже второй укол, чтобы привести женщину в чувство. Аня накинула на плечи Вики куртку и постоянно поправляла ее, чтобы та не сползла. Потом приехали Жека и Пряников. Соколовский все еще стоял, втянув голову в плечи, пытаясь согреть уши, потому что руки у него все еще были в крови. Тело Дани, накрытое белой простыней, лежало возле машины, и там работал эксперт.

– Кто? – хрипло спросил Жека и сглотнул сухим ртом.

– Стас, – ответил Соколовский, чувствуя, что губы его не слушаются. – Он думал, что в машине я.

– Игорь. Не надо. – Андрей Васильевич положил Соколовскому руку на плечо.

– Если бы мы не поменялись машинами... Или если бы мы поймали его раньше!

– Не надо думать про то, чего мы не сделали, – резко сказал, почти приказал Пряников. –

Думай про то, что должны теперь сделать.

Соколовский промолчал, глядя на Илью, который шел к ним в перчатках, испачканных кровью, попутно сказав медикам, что тело можно увозить.

– Скорее всего, моментально, – сказал Илья, глядя то на Соколовского, то на Пряникова. – Там как минимум три не совместимых с жизнью... И пятнадцать разной степени тяжести.

Когда тело Дани положили на носилки и приготовились забирать, Вика вдруг выскочила из машины «Скорой помощи», подбежала к носилкам и медленно отогнула простыню, глядя на лицо убитого. Потом она взяла себя в руки и опустила простыню, кивнув, что можно уносить.

– Мы должны его найти. – Соколовский присел и начал снегом оттирать руки от крови.

– Операцию «Перехват» уже объявили.

– Он все время ускользает, он прячется где-то, а где – мы никак не можем догадаться...

– Вечно прятаться он не сможет, – сказал Пряников. – Высунется – и накроем.

– Андрей Васильевич... Ну как же... Нельзя просто сидеть и ждать! Он ведь уверен, что убил именно меня. Я упал на сиденье, когда он стал стрелять по моей машине. Он не видел моего лица.

– Ты к чему это? – нахмурился Пряников.

– Он наверняка заявится на похороны, – глядя начальнику в глаза, сказал Соколовский. – Поймите, это его спектакль. Он захочет посмотреть финал.

Неожиданно Игоря поддержал эксперт, который рядом укладывал свои инструменты в чемоданчик:

– Может сработать! Месть не кончается со смертью объекта. Ему важно будет посмотреть, какой эффект произвела его месь.

– И что вы предлагаете? – спросила подошедшая Вика. – Похоронить Даню под видом Игоря?

– Это наш шанс поймать больного ублюдка, – кивнул Пряников.

– Он не сунется близко. Будет наблюдать со стороны, – предположил Соколовский.

– Но проверить, умер ты или нет, он может. Так что ложишься на дно. С твоей гостиницей я вопрос решу, с разными бумагами типа свидетельства о смерти – тоже. Если Стас позвонит в госпиталь, там все подтвердят. В отделе, как положено, на входе будет портрет с черной лентой, венок. Ты не суеверный, надеюсь?

– Ни капли. Но у меня просьба: брать его буду я.

– Главное, чтобы он пришел и спалился. Кто будет брать, решим на месте. А теперь все по домам. У одного молодая жена скучает, а девушкам надо прийти в себя. Ты, Игорь, едешь со мной.

Отдав последние приказания, Андрей Васильевич подошел к Вике и положил ей руку на плечо:

– Послушай. Смерть всегда трудно принять, смерть близкого человека – особенно. Даня всем нам был близкий. И теперь... Это, кстати, ко всем относится – надо жить, ребята. Поверьте, он бы хотел, чтобы мы жили. Нормально, полноценно – и помнили его. Понимаешь?

Вика кивнула с сухими глазами.

– Вот и хорошо. Аверьянов, Соколовский – поехали.

Ночью Пряников привез Соколовского со всеми мыслимыми предосторожностями к себе на дачу. Собственно, дачей это назвать можно было с большой натяжкой, скорее, временный домик или «домик для лопат», как иногда называют такие строения. Голые фруктовые деревья, сетка-рабица, ограждающая соседние участки и такие же маленькие домики вокруг. Все это было под снегом. Безлюдье и тишина.

В домике оказалась вполне приличная печка и запас дров, которого в принципе хватило бы даже до весны. Свет, правда, отсутствовал, но и это было не самым главным.

– Похороны послезавтра, я тебя заберу. Телефон выруби от греха, – посоветовал Пряников.

И уже когда Андрей Васильевич садился в машину, он окликнул Соколовского и сунул ему в руку свой пистолет.

– Снова? – с иронией спросил Игорь.

– На этот раз он тебе действительно нужен. Ты ведь не станешь пытаться стрелять из него в олигархов?

– Спасибо, Андрей Васильевич.

– Удачи, Игорь.

Соколовский сидел перед открытой топкой печи и смотрел на огонь. На столе горели свечи, стояла банка с огурцами и стакан водки. Обстановка уютная, если не думать о том, что сейчас идет подготовка к твоим собственным похоронам. И если не вспоминать окровавленного тела Дани и его смотрящих в небо мертвых глаз. Телефон зазвонил через час, и Соколовский выругался про себя. Он ведь должен был его отключить.

– Со мной что-то очень странное, – сказал в трубке Катин голос. – Не видела тебя всего день, а уже жутко соскучилась! Приедешь?

– Прости. Я не смогу.

– Что у тебя с голосом? Что-то не так?

– Ничего.

– Я ведь слышу, – укоризненно сказала Катя.

– Даню убили, – после долгой паузы, которую Катя не прерывала, сказал Игорь.

– Ты где? – торопливо спросила Катя. – Я сейчас приеду.

– Ко мне нельзя. Я и телефон должен был выключить.

Снова повисла пауза. Игорь понимал, что Катя не знает, что сказать. Да и он сам не очень знал, чем ей помочь.

– Вы были друзьями?

– Не были. До вчерашнего вечера. А потом вдруг стало понятно, что все претензии в прошлом. И что мы отлично поладим. Мы были друзьями примерно полчаса.

– Я могу тебе чем-нибудь помочь?

Игорь свернул пробку с бутылки, налил полстакана водки. И со вздохом ответил:

– Чем тут поможешь. Хотя...

– Игорь, все, что угодно, – заверила Катя.

– Нужно, чтобы ты пришла на мои похороны.

Катя молчала, видимо, так и не поняв, что он сказал. Соколовский опрокинул водку в рот и с шумом выдохнул воздух.

– Подожди. Я не поняла. Что нужно?

– Я сейчас все объясню.

Морозным утром к кладбищу потянулись один за другим автобусы похоронных агентств. Люди умирают на этом свете, не обращая внимания на погоду. На нее смотрят лишь те, кто соболезнает, кто думает, что вот в такую погоду уходить не стоит. Или наоборот.

Возле кладбищенской стены двое электриков неторопливо разматывали какой-то кабель, зачищали какие-то концы. Рядом лежали монтажные «когти», с помощью которых один из них будет подниматься на столб. Чуть наклонив голову к воротнику рабочей утепленной куртки, один из электриков тихо сказал:

– На месте. Все тихо, объекта нет.

Возле чернеющей среди белого снега могилы стояли люди. Могильщики разворачивали ремни, чтобы опустить гроб в могилу. Гроб стоял закрытым, а возле гроба в полицейской форме были Пряников, Родионова, Аверьянов с мрачными лицами.

– Напоминаю, – Пряников чуть приподнял пальцами край воротника и поднес его к губам, – объект крайне опасен. Не расслабляйтесь.

Один из офицеров подал Пряникову знак. Тот кивнул, подошел к самому гробу и, повернувшись к собравшимся возле могилы, заговорил:

– Сегодня мы хороним офицера. Настоящего профессионала. Но главное – друга, которого нам будет очень не хватать...

Стас в этот момент сидел возле оконного проема на третьем этаже строящегося здания и смотрел в бинокль на похороны Соколовского. На его губах играла легкая усмешка. Он сожалел лишь о том, что не слышит сейчас тех речей, которые произносят возле могилы. А возле могилы Пряников продолжал говорить:

– Даня был вспыльчивый. Прямолинейный. Но настоящий. Он недавно говорил со мной, что хочет уйти из органов и посвятить время семье.

Вика вскинула глаза на Андрея Васильевича, и тот кивнул ей в ответ:

– Да. И я его поддержал. Потому что он был такой – большой, резкий. А на самом деле очень хороший, очень правильный парень. Даня. Мы все сделаем, как надо. Мы не просто полиция. Мы менты. Мы за тебя отомстим.

Пряников отошел в сторону и махнул рукой. Заиграл оркестр. Гроб стали опускать в могилу. Прозвучал салют группы курсантов полицейской академии. Соколовский неподалеку сидел в машине с затемненными стеклами и кусал губы. Зазвонил телефон. Увидев, что звонит Васильев, он нехотя ответил:

– Илья Сергеевич, я занят. Если говорите, то только очень быстро.

– Игорь, выслушай меня, – торопливо заговорил Васильев. – Это срочно. Я звоню не потому, что я старый зануда. Мы начинаем выплачивать по кредиту. И если ты не находишь эвент оф дефолт...

– Дайте мне еще пару дней, – нетерпеливо прервал его Соколовский.

– Если ты не находишь эвент оф дефолт, благоразумнее заранее пересмотреть наши планы, отказаться от мести и как можно быстрее направить все средства на погашение задолженности.

– Два дня, – со стальными интонациями ответил Соколовский.

– Решение нужно было принимать вчера, – с сожалением сказал Васильев.

– Илья Сергеевич, вы позвонили в очень неудачное время. Я все понял. Но я сам вам перезвоню.

Соколовский сбросил разговор и сунул телефон в карман. Из бардачка он достал пистолет Пряникова.

– Он на стройке, на третьем этаже прямо над входом, – раздался в эфире голос оперативника, изображавшего электрика на столбе.

– Андрей Васильевич, я готов выдвигаться! – тут же ответил Соколовский, поворачивая голову в сторону стройки.

– Начинаем операцию, – твердо объявил Пряников. – Игорь пошел, остальные – отсекайте возможные пути отхода.

Соколовский выскочил из машины и, держа пистолет в руке, побежал вдоль стены к стройке. Он слышал, как в эфире звучал голос Пряникова, предупреждавший других оперативников, что объект – личность психически неуравновешенная.

– Только пусть все держатся на расстоянии! – напомнил Соколовский в микрофон на

воротнике. – Если он увидит, что я не один, его это только спровоцирует!

Оперативники стали стягиваться к стройке. Кто-то изображал автолюбителей, копавшихся в моторе стареньких «Жигулей», кто-то «ждал» на остановке свой автобус. Сейчас по двое и по трое все шли к стройке, охватывая территорию кольцом.

Пряников взял под локоть Катю:

– Вы держитесь за нами. Сядете в свою машину и сразу уезжайте. Не вздумайте останавливаться. Как все прошло, мы сообщим.

Катя нервно кивнула. Все четверо прошли через кладбищенские ворота. Стас неотрывно следил за полицейскими. И когда Вика, Пряников и Жека покинули кладбище, он опустил бинокль и повернулся, чтобы уйти. Но едва Стас коснулся ногой первой ступени лестничного марша, как увидел поднимающегося к нему снизу Соколовского с пистолетом на изготовку. Стас попятился назад, к проему в наружной стене.

– Не двигайся, – предупредил Соколовский.

– О! – улыбнулся Стас. – Похоже, не я один умею воскресать из мертвых! Как ощущения? Кайф?

– Руки держи так, чтоб я видел! – снова сказал Соколовский, поднимаясь следом и останавливаясь в нескольких шагах от бывшего друга.

– Вот, значит, как, – догадался Стас. – А я думал, бритый не пришел, потому что терпеть тебя не может. Значит, я его?

– Его, – подтвердил Соколовский, держа Стаса на мушке.

– Даже обидно за чувака, он мне чем-то нравился. Может, тем, что ты ему не нравился. Кстати, а что же теперь Вика? Тебе достанется? А что мы будем делать с Катей?

– Вставай к стене, – велел Соколовский. – Руки за спину. И не дергайся.

– Легко, – ответил Стас, спокойно глядя, как Соколовский достает наручники. – Красота-то какая, простор. Жаль, что я так и не узнаю, чем там у вас все закончилось.

– В СИЗО узнаешь, – пообещал Соколовский.

– Опять ты не угадал, Игорек, – укоризненно ответил Стас.

Он вдруг сделал два шага к проему в стене, раскинул руки и упал наружу спиной вниз. Соколовский бросился к нему, но не успел схватить. Зато внизу он увидел «куб жизни» – надувное устройство из оборудования МЧС, которое помогает спасти людей при падении с высоты до двадцати метров.

– Он прыгнул! – закричал в микрофон Соколовский. – Он все предусмотрел!

– Производим задержание! – раздалась команда Пряникова.

Соколовский несколько раз выстрелил, но попасть в убежавшего и быстро скрывшегося за углом Стаса он не мог. На территорию стройки с трех сторон забежали оперативники, Жека с Викой мчались вдоль забора в том направлении, где скрылся Стас.

– Объект не один! – крикнул в рацию кто-то из полицейских. – Объект уходит!

И тут же мимо Вики и Жеки пронесся черный внедорожник. Выстрелить никто не успел, да и опасно было стрелять, когда вокруг люди.

– Ты цел? Цел? – Катя схватила лицо появившегося рядом Соколовского.

– Я его упустил, Катя, – вздохнул Игорь.

В кабинете Пряникова шло оперативное совещание. Все сидели, повесив головы.

– Так. Никаких «это я виноват» слышать не хочу. Это я тебе, Соколовский!

– Так точно, – отозвался Игорь.

– Введена операция «Перехват». В аэропортах, на вокзалах дежурят наряды, так что покинуть город ему будет не просто. Поэтому – спокойно. Собрались. Думаем. Что мы знаем? В

чем мы просчитались?

– Не один он был, вот и просчитались, – первым ответил Аверьянов.

– Игорь, кто может быть его сообщником? – спросил Пряников. – Предположения есть?

– Не знаю. Он всегда действовал один. Это его личная месть.

– Нанял кого-то? – предположила Вика.

– Случайного человека он бы не допустил.

– Хочешь сказать, кто-то на его стороне?

– Да кто вообще может быть на стороне такой сволочи? – поморщился Жека.

– Неужели у него никогда не было близких друзей? – хмуро спросила Вика. – Или кого-то, кто его любил? Каждого человека кто-нибудь любит...

– Твою мать... – вдруг произнес Соколовский, откидываясь на спинку стула. – Его мамаша. Это же она инсценировала его похороны. Спрятала его. И ведь Стас отвечал мне по ее телефону!

– Но она же в Черногории? – сказал Пряников.

– Это он так сказал!

– Сейчас свяжусь с пограничным контролем. Родионова, срочно по всем отделениям разослать оперативку с ее фотографиями!

– Но зачем бы она стала ему помогать? Она ненормальная, что ли? – удивился Жека.

– Для матери нормально защищать своего сына, – сказала Вика.

– Даже такого?

– Может быть, для нее он совсем не такой?

Установить, что гражданка Щеглова Елена Викторовна не пересекала границу страны, удалось довольно быстро. Несколько оперативных машин остановились в районе притона, в котором Соколовский совсем недавно искал Стаса. По сведениям Пряникова, мать Стаса видели здесь около часа назад.

– А мы уверены? – Жека с сомнением стал озираться по сторонам.

– Это место для Стаса почти второй дом, – сказал Соколовский. – Или первый – было время, он не вылезал отсюда.

– Может быть, он решил, что снаряд два раза в одну воронку не падает, – невесело усмехнулся Пряников. – Мы с Игорем его тут уже искали, и безрезультатно. Он знает, что Игорь жив. Это может быть ловушкой.

Дальше Андрей Васильевич стал говорить в микрофон рации:

– Внимание всем! Соколовский идет внутрь. Я, Родионова и Аверьянов его прикрывают. Остальные – занимайте позицию позади здания. Вы трое заберетесь через окна. Остальные – держите периметр. Но внутрь входим только по сигналу Соколовского. Игорь, готов?

Соколовский вошел. Сегодня двух охранников у входа не было. Под ногами катались пустые бутылки, хрустели шприцы. В коридоре и в комнатах по обе стороны коридора стали попадаться люди, спавшие наркотическим сном или потерявшие сознание. Увидев одного зашевелившегося было парня, Соколовский присел на корточки перед ним и похлопал его по щекам. Тот сфокусировал взгляд на незнакомце и промычал что-то нечленораздельное. Соколовский показал ему фотографию матери Стаса, но парень только махнул рукой и повалился на пол.

Достав телефон, Игорь набрал номер Пряникова и нажал вызов. Он не заметил, что от стены отделилась фигура и тихо последовала за ним.

– Заходим! – прозвучал в эфире приказ Пряникова.

Снаружи, подсаживая друг друга, несколько человек стали забираться в окна здания. Часть оперативников осталась снаружи, держа оружие наготове. Соколовский вышел на лестницу и стал подниматься по ней.

– Уходи, – раздался голос матери Стаса.

– Елена Викторовна! – Соколовский остановился. – Ну что же вы? Взрослый человек, а прячетесь по таким заведениям!

– Я не собираюсь отвечать на твои идиотские вопросы, – снова раздался женский голос.

– Стас с вами?

– Ты слишком много бед принес моей семье. – Голос зазвучал с болью. – Из-за тебя погибла моя дочь. Я не могу допустить, чтобы из-за тебя погиб мой сын.

– Ваш сын – убийца, Елена Викторовна.

– Не верю! – крикнула женщина.

И когда Игорь подумал, что сейчас мать Стаса просто отвлекает его, чтобы кто-то сумел на него напасть, сзади мелькнула черная фигура. Соколовский отпрянул в сторону, но слишком медленно. Вовремя подоспели Жека и Пряников. Вдвоем они свалили на пол того самого парня, которому Игорь показывал фотографию Елены Викторовны. Из руки парня вырвали шприц.

– Елена Викторовна! Я так просто не уйду! Мы не уйдем! – пообещал Соколовский, глядя вверх.

– Почему вы так ненавидите моего сына?

Ответить Игорь не успел, потому что наверху, на следующем этаже, вдруг раздались выстрелы, потом истощный женский крик:

– Не трогайте его!

Кто-то приказал положить оружие на пол, и Соколовский бросился вперед. Сзади топали Жека и Пряников. Дверь, коридор и большая комната. Там уже несколько оперативников держали под дулами пистолетов Стаса. А сам он с автоматом «узи», закрывая собой свою мать, стоял в углу комнаты.

– Оставьте в покое моего сына! – снова отчаянно простионала женщина.

– Отойдите в сторону! – велел один из оперативников, целясь в Стаса.

– Я никуда не отойду. Это мой сын! Я имею право находиться рядом с ним!

Пряников, не выпуская из поля зрения Стаса, наклонился к брошенной на пол спортивной сумке. Раскрыв ее, он увидел, что поверх вещей лежат паспорт, билет на самолет. На паспорте было фото Стаса, но в документе значилось другое имя – Иванов Дмитрий.

– Опередили, – ухмыльнулся Стас.

– Уходите! – снова крикнула Елена Викторовна, но ее сын вдруг бросил «узи» на пол.

– Спокойно, мать. Я поеду с ними. Ты ведь знаешь, что я никого не убивал. И они ничего не смогут доказать, – сказал Стас, глядя на Соколовского. – У них ведь нет улик. Ни отпечатков, ни свидетелей. Мне только хороший адвокат нужен.

– У тебя будет самый лучший! – пообещала Елена Викторовна.

– Ну, значит, мне и бояться нечего.

Соколовский посмотрел на Пряникова, тот повернулся к оперативникам и приказал:

– Парни, подгоните машины к выходу.

Еще раз обменявшись с Соколовским взглядами, Пряников взял под руку Елену Викторовну и увел ее к лестнице:

– Поедете с нами. Дадите показания.

– Говорю вам, Стас ни в чем не виноват, – слышен был на лестнице удаляющийся голос.

– Значит, так и запишем.

В комнате остались только Стас, Соколовский с Викой и Аверьянов.

– Что тут скажешь, – ухмыльнулся Стас. – Молодцы. Нашли. Арестовали. Все по закону. Все как положено. Так чего ждем? Ведите. И наручники не забудьте. А то вдруг убегу.

Вика, Соколовский и Жека переглянулись. Все трое подняли пистолеты и направили их на

Стаса. И он уже понял, что сейчас произойдет, но бежать или предпринимать еще что-то уже было поздно. Стас замер все с той же улыбочкой на лице, только сейчас она у него выглядела не глумливой, а натянутой. Так и припечаталась к его лицу, став его посмертной маской. Раздались выстрелы. Стас повалился на пол как подкошенный. Снизу закричала его мать. Соколовский сделал шаг вперед и посмотрел в лицо бывшего друга. Мертвые глаза уставились в потолок.

И сразу вспомнились глаза Дани, которые закрывал Игорь, сразу вспомнилась Яна, вся в крови, безжизненно повисшая на ремнях безопасности в расстрелянном автомобиле. Вспомнилась связанная Вика с заклеенным ртом и пистолет у ее виска.

Этим утром они долго лежали в постели. Катя тоже проснулась и легла головой на грудь Соколовского.

– Скажи, ты занята до Нового года?

– Предлагаешь до боя курантов не выходить из этого номера? – улыбнулась Катя.

– Может, даже из постели не выходить.

– К сожалению, не могу.

– Но мы точно можем выпить.

Осторожно сняв со своей груди голову Кати, Игорь поднялся и подошел к мини-бару. Выбрав коньяк, он стал наливать его в два больших стакана.

– И ради каких дел ты меня сегодня бросишь? – спросил он.

– Не важно.

Вернувшись к постели с коньяком, он сел рядом с девушкой и подал один стакан ей.

– А что с твоим голосом?

– Просто не хочу говорить о проблемах.

– А по-моему, мы с тобой вышли на новый уровень отношений. – Игорь приподнял свой стакан и отпил глоток. – На котором можно говорить о проблемах.

– Ладно, – улыбнулась Катя. – Мне нужно где-то найти два миллиона долларов.

– Щас... – с готовностью отреагировал Соколовский, делая вид, что роется в тумбочке.

– Я серьезно!

– Открываешь новые квесты?

– Расплачиваюсь за старые, – вздохнула Катя и нехотя стала рассказывать: – Отец дал мне стартовый капитал, чтобы организовать все. И теперь я хочу ему вернуть. В этом году хотела бы, но вряд ли получится.

– Могу помочь.

– У тебя что, есть два миллиона долларов?

– Если выгорит одно дело – будут, – пообещал Игорь.

– Не надо. – Катя отрицательно покачала головой. – Это мои с отцом отношения.

– А почему такая срочность?

– Не хочу быть ему должной. Ну, то есть, строго говоря, не ему, а его компании.

– Он эти два миллиона взял из компании? – внимательно глядя на девушку, переспросил Игорь. – И совет директоров одобрил?

– Сомневаюсь, что он у них спрашивал. Давай не будем об этом? Мы, конечно, можем говорить о проблемах. Но не хочется.

– Договорились. А давай быстро в душ и на каток?

– Давай. В душ ты первый.

Соколовский поднялся, поцеловал Катю и пошел в душ, по пути прихватив свой телефон. Катя с удивлением заметила это. В ванной он включил воду и набрал номер Васильева:

– Илья Сергеевич, слушайте внимательно. Я только что узнал, что Игнатьев перевел со счета

фирмы на счет своей дочери два миллиона долларов. Примерно год назад.

– Он провел эту сделку через совет директоров?

– Вы не понимаете. Это не сделка. Это однозначное нарушение. Он просто отдал деньги дочери – на развитие бизнеса. Но деньги он взял со счетов компании. Это подойдет, чтобы объявить эвент оф дефолт?

– Более чем.

Подняв голову, Соколовский в отражении зеркала увидел, что дверь в ванную открыта и на пороге стоит Катя.

– Илья Сергеевич, я вам перезвоню, – быстро сказал Игорь и отключился. Он выключил воду и стал ждать, глядя на Катю.

– Теперь я знаю, что наша встреча была все-таки не случайной, – сказала девушка.

Соколовский вместо ответа только развел руками.

– И звонить мне не надо, – добавила она, повернувшись и закрыв дверь.

Игорь опустил голову, потом снова набрал номер:

– Илья Сергеевич, забыл уточнить. Сколько вам с Константином нужно будет времени, чтобы все подготовить?

– Два дня.

– То есть все будет готово до тридцать первого декабря?

– Совершенно верно. А что, это как-то не укладывается в ваши планы?

– Нет, почему же? Все прекрасно, – ответил Соколовский. Отключившись, он бросил телефон и с наслаждением подставил голову под холодную воду.

Было уже поздно, когда раздался звонок в дверь. К своему большому удивлению, Вика увидела на пороге Соколовского.

– Можно? – спросил он.

– Конечно. – Вика посторонилась, пропуская Игоря и наблюдая, как он неторопливо раздевается, вешает пальто.

– А где Аня? – зайдя в комнату, спросил Соколовский.

– В магазине. Она у нас отвечает за праздник.

– Это хорошо. – Игорь повернулся к Вике: – Нам нужно поговорить. Ты же понимаешь, после того, что случилось...

– А не рано, Игорь?

– Чего откладывать? Новый год скоро, – странно ответил он, усаживаясь за стол напротив Вики. – Что ты собираешься делать? То есть я понимаю, что рожать, конечно, а дальше?

– Разберусь.

– Но ведь тебе не обязательно одной?

– Не обязательно. Но, Игорь, я знаю, о чем ты, – заволновалась Вика.

– Нет. Не знаешь. – Соколовский помолчал и попросил: – Не отвергай мою помощь.

– Это будет не честно. По отношению к нему.

– Наоборот! – убежденно заявил Игорь. – Мы с ним все разрешили, и это будет только правильно.

– Игорь, ты ведь понимаешь. Мы не можем быть просто друзьями.

Соколовский встал, подошел к Вике и взял ее за руку.

– Мы всегда можем попробовать. – На какое-то мгновение он прижался щекой к ее руке, поцеловал ладонь и пошел к двери. – С наступающим!

Дверь захлопнулась, а Вика все еще смотрела вслед ушедшему Соколовскому. Она провела рукой по животу и сказала, обращаясь то ли к будущему ребенку, то ли к Игорю:

– Поверь мне. Так будет лучше.

Поговорив по телефону, Игнатъев так и остался стоять у окна, глядя на заснеженную улицу. Ощущение победы над Соколовским не приходило. Наоборот, оставалось ощущение, что он увяз ногами в болоте и все погружается куда-то. Вязкая цепкая тина не отпускала. Неожиданно за спиной раздался Катин голос. Катя пришла к нему – он даже не предполагал, что такое может произойти. После их ссоры...

– Неужели ты собрался встречать Новый год здесь?

– Рабочий день еще не окончен. Торги на бирже вовсю идут, – начал он объяснять.

– Или потому что дома никого нету? – вздохнула Катя.

Отец отвел глаза, и Катя добавила:

– Пап, я пришла за тобой. Мама ждет дома. А еще... Мне кажется, я сделала большую глупость.

– Только не говори, что вы с ним поженились! – Игнатъев подошел к дочери: – Или... ты... от него?

– Нет! Нет. Дело совсем в другом. Мне кажется, я тебя подвела. Понимаешь, Игорь знает, что ты дал деньги на мои квесты.

– Игорь... Соколовский?

– Да, он знает, что ты дал мне деньги, не посоветовавшись с советом директоров.

– Почему вы вообще об этом заговорили? – сердито спросил Игнатъев.

– Потому что я хотела отдать тебе деньги, чтобы больше не зависеть. Он стал предлагать помощь, спрашивать, что и как.

– Но... Какое ему вообще дело... Зачем?

– Он тут же позвонил кому-то и рассказал об этом. Как будто это что-то очень важное. Папа, прости меня. Это какая-то глупость, я уверена, все можно исправить, ведь можно? Хочешь, я пойду сейчас к нему и скажу, что он не имеет никакого права использовать то, что стало ему известно в частной беседе, хочешь?

– Молодец, что рассказала.

– Пап. Папа... Я люблю тебя, – тихо сказала Катя.

Казалось, что отец и дочь наконец заключат друг друга в объятия и рухнет стена между ними, которая росла столько лет. Но в коридоре зазвучали торопливые уверенные шаги, дверь распахнулась еще шире, и в кабинет Игнатъева вошел Соколовский, держа под мышкой ноутбук.

– Добрый вечер, Аркадий Викторович, – деловито приветствовал Игнатъева Игорь.

– Не помню, чтобы я назначал тебе встречу.

– Я сам ее назначил, – ответил Соколовский и поставил ноутбук на стол. – Сегодня вашей фирме, Аркадий Викторович, был объявлен эвент оф дефолт. Всего пару часов назад.

– Кем? – прищурился Игнатъев.

– Мной, – спокойно ответил Соколовский. – На том основании, что на сегодняшний день держатель основного долга вашей компании – я.

Игнатъев ошарашенно вытаращил на Соколовского глаза:

– Ты меня обманываешь.

– Я говорю правду, – заверил его Соколовский.

– Ты не мог скупить мои облигации! У тебя нет денег! Ты взял кредит под компанию отца! И ты все потратил на то, чтобы войти в состав совета директоров моей компании! Я проверил!

– Ошибаетесь. Я хотел, чтобы вы так думали. Но на самом деле, чтобы войти в состав директоров вашей компании, я потратил всего несколько часов. Я договорился со всеми вашими миноритариями и получил право управлять их долей совершенно бесплатно. Так что не надо за меня переживать, Аркадий Викторович. У меня были деньги, чтобы скупить ваши облигации. И

по-прежнему есть. Чего не скажешь о вас.

– Ты о чем? – Игнатъев понял, что уже не знает, чего ему ждать от Соколовского.

– Подумайте. Если не ошибаюсь, недавно вы произвели одну очень дорогую покупку. – Соколовский с удовольствием смотрел, как Игнатъев медленно опускается в кресло. – Я ходил к вам на собрания. Подавал на вас иски в суд. Попытался увести у вас помещения под магазины. И вы не выдержали. Совершили эту совершенно ненужную вам сделку. Ради которой вам пришлось выпустить облигации. И потратить весь кэш.

– Сукин ты сын... – прошипел Игнатъев.

– Но вернемся к сегодняшним событиям, – как-то особенно торжественно произнес Соколовский. – Как держатель основного долга я имел полное право объявить вам эвент оф дефолт. Основание – незаконный перевод двух миллионов долларов компании «К-Квест». Этот перевод не был одобрен советом директоров, однако вы его совершили. И поэтому я, как основной держатель долга, требую немедленного его погашения.

Игнатъев побледнел до такой степени, что Катя наконец не выдержала и подбежала к отцу:

– Пап? Тебе плохо?

– И что дальше? – отстраняя дочь, спросил Игнатъев у Соколовского.

– Прекрати! – закричала Катя.

– Пусть он говорит, – зло процедил сквозь зубы Игнатъев.

– Я позаботился о том, чтобы об объявлении вам эвент оф дефолт моментально стало известно на рынке, и... – Игорь развернул ноутбук экраном к Игнатъеву. Там был открыт сайт биржи. – Вот что происходит сейчас с вашими акциями.

– И ты использовал для этого мою дочь, – не отрывая взгляда от экрана, сказал Игнатъев.

– Потому что у меня не было другого выхода.

– А как насчет того, чтобы просто оставить отца в покое?

– Так же как он оставил моего? – спросил Соколовский. – Прости, Катя. Я не хотел тебя впутывать в это. Но так вышло.

– Я тебе не верю! – выпалила Катя.

Соколовский достал свой телефон, записную книжку, стал там что-то искать. Игнатъев, глядя на него с ненавистью, снова заговорил:

– Когда ты вышел из СИЗО, я подумал, что надо попробовать тебя простить. Если бы ты только держался подальше от меня и от моей дочери... Но ты... ты сам виноват!

– Илья Сергеевич, – сказал Соколовский в трубку, – покупайте.

– Что ты сейчас сделал?

– Я вам отомстил, – просто ответил Соколовский. – Вот и все, Аркадий Викторович. Из держателя основного долга я превратился в держателя основного пакета акций этой компании. А после юридических формальностей я буду владельцем.

– Ты закончил? – борясь со слезами, спросила Катя. – Доволен? Пап...

– Теперь вы только менеджер. Если попробуете вмешаться и как-то изменить ход событий – я вас посажу. Поэтому мой вам совет: просто смириться.

– Папа, не слушай его! – тормозила Игнатъева Катя. – Наверняка есть какая-то лазейка, да?

– Bravo, Игорь! – Игнатъев неожиданно улыбнулся и картинно захлопал в ладоши. – «Пять» по бизнесу!

– Андрей Викторович, вы вообще поняли, что сейчас произошло?

– Это ты ни хрена не понял, – засмеялся Игнатъев. – Думаешь, что отобрал у меня мой бизнес? Черта с два! Все это время ты старательно воплощал чужой план! И поэтому фирма теперь не моя. Но она и не твоя, Игорь!

– А чья же?

– Отобрав у меня компанию, ты подарил ее другому человеку! Есть договоренность...

– Что вы несете? – перебил Игнатьева Соколовский. – Какой другой человек?! Какая договоренность?

– Узнаешь!

– Я вам не верю! – начиная пугаться, ответил Игорь.

– Да ты сам не понимаешь, во что ты влез! Мы с тобой теперь одинаковые – с пустыми карманами! И еще: я не убивал Аню! Твою мать убил не я!

– А кто?

– Тот самый человек, который теперь будет владеть твоей и моей компаниями. У него много имен. Но одно имя все знают...

Палец надавил на спусковой крючок винтовки с оптическим прицелом, и пуля понеслась вперед, к своей жертве. Стекло в кабинете Игнатьева треснуло, и в нем образовалась неровная, страшная дырка. Соколовский повернулся к Игнатьеву в тот момент, когда он уже падал на ковер своего кабинета с пробитой пулей головой. Катя с визгом бросилась к отцу и упала на его тело. Соколовский, все еще не веря в реальность происходящего, смотрел то на окно, то на тело Игнатьева.

И в этот момент у него зазвонил телефон. Почему-то стало понятно, что это разгадка, это объяснение. По крайней мере, Соколовский ответил автоматически:

– Да?

– Здравствуйте, – сказал в трубке мужской голос. – Аркадий не успел нас представить. Меня зовут Фишер.

– Зачем ты его убил? – прошептал Соколовский, который никак не мог смириться с тем, что произошло.

– Он нам мешал. Мы ведь давно с вами связаны. Это я вытащил вас из СИЗО. Не стоит меня слишком сильно за это благодарить.

Соколовский подбежал к простреленному окну, но увидеть стрелка было невыносимо.

– Что тебе от меня надо?

Васильев задумчиво смотрел на Константина, который разговаривал с Соколовским по телефону. Андрей Васильевич складывал в коробку разобранный снайперский винтовку.

– Это длинный разговор, – сказал Константин. – У нас еще будет время. Скажу лишь, что, выйдя на свободу, ты работал не на себя. Ты работал на меня. Да, и с Катей ты тоже встретился не случайно. Скоро увидимся, Игорь.

Рука Константина, на манжете которой красовалась запонка со стилизованной буквой «F», нажала отбой на телефоне.